

ПРАВОСЛАВИЕ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

275 ЛЕТИЕ
РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ
В КИТАЕ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ
АКАДЕМИЯ

ПРАВОСЛАВИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

275-ЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ
В КИТАЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

„АНДРЕЕВ И СЫНОВЬЯ“

1993

Ответственные редакторы:

действительный член Российской Академии наук, профессор
М. Н. БОГОЛЮБОВ

доцент С.-Петербургской Православной Духовной Академии
архимандрит АВГУСТИН (НИКИТИН)

Составитель Сборника:

доцент кафедры истории стран Дальнего Востока восточного
факультета С.-Петербургского Государственного университета
Н. А. САМОЙЛОВ

Управляющий издательством А. В. Старынин

Оформление обложки В. Д. Кашина

ПРАВОСЛАВИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Технический редактор С. Н. Холстина

Корректоры И. М. Пьянкова, С. П. Дончикина, Н. В. Викторова

Выпускающий О. Я. Карманова

Сдано в набор 26.01.93. Подписано к печати 19.05.93. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,0. Тираж 3000 экз.
Заказ 24.

Издательство «Андреев и сыновья»

196143, Санкт-Петербург, а/я 176, ул. Орджоникидзе, 5.

Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» типография
№ 8 Мининформпечати РФ. 190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6.

ISBN 5-87452-041-4

© Издательство
„Андреев и сыновья“,
1993.

*Памяти деятелей Российской Православной
Миссии в Китае, людей духовных и светских,
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская Духовная Миссия в Пекине, посвящая свои труды проповеди Православия, духовному окормлению паствы, переводу Священного Писания, богослужебных и духовно-нравственных книг на языки Дальнего Востока — китайский, маньчжурский, внесла, одновременно, заметный вклад в историю дипломатических отношений двух великих государств, в развитие отечественной и мировой синологии. Основанная по велению императора Петра I Великого, Миссия действовала в Китае преемственно в XVIII, XIX и XX вв. В 1991 г. исполнилось 275 лет со времени прибытия в Пекин первой Миссии, начальником которой был архимандрит Илларион (Лежайский), воспитанник Киевской Духовной Академии, состоявший настоятелем в Якутском Спасском монастыре. Откликаясь на эту приметную дату в истории народов России и Русской Православной Церкви, восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия в феврале 1991 г. провели совместно научный семинар, материалы которого составили настоящий Сборник. 26 февраля заседания семинара, работу которого открыл ректор СПбГУ академик С. П. Меркурьев, состоялись в Петровском зале университета. Со вступительным словом выступили декан восточного факультета академик М. Н. Боголюбов и профессор-протоиерей Владимир Сорокин, в то время ректор Духовной Академии. 27 февраля семинар работал в Актовом зале Духовной Академии. Утром, перед началом заседания о. ректор в академической церкви совершил молебен и панихиду по начальникам Миссии. В тот же день на Братском кладбище Александро-Невской Лавры панихиду у памятника на могиле выдающегося китаевода архимандрита Иакинфа (Бичурина), начальника 9-й миссии, отслужил доцент Духовной Академии архимандрит Августин (Никитин).

Начало укоренению Православия в Китае положило скромное служение в Пекине, в обращенной в церковь старой китайской кумирне, о. Максима Леонтьева. В 1685 г. многотысячное, хорошо вооруженное войско императора Канси сломало сопротивление казаков, оборонявших Албазин, и разрушило этот рус-

ский острог на Амуре. Небольшому отряду из числа оставшихся в живых защитников Албазина, оказавшемуся в плену, было суждено стать первой православной общиной в пределах Китая. Приведенных в Пекин албазинцев Канси причислил к наследственному военному сословию, включил их в свою гвардию под именем Русской сотни. Им отвели квартиры, назначили жалованье и дали в жен китайнок. Впоследствии из албазинцев вышли первые толмачи и драгоманы. В китайском окружении вскоре дал о себе знать процесс языковой и духовной ассимиляции. Тем большими здесь были заслуги о. Максима. Приведенный в Пекин вместе с албазинцами-казаками этот кроткий, благочестивый пастырь постоянным богослужением, требами и проповедью более четверти века поддерживал родную веру в сородичах, привлекая к ней и китайцев. Государь Петр I дальновидно оценил также и государственное значение присутствия в столице Китайской империи православной общины и в своем указе от 18 июня 1700 г. повелел писать к Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому), чтобы он «поискал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученого и благого жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы Божию помощью в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение истинного, живого Бога, и привел бы с собою добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться».

Со временем Православная Миссия на долгие годы становится в Китае своего рода школой высших практических и научных знаний во всех областях китаеведения. Многие именитые русские синологи, лица духовные и светские, провели в этой школе долгие годы, изучая языки и письменности, религии, нравы, обычаи, историю, литературу народов Дальнего Востока — Китая, Маньчжурии, Тибета, Монголии. Из учеников и членов Миссии вышли первые российские профессора китайского и маньчжурского языков — архим. Даниил (Сивилков) (1798—1871), О. П. Войцеховский (1793—1850), К. А. Скачков (1821—1883), И. И. Захаров (1816—1885), Д. А. Пещуров (1833—1913). Член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1819), директор Российского комитета Библейского общества архимандрит Петр (Павел Иванович Каменский), окончивший Нижегородскую Духовную Семинарию, учившийся в Московском университете, состоял учеником 8-й миссии (1793—1808) и начальником 10-й миссии (1821—1830). Знаток и собиратель книг и рукописей, архим. Петр основал миссийную библиотеку. Его товарищ по 8-й миссии Степан Васильевич Липовцов, воспитанник Казанской Духовной Семинарии, одновременно с ним был избран членом-корреспондентом Петербург-

ской Академии наук по классу литературы и древностей Востока. Им был сделан перевод Нового Завета на маньчжурский язык. На протяжении 14 лет, с 1807 по 1821 г., Миссию возглавлял архим. Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин). Его ученые труды трижды были удостоены Демидовской премии, в их числе его Грамматика китайского языка. Он состоял членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (с 1828), членом Азиатского общества в Париже. Автор большого китайско-русского словаря и многих капитальных трудов по истории Китая и Монголии, истории религий Китая архим. Палладий (Петр Иванович Кафаров), получивший образование в Казанской Духовной Семинарии и Петербургской Духовной Академии, вел в Миссии просветительскую и научную работу с перерывами на протяжении 40 лет. Первый в России магистр монгольской словесности академик Василий Павлович Васильев, декан Факультета восточных языков (1878—1893) С.-Петербургского университета, провел в Миссии десятилетие в занятиях китайским, тибетским, санскритским, монгольским, маньчжурским языками, в изучении буддизма. Выдающимся синологом был архимандрит, впоследствии митрополит Пекинский и Китайский Иннокентий (Иоанн Аполлонович Фигуровский), возглавлявший Миссию с 1896 по 1931 г.

В 1719 г. по предложению митрополита Тобольского Филофея (Лещинского) при согласии Петра I было решено учредить в Пекине православную епископскую кафедру. Однако Иннокентий (Колчицкий/Кульчицкий) ни в 1721, ни вторично в 1726 г. не был допущен в Пекин китайским правительством и в сане епископа Иркутского трудился среди народов Восточной Сибири как миссионер и церковный устроитель. Прославленный в 1804 г. св. Иннокентий являлся небесным покровителем Миссии. Русская Православная Церковь отмечает его память 22 февраля.

В 1858 г. Миссия получает право на свободную христианскую проповедь в Китае, в 1864 г. с нее снимаются дипломатические обязанности, которые Миссия выполняла на протяжении 150 лет. Постепенно устанавливаются миссионерские связи с епархиями Дальнего Востока России, где имелось китайское, маньчжурское, корейское население, с Русской Духовной Миссией в Японии, куда из Пекина направляются духовные книги в переводе на китайский язык. Православная епископская кафедра была учреждена в Китае лишь в 1902 г., поэтому начальник 16-й миссии архимандрит Флавиан (Николай Николаевич Городецкий; впоследствии митрополит Киевский и Галицкий) для представления к рукоположению на священство Митрофана Цзичуня ездил в 1882 г. в Японию к епископу Николаю (святому равноапостольному Николаю Японскому), одному из величайших православных подвижников XIX столетия. О. Митрофан, первый священник в Миссии, совершавший службы на ки-

тайском языке, принял мученическую смерть 23 июня 1900 г. вместе со многими православными китайцами и албазинцами, погибшими в дни «боксерского» восстания. Автономная Православная Китайская Церковь, учрежденная в 1956 г., чтит память святых православных новомучеников 24 июня.

В 1991 г. Министерство науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации утвердило республиканскую комплексную научно-исследовательскую программу «Народы России: 1991—1995. Возрождение и развитие». Научным руководителем Программы является доктор экономических наук, профессор С.-Петербургского государственного университета В. Т. Пуляев. Эта Программа в разделе «Религия в духовной культуре общества» содержит тему, озаглавленную «Роль Русской Православной Церкви в установлении и развитии связей со странами Азии и Африки». Данный Сборник публикуется в плане этой темы и на средства, выделенные для его публикации из бюджета Программы, за что здесь приносится благодарность проф. В. Т. Пуляеву и проф. В. Н. Красильникову, проректору СПбГУ по научной работе. Здесь также хочется поблагодарить заведующего кафедрой китайской филологии СПбГУ проф. Е. А. Серебрякова, заведующего кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ проф. Г. Я. Смолина и заведующего редакцией журнала «Христианское чтение» — печатного органа Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии В. С. Белоненко, которые любезно прочитали материалы Сборника и сделали свои замечания. Организация научного семинара и составление Сборника из материалов, предоставленных его участниками, осуществлены Н. А. Самойловым, доцентом кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета СПбГУ.

Сборник не создает, конечно, целостного представления о разносторонней деятельности Миссии на протяжении трех столетий, о ее тружениках, о их вкладе в духовную культуру, науку. Святитель Николай Японский считал, что «Пекинская миссия — мать японской». Хочется думать, что изучение востоковедами пути, пройденного Миссией, получит продолжение. Вместе с этим свою особую историю имеет утверждение Православия в Японии, Корее, на Дальнем Востоке России. Стремлением привлечь внимание исследователей к этим граням служения Русской Православной Церкви объясняется общее название, данное Сборнику: «Православие на Дальнем Востоке».

Академик *М. Н. Боголюбов*

От редколлегии

Названия научных учреждений, библиотек и архивов приведены в Сборнике по состоянию на момент представления статей.

Н. Ю. Новгородская

РОЛЬ И МЕСТО РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ В ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ XVII—XVIII В.)

Почти сто лет назад известный русский историк Н. И. Веселовский очень точно определил, сколь значительную роль в истории развития отношений между Россией и Китаем играла деятельность Российской Духовной Миссии в Пекине и сколь велика научная ценность наследия, оставленного ее членами. Он, в частности, писал: «Русская духовная миссия в Пекине — это своеобразное учреждение, возникшее в силу исторических случайностей, — оказала русскому правительству такую великую услугу в деле сношения с Китаем и способствовала такому успеху в области изучения нами китайского народа, его языка и литературы, что всякий еще не обнародованный источник, служащий к уяснению прошлого этой миссии, необходимо должен возбуждать интерес как в смысле историческом, так и в смысле бытовом»¹.

Деятельность Российской Духовной Миссии в Пекине была очень разнообразна; не ограничиваясь собственно религиозной сферой, она также распространялась на политическую, торгово-экономическую, научную и культурную области.

Как известно, зарождение русской православной церкви в Китае восходит к концу XVII в., когда во время военных столкновений в Приамурье по указу китайского императора Канси из пленных казаков, большую часть которых составляли защитники Албазина, а также из перебежчиков на северо-востоке Пекина было образовано русское поселение. Выходцы из России были приписаны к одному из восьми, желтому с каймой, знамени цинского войска, им было назначено из государственной казны содержание и дано право исповедовать собственную веру².

Для богослужения русским была передана во владение буддийская кумирня, которую доставленный вместе с албазинцами

в Пекин о. Максим обратил в часовню во имя святителя Николая Чудотворца³. Китайцы эту часовню прозвали «Лоча мяо» («Русский храм»)⁴. В 1696 г. по распоряжению Тобольского митрополита Игнатия о. Максим с присланными из России верхогурским священником Григорием и тобольским дьяконом Лаврентием освятили албазинскую часовню «во имя св. Софии Премудрости Божией»⁵. Однако новое название не пришлось по душе ни прихожанам, ни священнослужителям, поэтому в более позднее время церковь по-старому именовалась Никольская.

Так, в «Записках» Джона Белла, посетившего Китай в составе посольства Л. В. Измайлова (1719—1722), сохранились сведения о том, что 6 декабря 1720 г., в день св. Николая, эту церковь посещал российский посланник и «слушал там обедню»⁶. В документах конца XVIII в., например в рапорте ученика миссии А. Владыкина от 3 апреля 1795 г., церковь также упоминается как Никольская⁷.

Хотя проповедью христианства русские священники в Китае главным образом занимались среди немногочисленных албазинцев и их потомков, тем не менее уже в начале XVIII в. у китайцев бытовали довольно четкие представления о роли, которую христианская религия играла в жизни русского народа. Например, в «Июйлу» («Записках о чужеземном крае»), составленных цинским чиновником Тулишенем во время путешествия по России в 1712 г., отмечалось, что русские «весьма набожны и великую имеют веру к своему богу. Постных дней у них много, и начав от их хана, даже до последнего человека, и все те народы, кои приняли их русскую веру, от мала до велика, в одном году, весною, летом, осенью и зимою содержат четыре великих поста... В тот самый день, в который женятся, ходят жених и невеста в молитвенный храм, Тяньджутан, и отправляют некоторую богу их службу, а потом совокупляются браком. Мертвых или покойников кладут в гробы и носят их также в молитвенные храмы для отправления по их вере некоторая службы, и потом при оных храмах кладут их в землю, зделав наверху могилы небольшой бугорок»⁸.

Были ли все эти знания получены Тулишенем из бесед с русскими и наблюдений, сделанных во время путешествия по России, или какие-то из перечисленных обрядов стали ему известны в результате знакомства с бытом проживавших в Пекине албазинцев, сказать трудно. Не исключено также, что часть информации китайский посол получил от архимандрита Иллариона (Лежайского), который в сопровождении нескольких священнослужителей был направлен из России в Пекин вместе с возвращавшимся на родину Тулишенем.

Архимандрит Софроний (Грибовский) в «Уведомлении о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры» писал о том, что «император Канси, желая новоприбывшим российским священникам сделать во всем удо-

вольствие, сверх оказанных им своих милостей, приставил к ним самого любезного своего вельможу, чином генерала, которой бы часто приезжая к старшему священнику, наведывался как о его здравии, так узнавал бы не имеет ли от кого ли он с прочими какой нужды? или не терпит ли от кого какой обиды?»⁹.

Таким образом с самого начала существования Российской Духовной Миссии в Пекине зародилась связь между отдельными ее членами и представителями цинских властей. В дальнейшем на протяжении всего XVIII в. эти связи укреплялись и расширялись, что было вызвано активизацией внешнеполитической деятельности обоих государств. Кяхтинский трактат, заключенный 21 октября 1727 г., наряду с основными положениями о границе, порядке дипломатических и торговых сношений между Россией и Китаем закрепил статус и порядок содержания в Пекине Российской Духовной Миссии.

Российское купечество получило право на беспошлинную торговлю в столице Цинской империи и разрешение на приграничную торговлю в Кяхте и Цурухайту. Полностью в распоряжение Российской Духовной Миссии был передан расположенный в юго-восточной части города Посольский двор, где обычно останавливались приезжавшие в Китай члены российских дипломатических миссий и торговых караванов, оттого место это получило название «Элосы гуань» («Российское подворье»). Как выглядело Российское подворье накануне заключения Кяхтинского трактата, можно представить из описания, оставленного Д. Беллом. Путешественник отмечал, что «... дом, которой называется Русским подворьем... окружен высокою кирпичною стеною, и входят в него большими воротами, напротиву коих находится большая комната в которую восходят по нескольким ступеням. Пол в ней устлан четвертинами белаго и черного мрамора. По правую и по левую ея сторону находятся два небольшие покоя спален. Их то и выбрал себе наш посланник (Л. В. Измайлов. — Н. Н.). На сем же дворе стоят двое хоромы, разделенные на многие покои, где поместилися все наши люди. Сии строения об одном только ярусе, окна в них велики и вставлены в них решетки, наклеенныя белою бумагою. Полы в них чрезвычайно легки и подняты высоко. Состоят они из тонких прибоин, покрытых камышем и наклеенных бумагою. Кровли на них весьма свисли со стен и покрыты муравленою черепицею, которая невредима стоит многие веки. Спальняныя комнаты обиты прибоинками и обмазаны самым белым алебастром»¹⁰.

На территории подворья с разрешения цинских властей предполагалось построить русскую церковь и в дополнение к находящемуся в Пекине «ламе» прислать еще двух других. Согласно трактату, наряду с духовными лицами в Пекин также предполагалось направить шесть учеников для обучения китайскому и маньчжурскому языкам¹¹.

Таким образом и в России, и в Китае практически одновременно правительства осознали, что для дальнейшего развития отношений необходимо иметь переводчиков, как их тогда называли — толмачей. Следует отметить, что Россия оказалась в более выгодном положении, так как параллельно с подготовкой переводчиков в Пекине русское правительство уже в XVIII в. неоднократно пыталось организовать изучение китайского и маньчжурского языков в Москве и Петербурге¹².

Цинский же двор в силу проводимого им внешнеполитического курса, нацеленного на изоляцию страны от внешнего мира, вынужден был ограничиться учреждением в Пекине двух школ, одной — по изучению латыни, а другой — по изучению русского языка. Русская школа была основана в период правления императора Канси, и в качестве преподавателей в ней выступали как албазинцы, так и священники и ученики Российской Духовной Миссии. Известно, что к работе в школе привлекался, например, И. К. Россохин. Вместе с учителем русского языка маньчжуром Фулахэ он перевел на маньчжурский язык «Граматику русского языка» Смотрицкого¹³. Тесные контакты между учениками Российской Духовной Миссии и состоявшими на службе в Русской школе цинскими чиновниками существовали на протяжении всего XVIII в. Для китайской стороны эти контакты не только открывали возможность изучения русского языка, но и были источником, из которого она черпала знания о России и населявших ее народах. Для русских эти контакты также не только помогали хорошо изучить Китай и научиться ориентироваться в политической ситуации внутри страны и за ее пределами, но и предоставляли уникальную возможность познакомиться с отдельными сторонами жизни и деятельности цинского общества. Навыки общения с китайцами, чья политическая культура, психология, мировоззрение и религия значительно отличались от европейской, члены Российской Духовной Миссии приобретали постепенно, извлекая уроки из собственного опыта на будущее. Кстати, бывшие ученики Миссии охотно делились полученными знаниями со своими соотечественниками. Так, И. К. Россохин, давая наставления главе торгового каравана Францу Елачичу, направлявшемуся в Пекин в 1753 г. для приобретения книг, пострадавших во время пожара в Кунсткамере (1747), сообщал, что «книгу о происхождении элетского или калмыцкого народа историю, ни через кого иного достать не можно, как через шубинов в Коллегии Лифаньюань при конторе Хыу-сы обретающихся, а достать ее можно тайным и ласковым образом через подарок»¹⁴.

Надо полагать, что сам И. К. Россохин в бытность свою в Китае неоднократно прибегал к подобному способу приобретения книг, ибо как иначе он мог заполучить карту Китая с названиями на китайском языке? К этой карте он сделал транскрипцию географических названий на русском языке и

в 1737 г. вместе с Л. Лангом отправил в Россию¹⁵. По-видимому, о случившемся стало каким-то образом известно цинским властям, ибо именно в 1737 г. осуществлявший надзор за Российским подворьем цензор Хэ Цин представил на высочайшее имя доклад следующего содержания: «Обоюдный торг с Русией следует проводить только в приграничных краях. Тем русским, которые проживают в столице прошу запретить вести торговлю, позволить лишь менять товар на товар, но ни в коем случае не допускать продажи на деньги в золоте и в серебре.

Ученики-подростки, обучающиеся в столице нашей грамоте, не должны произвольно выходить из Подворья на улицы. Не продавать им никаких запрещенных изделий, чертежей нашей земли (географических карт. — *Н. Н.*), позволяющих им получить представление и знакомство с внутренними землями нашей страны»¹⁶.

Однако, несмотря на строжайшие запреты, спустя более полувека история повторилась: ученик Миссии А. Владыкин «через многое старание тайно посредством одного офицера из библиотеки ханского племянника» получил «План всего Китайского государства и земли Мунгальской», составленный по указу императора Цяньлуна состоявшими на службе при цинском дворе западноевропейскими миссионерами¹⁷. Карта Китая, а также План Пекина были переведены на русский язык и преподнесены А. Владыкиным российскому императору¹⁸.

При императоре Канси иезуиты стали играть роль переводчиков и советников на переговорах с Россией, такой порядок сохранился и при его преемниках — императорах Юнчжэне и Цяньлуне. В XVIII в., несмотря на общую неблагоприятную обстановку, положение тех из них, кто занимался «русским вопросом», не ухудшилось по сравнению с концом предыдущего столетия. Например, Доменик Паренин (1665—1741), иезуит из Франции, при императоре Канси был назначен переводчиком всех миссий, приезжавших в Китай из Португалии и России. При императоре Юнчжэне в 1729 г. Д. Паренин возглавил Школу латинского языка в Пекине. После его смерти пост главы Школы вплоть до 1744 г. занимал его соотечественник Антуан Гобиль (1689—1759)¹⁹. Приехав в Пекин в 1723 г., А. Гобиль спустя два года начал брать уроки маньчжурского языка у Паренина и, обладая феноменальной памятью, очень быстро достиг в этой области больших успехов. А. Гобиль был человеком широко эрудированным, он разбирался в физике, теологии, астрономии, географии, истории и литературе, не случайно А. Гумбольдт назвал его «самым образованным из всех миссионеров-иезуитов»²⁰. Незаурядность А. Гобилля не осталась незамеченной при цинском дворе. Его активно использовали и как картографа, и как переводчика во время приезда в Пекин европейских миссий, и как преподавателя Школы латинского языка, где он не

просто учил переводу с латыни официальных бумаг, поступавших из российского Сената в Лифаньюань, но и способствовал формированию у учеников Школы достоверных представлений о России.

Посланцы из России встречались с иезуитами не только на различного рода мероприятиях при цинском дворе, они общались и в неофициальной обстановке, часто наведываясь в расположенные в Пекине Итальянскую, Португальскую и Французскую духовные миссии. Следует отметить, что эти контакты были полезны как с практической точки зрения — обмен информацией по самому широкому кругу вопросов, так и с научной — было положено начало связям между европейскими и российскими китаеводами. Немало усилий для установления дружеских отношений с католическими веропроповедниками приложил неоднократно посещавший Китай Л. Ланг. В 1730 г. он привез из Цинской империи в Россию 82 тетради в 8 папках китайских и маньчжурских книг, полученных от иезуитов. В ответ на это в 1735 г. Академия наук отправила с Л. Лангом целый ряд изданных ею работ²¹. При посредничестве Л. Ланга также установилась переписка между находившимися в Китае католическими веропроповедниками и учеными из Императорской Академии наук. Известно, что А. Гобиль переписывался с профессором греческих и римских древностей и восточных языков Г. Байером, а также с Президентом Академии наук — К. Г. Разумовским. В марте 1839 г. А. Гобиль был избран почетным членом Российской Академии наук²². Естественно, что служба при дворе китайского императора заставляла иезуитов быть крайне осмотрительными, они не только старались лишней раз не афишировать перед цинскими властями свое знакомство с обитателями Российского подворья, но и тем более держали в тайне от них, что пользовались милостями российского двора.

С 60-х гг. XVIII в. в связи с запретом российским торговым караванам заниматься коммерческой деятельностью в Пекине существенно сократился приток русских в китайскую столицу. В результате Российская Духовная Миссия превратилась по сути в единственный постоянный и наиболее достоверный источник информации о событиях в Китае. В донесениях членов Миссии в силу этих обстоятельств значительно больше места стало уделяться новостям политического характера и вопросам межгосударственных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

К этому же времени относится учреждение нового должностного лица — пристава Духовной Миссии, назначавшегося из числа чиновников Министерства иностранных дел России. Помимо организации и доставки членов Духовной Миссии пристав выполнял в Пекине отдельные дипломатические поручения²³, по мере необходимости привлекая к этой деятельности других

членов Миссии, главным образом — учеников. Так, «по наставлению» пристав Миссии В. Игумнова ученики шестой Духовной Миссии А. Агафонов, А. Парышев и Ф. Бакшеев вели «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год». Документ этот интересен тем, что в нем очень точно отражены образ жизни русских учеников, их отношения между собой и с другими членами Миссии, а также с цинскими чиновниками.

В «Журнале» говорилось, что ученики имели «как с манжуры, так и с китайцы дружеские обращения, и в тех дружеских многократных обращениях свидаяся часто... приобрели многих друзей, из которых некоторые весьма открыто дружились» с ними и открывали «тайнства, которые касаются особливо до государства»²⁴.

Авторы «Журнала» пытались найти ответы на многие важные вопросы. Почему цинское правительство неоднократно приостанавливало русско-китайскую приграничную торговлю? Какова была причина бегства калмыков из России? Из-за чего бежали из России в Китай крепостные с Нерчинского завода?²⁵

Следует отметить, что с мнением учеников цинские сановники очень считались и часто обращались к ним за справками по самым разным вопросам. Как-то, например, по распоряжению императора Российское подворье посетили два маньчжурских офицера, которые интересовались, какие русские воины «надевают коженое платье, что ружейная пуля не берет?» и «какого зверя эта кожа?»²⁶. Надо сказать, что ученики далеко не всегда были откровенны в подобного рода беседах. На сей раз «едва от смеха удержавшись» они сообщили дворцовым служителям, что «наши солдаты не боятся пуль ружейных», так как одеты в «кафтаны из кожи морского зверя», а берут эти кожи «в дань из вновь покоренного владения на островах Северного моря»²⁷.

Смешное соседствовало с грустным, тяготы быта и долгие годы жизни, проведенной на чужбине, зачастую трагически сказывались на судьбах русских миссионеров, но их лучшая часть несмотря ни на что продолжала служить Вере и Отечеству. Поэтому сегодня, воскрешая с помощью документов в памяти имена и события, связанные с историей Российской Духовной Миссии в Пекине, следует особо отметить, сколь велика была ее роль в развитии русско-китайских отношений в XVII—XVIII вв.

¹ Веселовский Н. И. Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб. 1905. С. 1.

² Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин. 1916. С. 1.

³ Там же.

⁴ Термином «лоча», произошедшим от индийского «ракша», что означает демон, китайцы в XVII в. называли русских поселенцев в Приамурье.

⁵ Краткая история Русской православной миссии... С. 15.

⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700—1725. М. 1978. С. 526.

⁷ Продолжение дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1764 по 1796 г. Сочинено из подлинных бумаг Московского главного архива Министерства иностранных дел начальником 2-го Отделения коллежским советником и кавалером Иваном Колосовым. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. № 273 (К. А. Скачкова). Карт. 27, № 2. Л. 279 об.

⁸ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1... С. 465.

⁹ Веселовский Н. И. Материалы... С. 14.

¹⁰ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1... С. 522.

¹¹ Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М. 1958. С. 19—20.

¹² Занятия по изучению китайского и маньчжурского языков с 1739 по 1743 г. при Канцелярском дворе московской конторы Коллегии иностранных дел вел китаец Чжоу Гэ; с 1741 по 1751 г. в школе при Академии наук в Петербурге уроки давал И. К. Россохин; с 1761 по 1767 г. также в Петербурге преподавал А. Л. Леонтьев; и, наконец, с 1798 по 1801 г. при Коллегии иностранных дел функционировала школа Антона Владыкина. Подробно см.: Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977. С. 44—46, 50—60, 69—71, 80—82.

¹³ Скачков П. Е. Указ соч. С. 42.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Скачков П. Е. Очерки... С. 43.

¹⁶ Хуанчао вэньсянь тункао (Всеобщее исследование письменных памятников царствующей династии). Цит. по: Хэ Цютао Шофан бэйшэн (Историческое описание северных земель). Цз. 11 нач. Л. 7.

¹⁷ Продолжение дипломатического собрания... Л. 280.

¹⁸ Скачков П. Е. Очерки... С. 376.

¹⁹ Widmer E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the 18-th century. Camb. (Mass.). 1976. P. 109—110.

²⁰ Pfister S. J. Notices biographiques et bibliographiques sur les jesuites de l'ancienne mission de Chine. 1552—1773. Chang Hai. 1934. Т. II. P. 672—673.

²¹ Скачков П. Е. Очерки... С. 32—33.

²² Pfister S. J. Notices biographiques... Т. II. P. 674.

²³ Скачков П. Е. Очерки... С. 181—182.

²⁴ Продолжение дипломатического собрания... Л. 209—209 об.

²⁵ Там же. Л. 219 об.—224, 232—235.

²⁶ Там же. Л. 225—225 об.

²⁷ Там же. Л. 226—226 об.

ИЗ ИСТОРИИ 5-Й ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

Кяхтинский трактат 1728 г. подтвердил права России на существование в Пекине Российской Духовной Миссии, представители которой находились здесь уже с 1715 г. Необходимо отметить, что все это время китайское правительство благоклонно относилось к российским миссионерам, поддерживало их жалованьем и натуральным содержанием. Особое значение в истории Российской Миссии имела V статья Кяхтинского трактата: на ее основании Миссия получила право сравнительно регулярно принимать в Пекине русских священников. Их содержание китайское правительство обещало осуществлять «по прежнему прецеденту». Беспрепятственное отправление в Пекине религиозных обрядов православной церкви также бралось под охрану местных властей. Кроме того, согласно V статье, разрешался прием и обучение в Пекине шести русских учеников китайскому и маньчжурскому языкам¹.

За всю историю существования Российской Духовной Миссии в Пекине ее состав менялся двадцать раз (с 1715 по 1956 г.)^{1а}. При этом необходимо отметить, что пребывание духовных представителей в Пекине не всегда укладывалось в одни и те же временные рамки: нередко регулярность замены глав миссий и их свиты нарушалась по тем или иным обстоятельствам. Наглядным примером этому служит история очень значительной по времени пребывания в Пекине пятой Духовной Миссии (1755—1771).

Наиболее полно история Пекинской Духовной Миссии отражена в дореволюционной историографии. Ей посвящен фундаментальный труд Н. Адоратского «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования»², основанный на богатой источниковой базе³. В деятельности Пекинской Духовной Миссии ее исследователь выделил два периода. Гранью, отделяющей первый период от второго, является, по мнению Н. Адоратского, 1745 г. — начало деятельности четвертой миссии. Объясняет он это следующим образом: «С этого времени происходит перемена в дипломатических и торговых сношениях России с Китаем, с этого же времени прекращаются более чем на 100 лет русские караваны в Китай. В истории православной миссии второй период ознаменовывается переходом в ведение миссии албазинской церкви и принадлежавших ей земель. С этого же времени начинается более правильная отчетность в делах миссии. Наконец, к двум первым задачам деятельности русской миссии — пасению албазинского стада и подготовке в синологии учеников — во второй период присоединяется еще третья задача — служение дипломатическим и научным инте

ресам»⁴. Важная отличительная черта Пекинской Духовной Миссии, по заключению Н. Адоратского, состояла в том, что в глазах китайцев она «не имела политического характера; тем не менее начальникам и членам ее часто удавалось приобретать расположение тех лиц, которые так или иначе могли иметь влияние на ход политических дел Китайской империи»⁵.

В 1755 г. начальника четвертой Миссии (1744—1755) архимандрита Гервасия (Линцевского) сменил в Пекине архимандрит Амвросий (Юматов) (1717—1771). Он и прибывшие с ним церковнослужители составили пятую Духовную Миссию. Ее глава архимандрит Амвросий, «человек образованный и с твердым характером»⁶, прежде был учителем пиитики в Московской славяно-греко-латинской академии. Сохранилось описание его характера и внешнего вида: «был рачителен в домостроительстве, весел в обращении, возраста высокого, довольно плотен, бороду имел длинную»⁷. В состав духовной свиты архимандрита Амвросия вошли два иеромонаха, один иеродиакон и три церковника. В указе Святейшего Синода от 18 июня 1753 г. о них сообщается следующее: «Из Казанской епархии иеромонах Сильвестр, Заиконоспаского училищнаго монастыря казначей иеромонах Софроний, Ставропагиального Новоспаского монастыря иеродиакон Сергей, церковники из находящихся в Московской славяно-греко-латинской академии учеников школ риторики Стефан Зимин, пиитики Илья Иванов, Алексей Данилов»⁸. Интересные сведения о некоторых членах свиты Юматова сообщил архимандрит Софроний (Грибовский), бывший главой восьмой Духовной Миссии с 1794 по 1808 г.: «иеромонах Сильвестр крайне много пил, но при такой своей неумеренности весьма был скуп; иеромонах Софроний, который при Успенской церкви, где он и жил, удавился; иеродиакон Сергей, коего по приезде в Пейдзин начальник его, архимандрит Амвросий, за пьянственные и буйные дела отдавал директору каравана Алексею Владыкину для вызова⁹ в Россию, но директор диакона Сергея не принял, потому, как значится, в директорском к архимандриту сообщении, что Сергей не был лишен монашества и диаконства»¹⁰. По словам Софрония (Грибовского), к главе Миссии и его свите были определены на службу китайским Трибуналом три русских перебежчика: Василий Александров, Иван Козловский и Григорий Спицын¹¹. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что указанные служители были назначены еще в России и прибыли в Пекин в составе свиты архимандрита Амвросия: «при Юматове новокрещеной ис персиян Василей Александров, при иеромонахах Софронии — киевской житель Иван Козловской; при Сильвестре — вместо служителя, сын ево родной Григорей Спицын»¹². Подобное несоответствие фактов наводит на мысль и о возможной недостоверности материала, на основании которого Софроний (Грибовский) охарактеризовал членов пятой Духовной Миссии.

Необходимо отметить, что несколько иной состав свиты архимандрита Амвросия указал П. Е. Скачков в «Очерках истории русского китаеведения». У него представлены иеродиакон Сергей, Никифор Колоновский и пристав Василий Игумнов¹³.

По решению Святейшего Синода архимандриту Юматову и священникам предписывалось обучиться в Пекине китайскому языку. Причем Алексей Владыкин, директор готовившегося к отправке в Китай каравана, выступил перед Синодом с предложением осуществлять на первых порах обучение окружения Юматова и его самого китайскому языку силами находившихся в Пекине российских учеников, которые, по его мнению, могли бы выступать и в роли переводчиков¹⁴. Из трех учеников, обучавшихся в Пекине с 1742 г.¹⁵ (А. Леонтьев, А. Канаев¹⁶, Н. Чеканов), двух — А. Леонтьева и А. Канаева — по распоряжению Коллегии иностранных дел А. Владыкин должен был забрать в Россию, а затем, по своему усмотрению, одного ученика оставить на Кяхте при таможене, а другого — в Коллегии иностранных дел¹⁷. В 1746 г. в составе четвертой духовной миссии в Пекин приехал еще один ученик — Ефим Сахновский. Его-то и предполагалось «оставить в Пекине для обучения архимандрита Юматова с протчими»¹⁸, тем более, что, по словам главы четвертой духовной миссии архимандрита Ленцовского, Сахновский «в учении прилежен, книги манжурские читает и пишет, никанской общей язык знает столько, как и другие ево товарищи, и оным говорит, а сверх того к обучению охоту имеет...»¹⁹.

Однако только по прибытии в Китай пятой духовной миссии в 1755 г., судя по всему, выяснилось, что уже нет в живых Андрея Канаева и Никиты Чеканова. Они умерли в 1752 г.²⁰. Поэтому А. Владыкин, выполняя указ Коллегии иностранных дел, взял с собой в Россию оставшихся двух учеников: Леонтьева, направленного им по прибытии в Россию в Коллегию иностранных дел, и Сахновского, оставленного для работы при кяхтинской таможене. Таким образом, планам Коллегии иностранных дел об использовании находившихся в Пекине учеников для обучения членов пятой миссии китайскому языку не суждено было осуществиться. Более того, на весь срок пребывания в Пекине Миссия архимандрита Амвросия осталась без учеников, которые, как известно, были не только включены в ее состав из числа обучавшихся в Спасском монастыре, но и достигли пределов китайской столицы в караване Алексея Владыкина среди других миссионеров. Однако Лифаньюань отказал ученикам Вавиле Ермолаеву, Степану Соколову, Степану Якимову и Ивану Озерову в приеме, сославшись на отсутствие в V статье Кяхтинского трактата положения о регулярности замены одних учеников другими²¹. На самом деле причина отказа заключалась в различного рода противоречиях между русскими и китайскими властями по пограничным вопросам. Это

же обстоятельство являлось основным препятствием в решении вопроса о замене архимандрита Амвросия. Все запросы Синода по этому поводу (с 1766 г.) Коллегия иностранных дел отказывалась удовлетворить вследствие неурегулированности споров с китайской стороной²². Лишь в 1769 г. по достижении согласия в переговорах с китайскими властями Святейший Синод получил разрешение на отправку в Пекин шестой миссии во главе с архимандритом Николаем (Цветом)²³. Его сопровождал комиссар Игумнов, который, возвратясь из Пекина в Кяхту, 13 июля 1772 года рапортовал губернатору: «архимандрит Юматов с прочими духовными померли, а имянно: архимандрит 1 числа июля 1771 года, иеромонах Софроний 30 июля 1770, иеродиакон Сергей 30 сентября 1768, псаломщик Алексей Данилов 7 апреля 1772 года, а выехали с ним, Игумновым, из Пекина только один иеромонах Сильвестр²⁴, да один псаломщик Степан Зимин²⁵, кои и прибыли с ним же, Игумновым, в Кяхту»²⁶. При таком стечении обстоятельств, когда глава пятой миссии и большая часть его окружения скончались на чужбине, так и не дождавшись себе замены для возвращения на родину, особое значение приобретает документ одного из немногих оставшихся в живых — С. Зимина. Его доношение в Коллегию иностранных дел, поданное 7 июня 1773 г., представляет собой своеобразный отчет о деятельности миссии. Именно на его основе Н. Адоратский представил историю пятой духовной миссии в своем исследовании, полностью передав содержание доношения С. Зимина в собственном изложении. Однако оригинальный текст этого документа, составленного, как уже отмечалось, бывшим учеником школы риторики Московской славяно-греко-латинской академии, представляет несомненный интерес. Доношению Степана Зимина присущи лаконизм, обилие фактов, выраженный авторский интерес к происходившим событиям. Поэтому текст этого ценного исторического источника заслуживает не только пересказывания и цитирования (как это сделал Н. Адоратский), но и публикации. Она осуществляется на основе копии, выявленной в Архиве внешней политики России (АВПР) в фонде «Внутренние коллежские дела»²⁷. Составителя этой копии, а также время ее возникновения установить не удалось. Текст публикуется с сохранением особенностей орфографии того времени, за исключением употребления мягкого и твердого знаков, которые проставлены по современным правилам. Внесенная нами в текст пунктуация также соответствует нормам современного русского языка.

В чем же состояла деятельность пятой духовной миссии по доношению Степана Зимина?

Важная сторона этой деятельности — политика христианизации. Поскольку Коллегия иностранных дел в своей переписке со Святейшим Синодом выразила полное незнание, «о каких новокрещеных от архимандрита Юматова представляется»²⁸,

есть основание предположить, что инициатива в обращении местного населения в христианскую веру принадлежала главе пятой духовной миссии в Пекине. В доношении Степана Зимина подобная деятельность архимандрита Юматова имеет характер разумный и постепенный. Это особенно важно в политике привлечения «к православию чужестранных нации людей», если учитывать опасения Коллегии иностранных дел, «не может ли от того произойти какого-либо с китайской стороны негодования?»²⁹. Именно эти принципы легли в дальнейшем в основу предписаний Коллегии иностранных дел архимандриту Николаю (Цвету), сменившему о. Амвросия (Юматова) на его посту. Новому архимандриту необходимо было поступать с осторожностью при обращении китайцев в христианскую веру, «предусматривая тамошние обстоятельства, дабы ни малой причины не подать тамошнему двору и народу к какому-либо негодованию и неудовольствию»³⁰.

Курьер В. Ф. Братищев, в 1757 г. побывавший в Пекине, оставил в своем журнале интересные сведения о деятельности архимандрита Амвросия. Заботясь о поддержании дружественных отношений с местным населением и «для избежания от своевольного китайского народа ругательных посмеяний», архимандрит, по сообщению Братищева, и с ним вся свита, носили маньчжурское или китайское платье³¹. Вследствие всех мер, предпринятых архимандритом Амвросием, обеим сторонам удавалось сохранять миролюбивые отношения и, по заключению русского дипломата, «не слышно было ни от архимандрита на китайцов и ниже от сих на него никаких жалоб»³².

Оценивая значение доношения Степана Зимина как источника по истории пятой Пекинской Духовной Миссии, необходимо отметить, что документ не только затрагивает вопросы, связанные с политикой христианизации и пребыванием в Китае потомков албазинцев, а также судьбой «переметчиков», привезенных в Пекин с 1764 по 1771 г., но и содержит разносторонние сведения о жизни в Китае русских миссионеров. В частности, это касается церковного хозяйства (постройка хлебопекарни, бани, конюшни, разведение сада, приобретение дворов, с которых собирались «пожилые деньги», церковные пашенные земли и собираемые с них урожаи), церковных денежных расходов, состояния русских церквей, их интерьера, размещения церковнослужителей в монастыре, деятельности архимандрита Амвросия как представителя России в Пекине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685—1745). Вып. 1. Казань. 1887. С. 108—109.

^{1a} Ипатова А. С. Празднование в Китае 250-летия Российской духовной миссии (1935 г.).

² Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. — Православный собеседник. 1887.

³ Адоратский Н. Об источниках истории Пекинской духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности. — Православный собеседник, 1888. № 1. С. 148—156.

⁴ Там же. С. 155—156.

⁵ Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685—1745). Вып. 1. Казань. 1887. С. 10—11.

⁶ Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине. — Русский архив. 1893. Кн. 3. С. 62.

⁷ Архимандрит Софроний Грибовский. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине. — Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Под ред. Н. И. Веселовского. Вып. 1. СПб. 1905. С. 28 (сноска 1).

⁸ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1753, д. № 9, л. 3.

⁹ По всей видимости, «для вывоза».

¹⁰ Арх. Софроний Грибовский. Уведомление... С. 34—35.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1753, д. № 9, л. 4 об.

¹³ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977. С. 359.

¹⁴ АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1753, д. № 8, л. 14—14 об.

¹⁵ Там же. 1755, д. № 9, л. 4 об.—5. По данным П. Е. Скачкова, указанные ученики находились в Пекине с 1743 г.—Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 62.

¹⁶ По архивным данным, Канеев.—АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1755, д. № 9, л. 4 об.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 358.

²¹ Там же. С. 65, 303 (сноска 66).

²² АВПР, ф. Внутренние коллежские дела (ВКД), оп. 2/1, 1763—1798, д. № 304, л. 52.

²³ Там же. Л. 77.

²⁴ Иеромонах Сильвестр умер в Казани в 1773 г.—Foust С. М. Muscovite and mandarin: Russia's Trade with China and its Setting, 1727—1805. Chapel Hill. 1969. P. 157.

²⁵ О дальнейшей его судьбе Н. Адоратский сообщил следующее: «По указу Коллегии иностранных дел от 30 июня 1773 г. церковник Зимин был награжден за свою 17-летнюю службу 100 рублями, да жалованьем с 1 января по 1 июня 1773 г.—50 рублями... Дьячек Степан Зимин с именем Никона пострижен в 1773 г. в число братства Троице-Сергиевой лавры и произведенный затем в иеродиаконы». — Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. — Православный собеседник. 1887, август, с. 455.

²⁶ АВПР, ф. ВКД, оп. 2/1, д. № 304. л. 105 об.—106.

²⁷ Там же, л. 113—120.

²⁸ Там же, л. 80.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 90 об.

³¹ Там же, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1758—1759, д. № 8, л. 51.

³² Там же.

КОПИЯ С ДОНОШЕНИЯ В КОЛЛЕГИЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
БЫВШАГО В ПЕКИНЕ В ДУХОВНОЙ СВИТЕ ЦЕРКОВНИКА
СТЕПАНА ЗИМИНА, ПОДАННОГО В 7 ИЮНЯ 1773 ГОДУ

По отъезде из Пекина российского каравана в 1755-м году архимандрит, усмотря (что большая часть находится в русской сотне не крещеных из потомков албазинского рода), всячески увещевал и научал некрещеных чрез толмачей крещеных их же рода, представляя им в пример предков и отцов их благочестие. Таким способом вскоре приобрел в христианскую веру тридцать пять человек мужеска полу и женска. Ныне в русской сотне при церкви Николая чудотворца находится потомков албазинского рода только пятьдесят человек, а все крещеные, из коих пятнадцать человек обучились славенской грамоте и в церкви во время службы поют и читают. От пленения предков своих считали они по 1772 год без мала сто лет. Во время гонения на христиан римского закона (которое в 1768-м году возгорелось от ссоры эзуитской, произшедшей за учеников с президентом математического приказа, которой, озлобясь, подал богдыхану доношение на эзуитов и на всех ими крещеных манжуров и китайцов в такой силе, что аки бы эзуиты приводят его подданных в свою веру прелестно и приворотным лекарством не для чего инаго, как только, чтоб, получивши удобной случай, склонить к бунту своих крещеных) за божиею помощию и защищением до наших грекороссийских христиан албазинского рода правительство китайское не касалось потому, что знает, что они суть русские потомки, под которым видом и прочие из китайцов и из манжуров крещеные безопасно ходили в церковь на словословие божие.

Из природных манжуров и китайцов крещено в бытность архимандрита Амвросия семнатцатилетнюю двести дватцать человек не в один год, но и в иной год дватцать, а в другой тридцать человек, а в иной год и ни одного человека (в чем свидетельствуют реэстры новокрещеных, врученныя в Пекине архимандриту Николаю Цвету). Каждому по крещении из казны церковной по одной лане, а убогому и по две ланы серебра давано было на крест и на платье; некоторые из крещеных не требовали серебра, но на свое собственное покупали. В 1768-м году, хотя и опубликован был от богдыхана указ, весьма грозной и запретительной, всем манжурам, китайцам, мунгалам и корейцам не принимать чужестранных вер под жестоким наказанием, но пребывать бы всем в природном своем законе. Такая строгость наблюдалась только чрез один вышеписанный год, а после паки крещено было десять человек без опасности потому, что верховной их парламент не столь строго стал наблюдать указ запретительной, и следствие христиан римских перестало. К сему же доброе и ласковое обхождение архимандрита с знатными господами покрывало и помогало крещеным. И ныне мо-

жно приводить в святую веру христианскую с таким же порядком и обхождением.

В 1764-м году привезен от Кяхты в Пекин переметчик Петр Калман, которой был вместо сына у тобольского купца Владимира. Сей переметчик принят был в школу российского диялекту для точнаго изъяснения российских сведений, за что и оженат был знатно. В 1771-м году пожалован он был офицером осьмаго степени и учинен в вышеписанной школе вице учителем.

В том же году привезены были в Пекин четыре переметчика, ссыльные запорожцы, которые убежали из серебряных заводов нерчинских: Филип Большой, Андрей Плаха, Данило Третьяков, Федор Таран. Сии определены были салдатами в рускую сотню и на китайских девицах крещеных женилися.

В 1765-м году солоны восточныя взяли в плен на реке Амуре троих промышленных: Иосифа Достовалова, Степана Протопопова, Филипа Оплеухина, которых Трибунал отдал было архимандриту во услужение, но в 1768-м году по указу богдыханскому посланы были в Гуантунскую губернию слугами.

В 1766-м году привезен был в Пекин переметчик из Селенгинска казак Максим Суровцов, которой за свои непорядки долго содержался в Трибунале. В том же году привезено было в Пекин восемь человек ссыльных, которые убежали из серебряных заводов Нерчинских, да восемь человек раскольников, которые убежали из Селенгинска, бывши уже салдатами.

В 1767-м году привезено было переметчиков в Пекин от Усть-Каменегорской крепости шесть человек, да шестярых от реки Аргуны. В сем году по указу богдыханскому послано из вышеписанных переметчиков тритцать три человека в Фудзяньфу и Гуантунн губернии, где определены гварнизонными конными салдатами.

В 1768-м году привезено было в Пекин девять человек, из которых четыре захвачены были за рекою Аргуном, а пять человек недалеко от Усть-Каменегорской крепости. В месяце июле сего ж года по указу богдыханскому сии девять пленники да трое, данныя от Трибунала во услужение архимандриту, посланы невольниками (за то, что не хотели быть верноподданными китайскому богдыхану) в Фудзяньфу и Гуантунн губернии.

В 1769-м году привезено было в Пекин пойманных при Усть-Каменегорской крепости восемь человек, которых по допросе скоро отправили в вышеписанныя губернии во услужение манжурским офицерам.

В 1770-м году привезено было в Пекин шесть человек, из которых четыре пойманы были за рекою Аргуном, а двое — недалеко от Усть-Каменегорской крепости, которые по допросе скоро отправлены были в те же губернии на поселение.

В 1771-м году привезен был в Пекин толмач Михайла, котораго, с собою насильно увезши, калмыки астраханския отдали

генералу манжурскому, которой увещевал толмача Михайлу, чтоб верноподанным был их богдыхану. Но толмач сказал генералу, что де никакая гроза и смерть не преклонит меня к подданству вашего богдыхана, за что послан был слугою в оковах в Гуантунскую губернию.

Российской капитан с свитою, в плен увезенный калмыками астраханскими, в котором месте Китайского государства находится, не можно было проведать.

В Стретинском российском монастыре церковь каменная четверугольная покрыта круглою черепицею. На церкви купол деревянной, обитой железом белым, так погнил, что гвозди уже не держатся, но отстают прочь, для чего во время дождеваго лияния бывает великая течь. От трекратного же трясения, бывшего в 1761-м году, церковная южная стена разселась в двух местах.

Колокольня каменная двукровая. В 1764-м году в верхнем апартamente часы немецкия боевые, а внизу шесть колоколов малых и два таза медныя большия для благовесту и звону, которой бывает и производится во всякия праздники и буднишния дни, также как и в России.

Архимандричьи кельи каменные одноапартаментныя построены по российскому манеру в 1756-м году. Каждому иеромонаху, иеродиакону по три покоя в одной линии, которая в 1756-м году снова перекрыта черепицею, а внутрь покоев сделаны потолки и простенки дощатыя и раскрашены, печи выкладены подпольныя.

Кладезь выкопан глубокой в 1757-м году и кирпичем крупным выкладен. С четырех сторон кладезя услао диким камнем и обзажен кедровыми деревьями.

Для церковнослужителей построено вновь пять покойцев. В 1757-м году каменных, а в 1769-м году еще два покоя построены каменные ж для проезжих россиан.

В 1760-м году построена хлебня каменная для печения просфор и хлебов. Поварня, баня и конюшня построены каменные же, сарай большой каменной для поклажи разных вещей.

Ограда каменная с двух сторон церкви и против братских келей построена в 1764-м году. В монастыре дороги высланы диким камнем, лешадми и кирпичем.

Сад разведен виноградной, в котором тритцать семь виноградных лоз, по пристойным же местам дерева разныя расажены.

Церковь приходская Николая чудотворца при русской сотне, каменная, небольшая, которая за ветхостию перекрыта и переправлена была в 1765-м году. Внутрь церкви и придела сделан потолок дощатой.

Колокольня деревянная четверугольная построена в 1764-м году. Внутрь колокольни четыре колокольчика, да два большия таза медныя для благовесту и звону.

Ограда каменная от запада, севера и востока сделана в 1764-м году. От южной страны три покоя каменные, в которых иеромонах с церковником живет для священнослужения. Сии покои перестроены были снова в 1765-м году. При святых воротах два покоя каменные, которые построены с святыми воротами были в вышеписанном же году. При церкви и на переднем дворе посажены четыре виноградные лозы и несколько деревьев.

К монастырю Сретения Господня принадлежат четыре двора небольшие, купленные разными архимандритами. С сих дворов собирается пожилых денег на каждой месяц по восьми лан по пяти чин серебра, которое на российскую монету сделает 13 рублей 60 копеек, итого в целый год 163 рубля 50 копеек. Сии деньги употребляются на строение и на починку в монастыре и дворов и на раздачу новокрещеным. Часто случается, что иной жилец, не заплативши за три и за пять месяцев, выезжает ночью с своею семьею и пожитками, оставивши покои раззоренныя. По обычаю своему варварскому разламывают в покоях полки, полы, печи и окна, а иногда выломанныя вещи, побравши, сбегает.

До церкви Николая чудотворца принадлежат в четырех местах прикладныя прежними христианами пашенныя земли, с которых каждое лето хлебородное собирается по дватцати по пяти лан серебра, которое сделает на российскую монету 42 рубля 50 копеек. Но не повсягодно платятся мужики для того, что иногда два года, а иногда три не хлебородныя бывают от безмернаго наводнения проливных дождей.

Еще принадлежат три двора прикладныя же (о сих дворах церковных был спор в 1766-м году с переметчиками, но Трибуналом утверждены дворы за церковию), на каждой месяц собирается пожилых денег по три ланы по пяти чин серебра, что делает на российскую монету 5 рублей 95 копеек. Итого в целой год 71 рубль 40 копеек. Сии сборныя деньги употребляются на строение и на починки церковныя, дворовыя и на раздачу новокрещеным христианам.

В столичном китайском городе Пекине российского резидента не имеется (о чем Государственной иностранной коллегии известно), но вместо его российской архимандрит имеет сношение с Трибуналом, из котораго присутствующия также и из протчих коллегиев господа часто приезжают в российской посольской двор в высокаторжественныя дни и в господския праздники для смотрения церковной церемонии и украшения. Архимандрит для российской славы и радости трактует их трапезою на свой щет, а нужнейших особ для всяких случаев презентует российскими вещми. На таковыя приемы и подарки расходуется у архимандрита на каждой год не малая сумма, а особливо, что ныне в Пекине всякая всячина продается дорого.

РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В КИТАЕ В XVIII В.: ОЦЕНКА АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА

В начале 70-х гг. нашего века среди американских обществоведов возник значительный интерес к истории отношений Китая с другими странами. Причиной такого интереса был начинающийся процесс нормализации американско-китайских отношений, в связи с которым появилась потребность посмотреть в исторической ретроспективе, как начинались и строились связи Китая с различными государствами мира. Естественно, что внимание американских историков привлекли не только экономические и политические, но также культурные и религиозные контакты китайцев с внешним миром, в частности деятельность американских миссионеров в Китае в XIX и в первой половине XX в. Исследования по этой проблематике были обобщены в сборнике «Миссионерское предприятие в Китае и Америке»¹, редактором которого являлся крупнейший американский китаевед Дж. Фейрбэнк.

Не были обойдены американскими историками и вопросы, связанные с установлением и налаживанием отношений между Китаем и Россией в условиях изоляционистской политики, проводившейся маньчжурскими императорами². В 1976 г. Эрик Видмер опубликовал объемистую (262 страницы) монографию, посвященную деятельности Российской Духовной Миссии в Пекине в XVIII в.³ Знание русского и китайского языков позволило ему использовать довольно широкий круг источников и литературы и дать развернутую оценку роли Российской Духовной Миссии в русско-китайских отношениях того периода.

До монографии Видмера деятельности Российской Духовной Миссии в западной исторической литературе почти не уделялось внимания. Достаточно сказать, что в остающемся до сих пор самом фундаментальном труде по истории христианских миссий в Китае, принадлежащем американскому историку Кеннету Латурету⁴, Российской Духовной Миссии было отведено всего 7 страниц из 600-страничной книги.

Можно полностью согласиться с Видмером, который справедливо считает Российскую Духовную Миссию уникальным явлением. Он пишет, что с 20-х гг. XVIII в. в самом центре Китая находилось учреждение, которое просуществовало дольше всех других иностранных институтов, связанных с внешними сношениями Китая с другими странами. Православные священнослужители и ученики миссии могли приезжать в Пекин, оставаться там на десять лет, а потом возвращаться на родину. Никто больше в мире не имел в XVIII в. таких возможностей.

Однако уникальность Российской Духовной Миссии состояла, как отмечает Видмер, не только в длительности ее существова-

ния. Деятельность российских христианских миссионеров существенно отличалась от деятельности католических и позже протестантских миссионеров, активно стремившихся обращать китайцев в свою веру. Российские же миссионеры не занимались — в соответствии с позицией правителей России⁵ — распространением православия среди китайцев: их паствой были лишь немногочисленные албазинцы и их потомки. В конце XVIII в. к моменту прибытия в Пекин 8-й миссии под началом архимандрита Софрония (Грибовского) только десять христиан из паствы не являлись потомками албазинцев.

Еще одной уникальной чертой Российской Духовной Миссии, как верно замечает Видмер, был ее большой вклад в установление регулярных контактов между Россией и Китаем. «Если возникали какие-либо трения в китайско-русских отношениях, русские миссионеры всегда были готовы к переговорам»⁶. Маньчжурские правители Китая также рассматривали Российскую Духовную Миссию, выражаясь современным языком, как канал связи с соседней Россией, и Миссия, по оценке Видмера, отражала потребности в регулярных отношениях между романовской Россией и цинским Китаем при всех кардинальных различиях в их традициях и подходах к внешним сношениям.

Характеризуя деятельность Российской Духовной Миссии в XVIII в., Видмер уделил значительное место описанию двух связанных с Миссией своеобразных учебных заведений: Олосы вэньгуань (Школа русского языка) и Олосы сюе (русская школа). В первой русскому языку могли обучаться дети знатных маньчжуров, а во второй — изучать маньчжурский и китайский языки ученики Российской Духовной Миссии. В Олосы вэньгуань преподавателями были маньчжуры, хотя к преподаванию привлекались также и освоившие маньчжурский язык ученики Российской Духовной Миссии. По мнению Видмера, Олосы вэньгуань и в XVIII в. не обеспечивала маньчжурское внешнеполитическое ведомство достаточно квалифицированными переводчиками с русского языка, а к середине XIX в. пришла в полный упадок⁷.

Если оценка Видмером Олосы вэньгуань в значительной степени справедлива, то сходная оценка Олосы сюе представляется необоснованной: составленные словари, переводные с маньчжурского и китайского языков труды и переводческая деятельность многих учеников Российской Духовной Миссии свидетельствовали о достаточной эффективности этой школы, хотя в организации учебы было немало недостатков, которые не в последнюю очередь проистекали из-за того, что школа находилась, на что указывает и Видмер, под контролем маньчжурских властей, которые назначали туда преподавателей и платили стипендию учащимся.

Равным образом вызывает возражение оценка Видмером деятельности членов и учеников Российской Духовной Миссии

в деле ознакомления русского общества с Китаем и изучения Китая как малоэффективной и недостаточно успешной. Подобная оценка представляется крайне односторонней. Судя по приложенной к книге Видмера библиографии, он имел возможность пользоваться материалами опубликованных в 1958—1966 гг. статей П. Е. Скачкова по истории русского китаеведения, где достаточно объективно излагался вклад Российской Духовной Миссии в развитие китаеведения (книга П. Е. Скачкова «Очерки русского китаеведения» вышла в свет через год после выхода книги Видмера). Однако Видмер все же счел нужным в результате своего анализа повторить оценку англичанина Р. Монтгомери Мартина, данную последним в конце 40-х гг. XIX в. в официальном докладе английскому правительству. Мартин писал, что русские, имея в Пекине с 20-х гг. XVIII в. «религиозную и научную миссию», не использовали всех благоприятных возможностей, которыми не обладало ни одно другое христианское государство: «Нет необходимости говорить, насколько иными были бы результаты, если бы уроженцам Англии или Франции было разрешено оставаться на десять лет в столице Китая»⁸.

По словам Видмера, деятельность Российской Духовной Миссии сталкивалась с трудностями, связанными с чисто внутренними факторами (состав миссий, неподготовленность некоторых членов и учеников Миссии к жизни и учебе в чужой стране) и с отсутствием поддержки со стороны Российского правительства и Святейшего Синода. Видмер пишет, что некоторые священнослужители и посылаемые с ними ученики не пытались изучать маньчжурский и китайский языки, не прилагали надлежащих усилий, чтобы поддерживать в порядке здание Миссии, стремясь всеми мерами сократить свое пребывание в Пекине и вернуться в Россию. Об этом писал и П. Е. Скачков в своей книге⁹, но он сообщал и о том, что были и добровольцы, сами вызывавшиеся ехать в Китай. Так, в 1742 г. по собственному желанию поехали в Пекин ученики А. Канаев, Н. Чеканов и А. Леонтьев, причем последний стал выдающимся русским китаеведом, создателем первой школы китайского и маньчжурского языков в Санкт-Петербурге.

Во многом прав Видмер тогда, когда он пишет об отсутствии интереса к Миссии и со стороны правительства, и со стороны высшего духовенства. Русское общество XVIII в. предпочитало при определенной моде на все китайское, пришедшей с Запада, именно оттуда черпать сведения о Китае. Об этой соседней с Россией стране узнавали из сочинений, переведенных с французского, а не из трудов членов Российской Духовной Миссии. Если бы в Санкт-Петербурге проявляли больше внимания к Российской Духовной Миссии, в Пекин могли бы посылаться более подготовленные и компетентные люди. «Можно было бы лучше определить их задачи и больше поощрять их деятельность. Они могли бы более целесообразно использо-

ваться после возвращения из Пекина. Внутренние бюрократические барьеры можно было бы преодолеть, если бы какая-нибудь высокая персона в государственных органах решила поддержать миссию. Но никто в Санкт-Петербурге не обращал взор на восток»¹⁰.

Была и еще одна трудность в деятельности Российской Духовной Миссии, хотя Видмер о ней не пишет. Он считает, что Миссия не встречала какого-либо противодействия со стороны маньчжурского правительства. Более того, последнее не просто терпимо относилось к миссионерам из России, но и покровительствовало им. Между тем нередко Лифаньюань (Палата внешних сношений) чинила им разного рода препятствия. Пятой духовной миссии во главе с архимандритом Амвросием (Юматовым), с которой в Пекин прибыло четыре ученика, было отказано в том, чтобы все они остались там, да и из причетников разрешалось оставить только двоих из пяти приехавших. Такого рода придирки, как указывал П. Е. Скачков, «были следствием разного рода трений между цинскими и российскими властями из-за пограничных недоразумений... Отказом оставить в Пекине часть членов пятой миссии маньчжурские чиновники хотели вынудить русские пограничные власти пойти на уступки в вопросах выдачи перебежчиков»¹¹.

В общем, можно с сожалением констатировать, что с деятельностью Российской Духовной Миссии в Китае в XVIII в. современных историков познакомил не российский, а американский автор, и отмеченная выше односторонность в некоторых его оценках, как представляется, связана прежде всего с тем, что в отечественной истории эта интересная страница русско-китайских отношений не стала предметом тщательного анализа. Архивы Российской Духовной Миссии, труды ее членов и учеников, их жизнеописания только сейчас начинают тщательно изучаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The missionary enterprise in China and America.— Cambridge (Mass), 1974.

² Mancall M. Russia and China: The structure of contact//Russia and Asia.— Stanford, 1972; Mancoll M. Russia and China: Their diplomatic relations to 1728.— Cambridge (Mass.), 1971.

³ Widmer E. The Russian Ecclesiastical mission in Peking during the eighteenth century.— Cambridge (Mass.), 1976.

⁴ Latourette K. S. A history of Christian missions in China.— L., 1929.

⁵ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения.— М. 1977. С. 37.

⁶ Widmer E. Op. cit. P. 7.

⁷ Widmer E. Op. cit. P. 111—112.

⁸ Цит. по кн.: Widmer E. Op. cit. P. 5.

⁹ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 62.

¹⁰ Widmer E. Op. cit. P. 167.

¹¹ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 65.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ГОРСКИЙ (1819—1847)

Владимир Васильевич Горский родился 8 июля 1819 г. в Костроме в семье священника. По окончании гимназии стал студентом Петербургской Духовной Академии. Годы его студенчества совпали с формированием для поездки в Китай 12-й Пекинской Духовной Миссии. В январе 1838 г. в Петербургскую Духовную Академию возвратился о. Поликарп (Тугаринов), до этого находившийся в штате 11-й Пекинской Духовной Миссии. Через некоторое время духовными и светскими властями ему было поручено подготовить состав очередной Миссии.

Имея опыт жизни и работы в Китае, о. Поликарп настоял на предварительной языковой подготовке будущих членов Миссии. Кандидатом на поездку с Миссией в Китай оказался и студент Академии В. В. Горский. Все те, кому предстояло поехать в Пекин, обучались китайскому и маньчжурскому языкам. Преподавателей подобрали весьма именитых: китайскому языку обучал о. Иакинф (Бичурин), маньчжурскому — С. В. Липовцов. Занятия велись пять раз в неделю. В. В. Горский регулярно писал своим родным письма из Петербурга и позже из Пекина. В 1897—1898 гг. эти письма были опубликованы в журнале «Богословский вестник» в обширной статье «Страница из истории православной русской миссии в Китае (Письма миссионера)¹. Из этих писем мы и знаем кое-что об организации занятий и их уровне. В. В. Горский писал: «Начали учиться, как мальчишки, с букваря. Преподают очень просто и ясно... Признаюсь, я думал, что о. Иакинф будет читать свой предмет как ученый профессор, а не как учитель 2 класса... О. Иакинф говорит, что довольно знать 2000 знаков и 10000 выражений, которые мало-помалу изучатся в разговоре»². Позже он писал: «Мы уже прошли всю китайскую грамматику и начинаем повторять ее, маньчжурскую прошли до половины»³.

2 декабря 1839 г. состоялся экзамен, о результатах которого В. В. Горский уведомлял родных: «Департамент оказался доволен нашими трудами»⁴. Если к этому добавить, что будущие члены Миссии, наверное, прочли о Китае все, оказавшееся в Петербургских библиотеках, и слушали рассказы о Китае Н. Я. Бичурина, С. В. Липовцова и других лиц, ранее побывавших в стране, то можно с уверенностью заключить: предварительную подготовку персонал 12-й миссии прошел успешно. А между тем Азиатский департамент МИД России был тогда особенно заинтересован в сильном и квалифицированном составе Миссии. К этому побуждала ситуация в Китае и состояние русско-китайских отношений на рубеже 40-х гг. XIX в. Не случайно большую активность в подготовке Миссии проявил вице-директор Азиатского департамента Н. И. Любимов.

4 октября 1840 г. 12-я миссия выехала в Китай в следующем составе: начальник архимандрит Поликарп (Тугаринов), иеромонах Иннокентий (Немиров), иеродиакон Палладий (Кафаров), студенты И. А. Гошкевич, В. В. Горский и И. И. Захаров, врач А. А. Татаринов, художник К. И. Корсагин, прикомандированный к Миссии В. П. Васильев, пристав Н. И. Любимов.

В составе Миссии оказались будущие выдающиеся отечественные востоковеды архимандрит Палладий (Кафаров), В. П. Васильев, И. И. Захаров. К их числу по праву мог бы принадлежать и В. В. Горский, если бы не его преждевременная кончина. Примечательно, что в годы пребывания в Пекине В. В. Горский дружил с о. Палладием (Кафаровым) и В. П. Васильевым.

Жизнь членов Миссии в Пекине оказалась нелегкой. До сих пор нет полной ясности в сведениях о личности главы Миссии архимандрите Поликарпе (Тугаринове). По-видимому, он был человеком требовательным и экономным. Причем также очень возможно, что оба эти его в принципе неплохие качества могли временами переходить в жесткость и скупость. И много работать заставлял о. Поликарп, и учителей, по-видимому, нанимал на работу не столько по знаниям их, сколько по тому, какое вознаграждение они просили за работу, и брал тех, кто запрашивал подешевле. Известен и конфликт о. Поликарпа с В. П. Васильевым, правда, также требующий еще дополнительного исследования. Многолетняя жизнь в чужой среде, в замкнутом кругу не могла не порождать конфликтов. В памяти потомков В. П. Васильев остался как выдающийся китаевед, а архимандрит Поликарп (Тугаринов) как блестящий организатор работы Миссии, немало потрудившейся на благо Отечества.

Что касается В. В. Горского, то известно: именно о. Поликарп уговорил его заниматься, кроме китайского и маньчжурского языков, еще и тибетским, и монгольским. Так что В. В. Горский изучал в Пекине четыре языка. Он мог заниматься в богатой библиотеке Миссии, в которой в те годы, кстати, хранилась временно и огромная библиотека португальских миссионеров в Китае, собиравшаяся более 200 лет.

Хотя прошло почти 150 лет со дня смерти В. В. Горского, до сих пор тяжело и говорить, и писать о его безвременной кончине, о потере ученого, чей талант и трудолюбие не уступали таковым у его выдающихся друзей и коллег архим. Палладия (Кафарова) и В. П. Васильева.

В. В. Горский заболел в Пекине туберкулезом. И хотя современники считали, что он погиб единственно от тяжелых занятий, от которых не отказался даже после обострения болезни, от того, что по настоянию о. Поликарпа взял на себя слишком большое бремя, считать и требовательность о. Поликарпа, и установившийся порядок жизни в Миссии чуть ли не единственной причиной его смерти вряд ли основательно. В те годы ча-

хотка косила людей и в России, и за ее пределами, и в бедных хижинах, и в великосветских салонах.

Не секрет, что с момента своего зарождения отечественное китаеведение не столько интересовалось собственно Китаем, сколько китайскими сведениями о пограничных между Китаем и Россией регионах. XVII и первая половина XVIII в. дали России описания Китая. Очевидно, вершиной эпохи описаний следует считать труд Н. Г. Милеску (Спафария), составленный по книгам на европейских языках, по личным впечатлениям и по тем сведениям, которые официально и неофициально были получены от китайцев во время пребывания посольства Спафария в Китае (пребывание в Пекине 1676 г.). Хотя книга Спафария бытовала в рукописи, она была широко распространена и служила важным источником сведений о Китае. Изданная в начале XX в. в Казани⁵ на языке оригинала, она, к сожалению, до сих пор не опубликована полностью на современном русском языке. А Спафарий, пожалуй, допустил лишь одну ошибку — он недооценил военной мощи Цинской империи. Поражение под Албазином и Нерчинский договор 1689 г. длительное время рассматривались в военных кругах России как позор, который следовало смыть. Вопрос о том, как это сделать, обсуждался не раз, и лишь отдаленность Китая и погружение России в середине XVIII в. в европейскую политику привели к тому, что дело далее разговоров не пошло. Россия следила за действиями Китая в той зоне, которую мы сейчас именуем Центральной Азией, и поэтому И. К. Россохин и А. Л. Леонтьев переводят «Цинь дин пин дин Шамо фанлюе» — «Высочайше утвержденная [публикация] планов и их реализации по подчинению Гоби», собрание документов о подчинении Халха-Монголии Китаю⁶; «Ба ци тун чжи» — «Полное описание восьмизнаменного войска»⁷; а А. Г. Владыкин переводил «Историю царства Мунгальского» («Юань ши») ⁸, т. е. обращался ко времени правления монголов в Китае.

Затем в истории российского китаеведения наступила эпоха переводов. Вершиной ее с известными оговорками была деятельность Н. Я. Бичурина. С оговорками, потому что Н. Я. Бичурин в целом ряде случаев не просто переводил какое-то конкретное сочинение или его раздел, а делал тематическую подборку сведений из различных источников. Первый и второй этапы в развитии отечественного китаеведения, разумеется, не были строго разделены, и разные формы информации длительное время сосуществовали друг с другом.

В. В. Горскому по неизвестному нам раскладу обязанностей в Миссии достались начальная история правящей династии Цин и соответственно ранняя история маньчжуров и Маньчжурии, а также буддизм и изучение, кроме маньчжурского и китайского, тибетского и монгольского языков. И в том, и в другом случае у него были предшественники — И. К. Россохин и

А. Л. Леонтьев, которые занимались переводами и публикациями описания маньчжурского восьмизнаменного войска, Д. М. Честной, который в 1830—1840 гг. в Пекине составил грамматику тибетского языка (параллельно с тибетологическими трудами немца Я. И. Шмидта в Петербурге). В. В. Горский успел совершить немалое, но его разыскания по ранней истории Цин и маньчжуров важны тем, что согласно велению времени и, думается, благодаря своей довольно широкой образованности, он сумел в какой-то степени оторваться от китайского текста, сделал важный шаг в направлении создания на основании китайского источника исследовательского труда. Наверное, сделать такой шаг в то время было не столь просто, как это может показаться теперь, особенно тем, кто чаще пересказывает китайский текст, с опаской цитируя дословно всего несколько строк из него.

При жизни В. В. Горского, кажется, была опубликована только одна его работа «Два письма из Пекина», в журнале «Отечественные записки» за 1843 г., № 5 (отдел «Смесь», стр. 15—20). После его смерти благодаря дружеским стараниям архимандрита Палладия (Кафарова), явившегося инициатором опубликования известных «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине», две работы В. В. Горского вошли в первый том этого издания и стали достоянием не только русской, но и мировой науки.

Насколько известно, от В. В. Горского остались следующие труды:

Печатные

1. О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу. — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1, СПб, 1852.

2. Начало и первые дела маньчжурского дома. — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1. СПб. 1852.

3. Страница из истории Православной Русской миссии в Китае (Письма миссионера). — «Богословский вестник», 1897, май, август, октябрь, ноябрь. 1898, январь, февраль, апрель, июнь, август, октябрь, ноябрь, декабрь.

4. Два письма из Пекина. — «Отечественные записки», 1843, № 5.

Рукописные

5. У Сань-гуй. Биографический очерк. — Отдел Рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 273, № 2891, 68 лл.; Центральный Государственный архив Татарской АССР, оп. 10, № 837, 116 лл.

6. Изложение систем философских и религиозных, как принадлежащих, так и не принадлежащих к буддизму, или украшение суммеру учения Могушественного. Сочинение Пекинского ху-

тухты Чжанцзя (Чжанчжа). — Архив Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, разряд 1, оп. 1, № 25 (1).

7. Мадьямики, или система, отвергающая существование самостоятельной природы. — Архив востоковедов ЛО ИВАН, разряд 1, оп. 1, № 25 (2).

8. Изложение Сиддант. — Архив внешней политики России, ф. 152, оп. 505, № 86/3389.

9. История династии Мин, 89 стр. — Архив востоковедов ЛО ИВАН, разряд 1, оп. 1, № 25.

10. География и история Маньчжурии, 37 стр. — Архив востоковедов ЛО ИВАН, разряд 1, оп. 1, № 25.

11. Указы военной палаты 1793, 1816 гг. 90 стр. — Архив востоковедов ЛО ИВАН, разряд 1, оп. 1, № 25.

Как видно, работая и обучаясь в Миссии, В. В. Горский, помимо дежурных переводов (например, указы Военной палаты), осваивал две темы:

а) Маньчжурия, последние годы правления династии Мин и начальный период правления династии Цин.

б) Тибетский буддизм (вероятно, судя по тому, что переводились «очинения Чжанчжа-хутукт, эмиссаров Далай-лам в Пекине, в его преломлении для Монголии и Китая).

Такая направленность занятий В. В. Горского в полной мере отражала триединое назначение Русской Духовной Миссии в Пекине как духовной ячейки, связанной с пастырской деятельностью среди немногочисленного православного населения Пекина, пропагандой православия и перевода христианской канонической литературы, инструмента дипломатического (вплоть до открытия Российского посольства в Китае) и, наконец, учреждения научного, заложившего прочные основы отечественного китаеведения. Последняя сторона деятельности миссий изучена наиболее полно.

Две большие статьи В. В. Горского по первой теме, опубликованные о Палладием (Кафаровым) в «Трудах Российской духовной миссии в Пекине», не утратили своего значения и до сих пор. Они в активе науки, о чем свидетельствует следующий примечательный факт. Как известно, в трудах В. В. Горского второй император маньчжурской цинской династии Хуантайцзи, сын ее основателя Нурхаци, именуется Абахай. Поскольку в китайских источниках имени Абахай как будто бы не встречается, то полагают, что именно с легкой руки В. В. Горского оно и закрепилось в европейской литературе за Хуантайцзи. Итальянский маньчжуровед проф. Джованни Стари опубликовал в редактируемом им международном журнале «Сентрал Азиатик джорнал» специальную статью, в которой, как раз опираясь на то, что имя (титул) Абахай не встречается в китайских источниках, объявил наименование Хуантайцзи Абахаем якобы ошибкой, допущенной В. В. Горским⁹. Однако вскоре ему ответил

американский исследователь С. Группер¹⁰. Признав отсутствие титула Абахай в китайских источниках, он, тем не менее, указал на то, что прозвание Абахай происходит от монгольского почетного имени Абагай, которое давалось ханами младшим сыновьям, каковым и являлся по отношению к Нурхаци Хуантайцзи. Как раз имеющееся в китайских источниках имя Хуантайцзи соответствует монгольскому Абагай. Словом, В. В. Горский не совершал никакой ошибки. Он знал то, что уже забыто или осталось без внимания в наши дни.

Что касается тибетологических работ В. В. Горского, то предоставим слово специалисту. «Сидданта», который переводил В. В. Горский, как отмечает Л. С. Савицкий, «послужил одним из источников «Обозрения буддийской литературы по школам» Васильева» и если бы перевод «был завершен и издан Горским тогда же, примерно 150 лет назад, то тибетоведение продвинулось бы вперед гораздо в большей степени, чем это имеет место сегодня»¹¹.

Безвременная кончина В. В. Горского поразила его друзей и соратников по Миссии. Ушел из жизни трудолюбивый человек и талантливый исследователь. Можно уверенно сказать, что отечественное китаеведение потеряло ученого и знатока Китая, близкого или равного по силе таким корифеям синологии, какими стали чуть позже его сотоварищи по Миссии о. Палладий (Кафаров) и В. П. Васильев.

Похоронен В. В. Горский в Пекине на православном кладбище. Ему был поставлен «белого мрамора памятник» с надписью: «Незабвенному сослуживцу, Титулярному советнику и ордена Станислава 3-ей степени кавалеру Владимиру Васильевичу Горскому от Начальника Миссии и сотоварищей. Родился в Костроме 8 июля 1819 года, прибыл в Пекин 4-го октября 1840 года, скончался 14 апреля 1847 года». На оборотной стороне памятника высечена эпитафия: «Увял, как сельный цвет, засох, как злак полей»¹². Памятник был цел еще в конце 40-х — начале 50-х гг. нашего столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М. 1977. С. 324.

² Там же. С. 150.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Спафарий. Описание первые части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910.

⁶ История о завоевании китайским ханом Кан-хием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах. Переведено с маньчжурского языка на российский прапорщиком Ларионом Рассохиним. ЛО Архива АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 1—3.

⁷ Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска в осми знаменах состоящего. СПб, 1784.

⁸ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 82.

⁹ Stary G. The Manchu Emperor "Abahai". Analises of an Historiographic Mistake.—Central Asiatic journal, vol. 28, 1984, N 34, p. 296—299.

¹⁰ Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the first Half of the Ch'ing Dynasty.—The Journal of the Tibet Society, 1984, N 4, p. 69.

¹¹ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М. 1990. С. 288.

¹² Калька с памятника, снятая покойным В. В. Стариковым, хранится ныне у Л. И. Чугуевского.

Архимандрит Августин (Никитин)

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ И РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ

АРХИМАНДРИТ ГУРИЙ (КАРПОВ) (1814—1882)

Основанная в начале XVIII в. Российская Духовная Миссия в Пекине первоначально пополнялась в основном выпускниками Московской Духовной Академии, Казанской и Тамбовской семинарий; в Китай направлялось также духовенство из Иркутской епархии. В 1809 г. в столице Российской империи была основана С.-Петербургская Духовная Академия, и вскоре ее выпускники получили преимущественное право на занятие должностей в центре Православия в Пекине. Это произошло при императоре Александре I; по словам выпускника С.-Петербургской Духовной Академии (далее — СПбДА), начальника 14-й духовной миссии в Пекине, архимандрита Гурия, «Александр Благословенный увеличил штат, указав студентов и духовных (лиц) избирать непременно в Петербурге и из высших учебных заведений, со свидетельством об отличной нравственности и способностях»¹.

С этого времени в состав Пекинской Миссии стали направляться выпускники СПбДА: в 1819 г. — иеромонах Вениамин (Морачевич) (впоследствии — архимандрит, с 1828 г. — начальник Миссии, ск. в 1854 г.); иеромонах Аввакум (Честной), иеромонах Феофилакт (Киселевский) и иеродиакон Поликарп (Тугаринов) (с 1839 г. — архимандрит и начальник Миссии); иеромонах Гурий (Карпов), иеромонах Иннокентий (Немиров) и иеродиакон Палладий (Кафаров); студенты И. Гошкевич и В. Горский. В 1848 г. начальником новой Миссии был назначен иеродиакон Палладий (Кафаров), возведенный в сан архимандрита; на иеромонашеские и иеродиаконскую должности поступили из студентов СПбДА священник Петр (по пострижении

иеромонах Павел (Цветков), иеромонах Евлампий (Иванов) и иеродиакон Илларион (Оводов), а также студенты Н. Успенский и М. Храповицкий. В 1856 г. при отправлении в Пекин 14-й миссии в ее состав были включены воспитанники СПбДА — иеромонах Александр (Кульчицкий), иеромонах Исаия (Поликин), Н. Мраморнов, А. Попов; начальником Миссии был назначен архимандрит Гурий (Карпов)².

Обучение в С.-Петербургской Духовной Академии (1837—1839). Архимандрит Гурий (в миру — Григорий Платонович Карпов) родился в 1814 г. в семье священника. Получив первоначальное богословское образование в Саратовской Духовной семинарии, он в 1836 г. занял должность преподавателя латинского языка в Саратовском духовном училище.

Родители Григория хотели, чтобы он стал священником, но он мечтал об университете. В течение 1836 г. он усиленно готовился к поступлению в С.-Петербургский университет и накануне вступительных экзаменов уже собрался ехать в столицу вместе со своими сверстниками, которым он давал уроки. Но за несколько дней до выезда он так сильно заболел, что был близок к смерти. По выздоровлении он дал обет посвятить свою жизнь служению Церкви и принять монашество. В июле 1837 г. в скромной одежде монастырского послушника Григорий отправился в С.-Петербург и там поступил в СПбДА³. Интересно, что саратовский ходок был зачислен в число студентов 14-го курса СПбДА 1837—1841 гг., считая от основания Академии, а впоследствии стал начальником 14-й Российской Духовной Миссии в Пекине.

Через год после поступления в СПбДА Григорий Карпов исполнил свой обет и принял монашество с именем Гурия, а в августе того же 1838 г. был рукоположен во иеродиакона. Блестящие способности о. Гурия не остались незамеченными академическим начальством. В 1839 г. он был переведен в высшее отделение Академии, занимая 3-е место в списке своего курса по успеваемости. Тогда же он выразил желание отправиться в Пекин в числе сотрудников Российской Духовной Миссии, и его прошение было удовлетворено. В ноябре 1839 г. он был рукоположен во иеромонаха; 15 декабря, после досрочной сдачи экзаменов, о. Гурий был утвержден в степени кандидата богословия, и в конце декабря отправился в Китай, где ему суждено было пробыть в общей сложности около 20 лет.

В составе 12-й Пекинской Миссии (1840—1850). Прибыв в Пекин, иеромонах Гурий активно включился в работу Миссии, и вскоре его выдающиеся способности были отмечены начальником 12-й миссии — архимандритом Поликарпом (Тугариновым), в донесении Азиатскому Департаменту от 4 апреля 1845 г.⁴.

В те годы Российская Духовная Миссия, учрежденная в начале XVIII в., насчитывала уже более ста лет своего существования,

но ее история была еще слабо изучена. Это явствует из содержания письма, отправленного иеромонахом Гурием из Пекина в 1844 г. епископу Саратовскому Иакову (Вечеркову), который ранее благословил его на поездку в Китай. «Вас интересует Китайская Церковь; Вы желали бы прочитать где-нибудь о ней?» — спрашивал он саратовского владыку, сообщая далее: «О греко-российском христианстве в Пекине решительно негде почитать. В Сибири некогда издавался журнал «Сибирский вестник» (где давался исторический обзор смен Миссии). Но этот журнал был в плохом ходу, печатался в небольшом числе экземпляров; едва ли найдете в Саратове»⁵. И вот, пользуясь случаем, иеромонах Гурий излагает краткую историю возникновения Православия в Китае, которая восходит к допетровской эпохе.

Напомнив о том, что в 1685 г., в ходе сражений казаков-албазинцев с китайскими войсками, «китайцы взяли в плен несколько десятков русских воинов на службу к китайскому богдыхану», о. Гурий пишет далее, что албазинцы «принесли с собой в Пекин образ св. Николая; у них был и священник, старец Димитрий... Русские просили (у императора), чтобы им построили церковь. Коньси подарил им в северо-восточном углу Пекина одну казенную кумирню, которую русские переделали в церковь и освятили во имя Софии Премудрости Божией. Вот начало греко-российского христианства в Пекине!»⁶.

В те годы, когда о. Гурий приступил к своим обязанностям в Пекине, Российская Духовная Миссия состояла из архимандрита — начальника Миссии, двух иеромонахов, иеродиакона, причетника и 4-х студентов. Каковы же были обязанности членов Миссии? Вот что писал об этом историограф СПбДА Илларион Чистович: «Общую и главную цель ее составляют: богослужение, проповедание Евангелия, обращение и утверждение в вере малых остатков албазинских христиан, перевод нашей литургии, молитв, употребляемых при совершении других таинств, и катихизиса на китайский или маньчжурский языки и воспитание при миссии нескольких мальчиков албазинского рода, дабы сии полудикие ныне младенцы могли соделаться расадником православной веры в Китае и служили нам хорошими переводчиками или даже учителями для новых миссий»⁷.

При этом общем направлении деятельности Пекинской Миссии у каждого ее члена были определенные обязанности, и, в частности, иеромонахи, изучившие китайский и маньчжурский языки, должны были заниматься исследованиями в области восточных религий: «веры Фоевой и веры Лоудзья⁸, переводами книг, в коих изъясняются правила сих вер и приготовлением нужных на оное возражений»⁹. Отец Гурий приступил к своим трудам на этом поприще, и вскоре из-под его пера вышло исследование под названием: «Обеты буддистов и обряд возложения их у китайцев»¹⁰. Это была по существу монография, на-

писанная на основании скрупулезного изучения китайских источников и работ европейских сиологов. По словам одного из саратовских земляков о. Гурия, «китайский язык преосвященный Гурий знал как родной: свободно говорил и писал на нем; кроме того он знал новейшие языки и мог при своем изумительном трудолюбии перечитать все, что написали о Китае французы, немцы и англичане»¹¹.

Буддологическая работа о. Гурия была впоследствии напечатана в сборнике «Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине»¹².

Как раз в те годы члены Российской Духовной Миссии совершили большое дело для изучения тибетского буддизма: благодаря их усилиям были приобретены сборники священных буддийских книг — «Ганджур» («перевод наставлений») и «Данджур» («перевод трактатов»), признанных в Тибете в качестве канонических¹³. Об этом о. Гурий с радостью сообщал в 1844 г. в письме к саратовскому епископу Иакову: «Китайский император подарил Русской миссии Гань-чонур и Дан-чонур (название собрания св. книг буддийских на тибетском языке). Мы просили позволения купить, а император — на докладе о нашей просьбе — приказал выдать нам эту важную вещь. В Европе ни в одной библиотеке нет подобного экземпляра. 600 огромнейших томов! И в Китае эта вещь стоит более 15.000 рублей серебром, а в Европе и цены нельзя назначить. Добиться этой вещи можно только в Китае, и то по особенной милости императора!»¹⁴.

Русские востоковеды по достоинству оценили это приобретение; ведь еще О. М. Ковалевский в изданной им «Монгольской хрестоматии» (т. I, Казань, 1836) описал и проанализировал «Ганджур», один из главных памятников тибетской канонической литературы. Отметим также, что в составе 12-й Пекинской Миссии находился посланный в Китай от Казанского университета буддолог В. П. Васильев (1818—1900); одной из его монументальных работ является монография «История буддизма в Тибете», которая свидетельствует о том, что он был первым исследователем тибетской исторической литературы в России¹⁵.

Но не только научная буддологическая деятельность занимала о. Гурия. Трудясь над распространением православной веры, он обучал Закону Божию детей крещеных китайцев, переводил на китайский язык богослужебные книги, писал катихизические проповеди под названием «Бесед сельского священника с прихожанами о достойном приготовлении к принятию Святых Таин»¹⁶.

Снова в С.-Петербурге (1850—1856). Годы служения в 12-й Пекинской Миссии подходили к концу, и в декабре 1850 г. о. Гурий снова вернулся в Петербург. В феврале 1851 г. он был возведен в сан архимандрита, а в октябре того же года назначен ректором Александро-Невского училища.

За время пребывания на берегах Невы архимандрит Гурий усиленно работал над магистерской диссертацией на тему: «О богоучрежденности епископского сана (против протестантов)». Он успешно защитил этот труд и 17 августа 1853 г. был удостоен степени магистра богословия. На первый взгляд тема этой работы далека от китайской проблематики, но следует учесть и то, что в Китае бок о бок с православными пастырями трудились протестантские миссионеры и некоторые из них (например, пресвитериане) отрицали законность епископского сана. Впоследствии, будучи уже епископом Таврическим и Симферопольским, владыка Гурий опубликовал свое сочинение отдельным изданием¹⁷, причем в предисловии автор специально отмечал, что «настоящее сочинение было составлено 20 с лишним лет тому назад и не предназначалось для печати. Ныне, по требованию обстоятельств нашего края, переполненного диссидентами (в религиозном смысле. — *а. А.*) всевозможных цветов, сочтено небесполезным через печать предложить его благосклонному вниманию православного общества в уверенности, что искренно ищущий истины найдет в этом сочинении и надежное оружие к отражению хитросплетений лжеименного разума и разумное успокоение совести насчет своих духовных отношений в Церкви»¹⁸.

Во главе 14-й Пекинской Миссии (1858—1864). В 1856 г. архимандрит Гурий был назначен настоятелем Пекинского ставропигиального Успенского монастыря и начальником Российской Духовной Миссии в Пекине. Он снова отправился в Китай, где сменил своего предшественника — архимандрита Палладия (Кафарова). С новым начальником Миссии в Китай прибыли иеромонах Исаия (Поликин), (СПБДА), врач Корниевский, художник Игорев и астроном Пещуров (впоследствии Д. А. Пещуров стал профессором китайского языка в Петербургском университете).

Эти годы были крайне трудными для Китая. Соппротивление иностранной экспансии вызвало вооруженные столкновения с англо-французскими войсками, которые переросли во 2-ю «опиумную» войну (1856—1860). Члены 14-й Пекинской Миссии прибыли в Китай в те дни, когда в разгаре были военные действия на реке Бэйхэ, завершившиеся Тяньцзиньским договором 1858 г. По Тяньцзиньскому трактату иностранным миссионерам разрешалось пребывание в стране и свободная проповедь христианства. Пользуясь этим разрешением, Св. Синод послал в 1859 г. архимандриту Гурию специальную инструкцию; в первом пункте говорилось: «В настоящее время, когда по милости Божией, вследствие трактата 1858 г. Духовной Миссии открывается в Китае обширное поприще для проповеди слова Божия, деятельность Миссии может быть направлена к распространению православной веры среди самого китайского народа»¹⁹.

Получив эту инструкцию, архимандрит Гурий приступил к переводу Нового Завета на китайский язык, поскольку отныне открывались новые возможности для миссионерской деятельности. Ведь именно начальнику Миссии, согласно ее статусу, предписывалось углубленно изучать китайский язык. К 1864 г. перевод всех книг Нового Завета был завершен и опубликован на китайском языке²⁰. В течение ряда лет о. Гурий трудился также над переводом целого ряда богослужебных книг и духовно-нравственных сочинений²¹.

Несмотря на тревожные времена, связанные с постоянной военной опасностью, члены Российской Духовной Миссии успешно занимались просветительской деятельностью как в Пекине, так и за его пределами. Например, в Отчете «о состоянии и действиях» Пекинской Миссии за 1859—1862 гг. сообщалось: «В три года времени, большею частью неблагоприятного для распространения веры, окрещено около 200 человек взрослых обоего пола из язычников»²².

При этом русские миссионеры не стремились привлечь китайцев в Православие любыми способами. Показателен следующий пример: в 1860 г., когда англо-французские войска подошли к самым стенам Пекина и начали готовиться к штурму столицы империи, среди жителей распространился слух, что союзники исповедуют христианскую веру и поэтому шадят жизнь и имущество христиан. Два предусмотрительных китайских семейства пришли в Русское подворье и просили иеромонаха Исаию, члена РДМ, окрестить их. Однако он не согласился на это и крестил китайцев гораздо позднее, после того, как они стали регулярно посещать церковь и выучили молитвы²³.

В том же 1860 г. было заключено Пекинское соглашение, по которому к России отошли земли севернее Амура и Уссурийский край. Для переговоров по этим вопросам в Пекин прибыл с особым поручением генерал Н. П. Игнатьев. 2 ноября 1860 г. он заключил выгодный для России Пекинский договор, который прекращал все пограничные споры и восстанавливал прежнюю сухопутную торговлю. Во всех проходивших по этим вопросам переговорах архимандрит Гурий был незаменимым сотрудником Н. П. Игнатьева. Вот что вспоминал впоследствии сам русский миссионер: «Во время осады Пекина англо-французами союзники и китайцы прибегали к моему посредничеству и просили помирить их между собою. И вот где положено, замечу, начало уступки нам Амурской области»²⁴.

Знание китайского языка и бесценный опыт делали о. Гурия и дипломатом: было время, когда вся переписка российского правительства с китайскими представителями шла через руки архимандрита Гурия²⁵. И это было тогда неудивительным — вплоть до 1863 г. деятельность Пекинской Миссии находилась в ведении Министерства иностранных дел, и лишь в 1863—

1864 г. состоялась ее передача из ведомства МИДа в ведение Св. Синода.

Именно в это переходное время миссионерская деятельность Пекинской Миссии заметно активизировалась, причем к делу христианизации местного населения привлекались добровольные помощники. Так, в 1862 г. возникла необходимость в постройке часовни в одной из деревень (Дундин). Требовавшиеся средства были собраны как среди китайцев, так и среди русских. «В Пекине случились на то время некоторые кяхтинские купцы. Миссия пригласила и их к участию. Они с удовольствием сделали пожертвования в пользу этого дела»²⁶, сообщал в Отчете архимандрит Гурий.

Помимо официального отчета о миссионерской деятельности, архимандрит Гурий в 1863 г. написал серию очерков под общим названием «Письма из Пекина об успехах Православия в Китае», опубликованных в «Иркутских епархиальных ведомостях»²⁷. Здесь можно найти сведения и о его трудах на миссионерском поприще.

В Пекине архимандриту Гурию приходилось заниматься самыми разнообразными делами. Впоследствии, когда он был уже епископом, один из его саратовских земляков слышал от владыки Гурия такой рассказ: «В Пекине летом нестерпимо жарко; мы обыкновенно сидели в шелковых балахонах, под которые (чтобы от пота не прилипали к телу) надевали особые, здесь (в России. — *а. А.*) неведомые, бамбуковые сетки. Но зимой бывает и холодновато; нужно было построить наши русские печки, и для этой цели пришлось самому изучить печное мастерство и научить других, и дело это устроилось как нельзя лучше. От печной кирпичи или лопатки приходилось братья за смычок и скрипку, которые не были в моих руках ни в семинарии, ни в Академии; а между тем нужно было из моих албазинцев устроить певческий хор для богослужения, и мы достигли цели: мой пекинский хор был если не лучше, то и не хуже моего архиерейского»²⁸.

Архимандрит Гурий (как его предшественники — иеромонах Иакинф, архимандрит Аввакум, архимандрит Палладий) большое внимание уделял пополнению библиотеки Пекинской Духовной Миссии, особенно ее китайского отдела. В разделе, называвшемся «Китайская церковная литература Российской Духовной Миссии», хранились церковно-богослужебные книги; переводы Библии и ее отдельных книг. Русские миссионеры и востоковеды, а также православные китайцы постоянно пользовались ее сокровищами.

С помощью иеромонахов, членов Миссии, и местных китайцев были составлены библиотечные каталоги. В 1865 г. был выстроен дом начальника Миссии, а в 1877 г. к нему было пристроено специальное помещение для библиотеки²⁹. Но это последнее событие состоялось уже после отъезда архимандрита.

Гурия из Китая, — в 1865 г. истек срок его пребывания в столице Поднебесной империи.

Заключение. В сентябре 1865 г. архимандрит Гурий возвратился из Пекина в С.-Петербург и был назначен настоятелем Московского Симонова монастыря. За свою службу в Пекинской Миссии он был награжден орденом св. Владимира 3-й степени и пожизненной пенсией в 1500 рублей. Но недолго ему было суждено пребывать в этой должности. Вскоре он был переведен в Рим настоятелем посольской церкви, но через несколько месяцев снова отозван в Россию. 5 июня 1866 г. он был рукоположен во епископа Чебоксарского, а в конце 1867 г. переведен в Симферополь, где в 1881 г. возведен в сан архиепископа.

С прибытием в Симферополь в феврале 1868 г. началась неутомимая и непрерывная деятельность иерарха ко благу Таврической епархии. До его прибытия крымские земли были малочисленны и церквями, и священнослужителями. Многолетняя деятельность владыки Гурия была ознаменована увеличением количества храмов (270) сравнительно с тем числом (120), которое он застал при вступлении в управление епархией. В Симферополе им были основаны семинария, мужское и женское духовные училища. При владыке Гурии в ноябре 1868 г. было основано Симферопольское Александро-Невское братство и начато издание (с сентября 1868 г.) «Таврических епархиальных ведомостей»³⁰.

Все эти труды служили на благо Русской Православной Церкви, но, к сожалению, не давали возможности продолжать занятия в области китаеведения. В 1874 г. владыке Гурию был пожалован орден св. князя Владимира 2-й степени. «Ну, друг, — говорил он своему саратовскому земляку, — я решил было, изнемоги от трудов, иди на покой, поселиться в Корсунском монастыре и там заняться своим Китаем, а вот пожаловали такую высокую награду, что нужно отслужить за нее хоть годика два, а там и на покой»³¹.

Но и через несколько лет такой возможности не представилось. В 1881 г. владыка Гурий был возведен в сан архиепископа, и опять у него та же мысль: «Как иди на покой! Подумают, что я только и дожидался этой высокой чести; надобно отработать за нее». И он продолжал трудиться, отдавая Церкви последние силы. Напряженные труды давали себя знать, и весной 1882 г. он тяжело заболел. 17 марта 1882 г. скорбная весть о кончине святителя распространилась по Симферополю.

«Светильник, озарявший таврическую паству, угас; преосвященный Гурий скончался». Вот краткие слова, которыми 18 марта была передана эта весть православным русским людям через газету «Московские ведомости». Впоследствии некролог, содержащий основные вехи жизненного пути усопшего владыки, был помещен в целом ряде епархиальных изданий³². Примеча-

тельно, что авторы, писавшие о нем, особо отмечали его миссионерские труды в Китае. «Владыка Гурий много потрудился для блага Православной Церкви не только в пределах нашего отечества, но и за его пределами, на отдаленном Востоке, — в Китае, где он более 10 лет был начальником нашей Духовной Миссии и где он предпринял и совершил нелегкий труд перевода Евангелия на китайский язык; его трудом доселе пользуются наши китайские миссионеры»³³, сообщалось в «Церковном вестнике».

Перед смертью владыка Гурий часто выражал беспокойство о судьбе своего архива. «После меня, — говорил он, — никто не может воспользоваться моими заметками о Китае: в них одни только намеки, да и те на клочках бумаги, которые, конечно, не разобравши, выметут как сор после моей смерти». К сожалению, это и сбылось: действительно, множество бумаг, особенно на клочках, с полувыцветшими чернилами, были выметены из кабинета покойного, как сор, или сожжены³⁴.

Правда, были предприняты кое-какие попытки осветить «китайский период» жизни владыки Гурия; по словам саратовца И. И. Палимпсестова, опубликовавшего краткие заметки о святителе несколько лет спустя после его смерти, «нам известно, что один из достойнейших пастырей Таврической епархии собирает материалы для биографии почившего архиепископа Гурия и, может быть, воспользуется уцелевшими после него материалами о Китае; но, конечно, все это будет не то, что создал бы сам собиратель их»³⁵.

В 1882 г. в Симферополе была издана брошюра, посвященная памяти покойного архиепископа Гурия. Были там и такие строки: «Более 15 лет прошло с того времени, как усопший архипастырь оставил Китай, но нужно было видеть, с какой любовью он вспоминал о своей китайской службе, с какой радостью он получал письма оттуда от своих духовных детей, как скорбел, когда кто-либо из них отошел ко Господу; с каким воодушевлением он говорил о своей китайской жизни, и всегда принимал самое живое участие в Китайской миссии!... Как он основательно изучил жизнь китайцев и глубоко понимал их религию!»³⁶.

И, наконец, подводя итог сказанному, следует привести слова одного из его биографов, которыми и можно закончить обзор, посвященный этому выдающемуся деятелю Русской Православной Церкви: «После о. Иакинфа Гурия можно считать одним из образованнейших синологов. Оценка его миссионерских трудов и заслуг принадлежит истории»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русские и Греко-Российская Церковь в Китае Письмо иеромонаха Гурия к Саратовскому епископу Иакову (14 августа 1844 г.). — «Русская старина», 1884, № 9, С. 658.

² См.: Чистович И. История С.-Петербургской Духовной Академии. СПб. 1857. С. 383—384.

³ См.: Родосский А. Биографический словарь студентов первых 28-ми курсов С.-Петербургской Духовной Академии (1814—1869 гг.). СПб. 1907. С. 125.

⁴ См.: «Записки императорского Русского Географического Общества по общей географии». Т. 22, № 1, 1892. С. II—III.

⁵ Русские и Греко-Российская Церковь в Китае... С. 656.

⁶ Там же. С. 657.

⁷ Чистович И. Указ. соч. С. 382—383.

⁸ «Фо» — китайское наименование буддизма; Лаоцзы — основатель даосизма.

⁹ Цит. по: Чистович И. Указ. соч. С. 383.

¹⁰ Иеродиакона (ныне архимандрита) Гурия «Обеты буддистов и обряд возложения их у китайцев». — «Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине». Т. II, СПб. 1853. С. 195—356.

¹¹ Палимпсестов И. Преосвященный Гурий: (Из моих воспоминаний). — «Русский архив», 1888, кн. 9. С. 167.

¹² Труды членов Российской Духовной миссии. Т. 2, СПб, 1853. С. 195—356. См. отзыв: «Отечественные записки», 1853, т. 89, отд. V. С. 49.

¹³ Об этих сборниках см. подробнее: Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М., 1962. С. 123—130; Маланова Т. М. Санскритские нитишастры в тибетском Данджуре. В сборнике: «Санскрит и древнеиндийская культура», М. 1979. Ч. 2. С. 44—45; ее же. Нитишастра «Гатха-коша, приписываемая Равигупте». В сб.: «Древний и средневековый Восток. История и филология». М. 1983. С. 59—72.

¹⁴ Русские и Греко-Российская Церковь в Китае. Письмо от 14 августа 1844 г. «Русская старина», 1884, № 9. С. 661.

¹⁵ О В. П. Васильеве см.: Пубаев Р. Е. Академик В. П. Васильев — первый исследователь тибетской исторической литературы. — «Востоковедные исследования в Бурятии». Новосибирск, 1981.

¹⁶ Опубликовано в сборнике: Гурий (Карпов), архиепископ. Слова и речи. Симферополь, 1883. С. 122—170.

¹⁷ Гурий, епископ Таврический и Симферопольский. О богоучрежденности епископского сана в Христовой Церкви сравнительно с учением о сем реформатских обществ. СПб. 1876.

¹⁸ «Христианское чтение», 1876, № 5—6. 8 января 1876 г., Симферополь.; см. также «Странник», 1876, сентябрь. С. 153—158.

¹⁹ Цит. по: Коростовец И. Русская Духовная миссия в Пекине. — «Русский архив». 1893. С. 78.

²⁰ См.: Алексей (Виноградов), иеромонах. Китайская библиотека и ученые труды членов императорской Российской Духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине (в Китае). СПб. 1889. С. 24—25; Из письма к И. И. Палимпсестову. О переводе Нового Завета на китайский язык. «Русский архив», 1893, кн. 9. С. 394. Письмо архимандрита Гурия к И. Г. Терсинскому о переводе Нового Завета на китайский язык. — «Русский архив», 1894, кн. 1. С. 97.

²¹ См.: Алексей (Виноградов), иеромонах. Указ. соч. С. 28—30.

²² Извлечение из Отчета начальника имп. Духовной Миссии в Пекине архимандрита Гурия о состоянии и действиях сей миссии в течение 1859—1862 гг. — «Христианское чтение». 1864. Т. 1. С. 504.

²³ См.: Коростовец И. Указ. соч. С. 76.

²⁴ Палимпсестов И. И. Преосвященный Гурий. Из моих воспоминаний. — «Русский архив», 1888, кн. 9. С. 170.

²⁵ Высокопреосвященный Гурий, архиепископ Таврический и Симферопольский. Некролог. Симферополь: 1882. С. 5. См. также: Пекинская Духовная Миссия. Два донесения из Пекина архимандрита Гурия в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. — «Русский архив», 1907. Кн. 12. С. 504. (от 30 ноября 1860 г., Пекин).

- ²⁶ Извлечение из Отчета... 1859—1862 гг. — «Христианское чтение». 1864.
- Т. 1. С. 504.
- ²⁷ Письма из Пекина об успехах Православия в Китае. — «Иркутские епархиальные ведомости», 1863, прибавления к № 9, 11, 13, 17, 19.
- ²⁸ Палимпсестов И. И. Указ. соч. С. 168.
- ²⁹ См.: Алексей (Виноградов), иеромонах. Указ. соч. С. 7.
- ³⁰ См.: Гермоген, епископ Псковский и Порховский. Таврическая епархия. Псков. 1887. С. 173 (владыка Гермоген — бывший Таврический и Симферопольский) (прим. авт.).
- ³¹ Палимпсестов И. И. Преосвященный Гурий. Из моих воспоминаний. — «Русский архив». 1888. Кн. 9. С. 169.
- ³² См.: «Таврические епархиальные ведомости». 1882, № 8. С. 339—355; там же, № 10. С. 446—460; «Минские епархиальные ведомости». 1882, № 8. С. 191—194; «Литовские епархиальные ведомости», 1882, № 1. С. 105—106; «Московские церковные ведомости», 1882, № 14, № 23; «Церковно-общественный вестник», 1882, № 61; «Московские ведомости», 1882, № 79, № 82; «Саратовские губернские ведомости». 1882, № 66; «Православное обозрение». 1882. Т. 1. С. 678—680.
- ³³ «Церковный вестник», 1882, № 12—13. С. 17.
- ³⁴ Палимпсестов. Указ. соч. С. 169.
- ³⁵ Там же. С. 169.
- ³⁶ Высокопреосвященный Гурий... (Некролог). Симферополь. 1882. С. 28.
- ³⁷ Родоский А. Биографический словарь студентов первых 28-ми курсов С.-Петербургской Духовной Академии. 1814—1869 гг. СПб. 1907. С. 126.

Н. А. Самойлов

ПЕКИНСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Вторая половина XIX в. — очень сложный период в истории Китая. В эти годы Цинская империя терпела сокрушительные поражения в войнах с западными державами, навязывавшими ей неравноправные договоры, и сотрясалась под ударами народных восстаний. Консервативные силы цинского Китая пытались сохранить свои сильно пошатнувшиеся позиции и воспрепятствовать осуществлению прогрессивных реформ, проводившихся в рамках так называемой политики «самоусиления». Эти явления во внутренней жизни и внешней политике Цинской империи не могли не отразиться на положении дел в Пекинской Духовной Миссии. Сменились акценты и во внешнеполитической деятельности Российского правительства.

В начале 60-х гг. XIX в., после второй «опиумной» войны, Миссия была реорганизована. Окончательное разделение русской Миссии на дипломатическую и духовную произошло

в 1864 г. Руководство Духовной Миссией поручалось архимандриту Палладию (Кафарову), бывшему уже главой 13-й миссии в 1850—1858 гг. Был сокращен штат.

В утвержденном Государственным советом положении о реорганизации Миссии говорилось следующее: «1) Предоставить Пекинскую Духовную Миссию в полное заведывание и распоряжение духовного ведомства, отчислив от нее, в состав миссии дипломатической, состоящих ныне при первой из сих миссий врача и трех студентов, а затем должности художника и одного студента при миссии упразднить. На одного иеромонаха из духовной миссии возложить обязанность исправлять церковную службу при миссии дипломатической. 2) Срок нахождения студентов при миссии дипломатической... назначить не менее 4-х лет, обязав их прослужить не менее 6-ти лет на должностях, которые, по истечении сказанного срока, будут им предоставлены в Китае, по усмотрению министерства иностранных дел. 3) В составе духовной миссии оставить: начальника миссии (архимандрита), трех иеромонахов, священника и катихизатора, из коих последние двое назначаются из туземцев. 4) Вместо установленного ныне срока пребывания в Китае членов духовной миссии предоставить святейшему Синоду оставлять достойнейших и способнейших миссионеров на неопределенное время. 5) Обязать духовную миссию во всех тех случаях, где действия и распоряжения оной будут соприкасаться с государственными постановлениями страны или политическими отношениями России и Китая, обращаться к начальнику дипломатической миссии как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с китайским правительством...»¹.

В этих условиях Пекинская Миссия смогла сосредоточить основное внимание на своей духовной деятельности. В документах, относящихся ко времени ее реформирования, говорилось о необходимости тщательного отбора и подготовки миссионеров, ибо исполнение их обязанностей на территории Китая было сопряжено с большими трудностями, а порой и лишениями. От миссионеров требовалось хорошее знание страны, в которой они находились, обычаев и нравов китайского народа. Проповедь Православия могла быть эффективной только при этих условиях.

В донесении министра-резидента в Пекине директору Азиатского департамента МИД утверждалось, что хорошо подготовленные миссионеры, досконально разбирающиеся в сложившейся в Китае обстановке, ориентирующиеся в текущей политической жизни и соблюдающие китайские законы, «не станут вмешиваться во внутренние дела страны, а будут иметь дело с учеными и высшими классами Китая и, действуя только убеждениями, сочинениями и философскими спорами, не возбудят про-

тив себя недоверие Правительства. Без этого успех всякой пропаганды будет тщетен»².

В этой связи министр-резидент давал совет относительно предварительного отбора и обучения кандидатов в Миссию в Пекине или на территории России китайскому языку и философии и отмечал, что уважительное отношение к законам и обычаям Китая может гарантировать терпимое отношение к Миссии со стороны его правительства: «Нельзя сказать, чтобы Китайское Правительство в деле религии было нетерпимо, оно скорее равнодушно к делам совести его подданных и терпит у себя и буддистов, и ламаистов, и мусульман, и шаманство и наконец последователей учений Даоса и Конфуция. Преследует же оно только те секты, которые под видом религии скрывают политическую цель; в этом смысле преследовался католицизм»³.

О необходимости внимательно изучать складывавшуюся в Китае ситуацию, с уважением относиться к чувствам китайского народа постоянно писал и говорил архимандрит Палладий. Он учил своих сотрудников глубоко вникать в особенности быта и повседневной жизни китайцев, объясняться с ними на понятном им языке.

Архимандрит Палладий много размышлял о том, к каким последствиям может привести крупномасштабная экспансия Запада, как это отразится на самосознании китайского народа. Последствия творимого в то время унижения китайской нации иноземцами могли, по его мнению, оказаться поистине катастрофическими как для Китая, так и для Запада. Размышляя над этими вопросами, выдающийся синолог писал следующее: «Чего мы можем бояться на будущее время? Европа уже действовала на ветхую Поднебесную Империю; дух вражды и неприязни ко всему чужеземному, питаемый конфуцианским учением и поддерживаемый народным воспитанием мало-помалу ослабнет и исчезнет от постоянных дружественных сношений Китая с образованными нациями Запада и от влияния христианской веры, пока наконец не будет произнесен приговор: умер великий Бог Пан восточной Азии, бог osobности и застоя! Но если народные права, на каком самообольщении ни основывались бы они, будут презрены и священные для китайцев предания нарушены насильственным вторжением европеизма в сферу своеобразной жизни, то не легко будет ладить с вечным упорством и раздражением возмущенного тем племени»⁴.

В указанный период члены Пекинской Духовной Миссии сосредоточили основное внимание, как подчеркивал в рапортах Святейшему Правительствующему Синоду начальник Миссии, на своих обязанностях «по отношению к церкви, пастве и училищам»⁵. При этом деятельность Миссии не ограничивалась лишь Пекином. В рапорте за 1875 г. говорилось, что иеромонах Геронтий «командирован был к нашим христианам в дерев-

ню Дундинъань и в город Тяньцзинь, где проживают несколько русских купцов и стоят наши военные лодки»⁶.

Число обращенных в Православие китайцев росло, при этом среди них оказывались и весьма влиятельные фигуры. В одном из отчетов архимандрит Палладий писал: «В прошедшем году я имел честь доносить, что Миссия наша приобрела нового прозелита для Православной Церкви, в лице китайского чиновника по фамилии Су; он сподоблен Св. Крещения перед днем Св. Пасхи. Это приобретение я считаю самым важным и полезным из тех, какие Миссия имела в последние десять лет; мы надеемся, судя по его характеру, преданности православной вере и известной степени образованности, что, со временем, он будет добрым споспешником в деятельности Миссии. В настоящее время он командирован в Маньчжурию, куда вследствие радикальных преобразований администрации в крае, потребовались из Пекина благонадежные чиновники для водворения нового порядка. Оттуда он не оставляет нас без письменных о себе известий»⁷.

Архимандрит Палладий отчетливо осознавал, что проповедь Православия в Китае требует тщательнейшей работы по переводу на китайский язык христианской литературы. В этих целях Миссия должна была подготовить большое количество словарей и иной научно-вспомогательной литературы. Деятельность Миссии в данном направлении активно продолжалась и после ее реорганизации. В достижении успехов на данном поприще не последнюю роль сыграла увлеченность архимандрита Палладия самыми разными аспектами синологических исследований. Под его руководством и при непосредственном его участии продолжались научные изыскания сотрудников Миссии, составлялись словари, переводились китайские классические сочинения. В 1870 г. начальник Миссии по предложению Императорского Географического Общества совершил поездку в Уссурийский край для проведения этнографических и археологических исследований. Последние годы своей жизни в Пекине он посвятил подготовке Большого китайско-русского словаря.

Значительную работу по составлению словарей и переводу на китайский язык богослужебных книг осуществлял иеромонах Исаия (Поликин), выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии. Им были переведены на китайский язык Требник и Часослов (до 9-го часа), составлены Русско-китайский словарь Богословских и Церковных речений, Русско-китайский словарь разговорного языка (8000 слов), Китайско-русский тонический словарь (7700 иероглифов), разговорник, содержащий 100 общеупотребительных разговоров на китайском языке для начинающих свою деятельность миссионеров. Иеромонах Исаия осуществил перевод на русский язык классических конфуцианских книг «Лунь юй», «Чжун юн» и «Да сюэ»⁸. Он также был автором «Краткой китайской грамматики», весьма удачной и до-

ступной для восприятия⁹. Ею активно пользовались студенты и миссионеры на протяжении последующих лет. Кончина иеромонаха Исаии, последовавшая в 1871 г., явилась тяжелой утратой для всей Миссии и китайцев, исповедовавших Православие. Следует отметить, что именно он обратил в Православную веру большую группу китайцев из деревни Дундинъань близ Пекина и способствовал созданию там православного храма¹⁰.

Архимандрит Палладий в отчете за 1876 г. привел данные о переводческой деятельности и других членов Миссии: «Иеромонах Флавиан составил при моем содействии, на русском и китайском языках краткие изъяснения на Св. Евангелие от Матфея; русский текст их вместе с сим представляется на благоусмотрение Святейшего Синода. Он же кончил перевод на китайский язык великопостных паремий»¹¹.

Главой 16-й миссии в 1878 г. стал архимандрит Флавиан (Городецкий). Как отмечают исследователи истории Миссии, «в короткий период начальствования этого иерарха деятельность наших миссионеров носила характер преимущественно учетно-издательский»¹². Архимандрит Флавиан и его помощники иеромонахи Алексей (Виноградов) и Николай (Адоратский) активно занялись собиранием и проверкой переводов богослужебных книг, сделанных архимандритом Палладием и иеромонахом Исаией, а затем сами предприняли перевод воскресных служб Октоиха на китайский язык. Большую помощь в этой работе им оказывали православные китайцы. Катихизатор-китаец Митрофан Цзи, «выказавший искреннее христианское рвение и твердость в исповедании Православия», был рукоположен в сан священника. На этого человека временами возлагались очень важные обязанности: в связи с отъездом в 1884 г. о. Флавиана «религиозное усовершенствование паствы всецело легло на священника из китайцев о. Митрофана Цзи и его помощника катихизатора Павла Ван»¹³.

Иеромонах Николай подробно описал сложности, которые испытывали сотрудники Миссии при переводе на китайский язык текста Октоиха. Иеромонахи Николай и Алексей взяли на себя труд сличения славянского текста с греческим подлинником. Уточняя текст, они передавали точный смысл переводимого места на русском языке архимандриту Флавиану, который не владел греческим. Тот, в свою очередь, на разговорном китайском языке излагал это о. Митрофану Цзи, который перелагал текст на вэньань. После учитель Осия редактировал китайский текст и «давал ему лучшую китайскую конструкцию»¹⁴.

В 1884 г. начальником Миссии был назначен архимандрит Амфилохий (Лутовинов). Хотя он и не имел предварительной практической подготовки, подобной той, которой обладали его предшественники (например, архимандриты Палладий и Гурий), но все-таки активно приступил к исполнению своих обязанностей, тщательно занимаясь как текущими делами Миссии, так

и научными изысканиями. Его перу принадлежит интересный очерк истории христианства в Китае¹⁵. Деятельность архимандрита Амфилохия была сопряжена с большими трудностями в связи с тем, что Миссию в это время покинули наиболее подготовленные и осведомленные в китайских делах ее члены. В 1885 г. подал прошение об увольнении из состава Миссии иеромонах Николай (Адоратский)¹⁶.

В 1891 г. архимандрит Амфилохий совершил торжественное богослужение в связи с прибытием в Ханькоу цесаревича Николая Александровича — будущего императора Николая II. В рапорте Святейшему Правительствующему Синоду о. Амфилохий докладывал: «Чсть имею доложить Вашему Святейшеству, что согласно указанию Императорской Российской Дипломатической Миссии в Пекине, я семнадцатого числа истекшего марта месяца, поручив временно заведывание Духовной Миссией иеромонаху Платону, выехал из Пекина в Ханькоу на встречу Государю Цесаревичу. Апреля седьмого в восемь часов утра Его Императорское Высочество Государь Цесаревич изволил прибыть на рейд в Ханькоу и в десять с половиной пожаловал в нашу Церковь, где изволил слушать Литургию. Русские обыватели Ханькоу встретили Его Высочество с вполне русским верноподданническим восторгом и трое суток ликовали. Государь Цесаревич изволил собственноручно пожаловать мне золотой с бирюзой наперсный крест, а пономарившему православному китайцу серебряные часы, Церкви же в Ханькоу Икону Святителя Николая в драгоценном окладе»¹⁷.

Помимо Пекина богослужения осуществлялись в православных храмах в деревне Дундинъань, Ханькоу и Урге. Сверх того для совершения богослужения и треб ездили в Фучжоу, Тяньцзинь и Калган¹⁸.

Деятельность членов Пекинской Духовной Миссии, и прежде всего их переводческая работа, была высоко оценена руководителями русских православных миссий в других районах Азии, ибо своими переводами они обеспечили возможность приобщения к христианству жителей Кореи, Японии (сказывалась общность иероглифической письменности) и других стран.

Иеромонах Николай (Адоратский) в своей работе привел следующее обращение Николая Японского к о. Исае: «Пекинская Миссия — мать Японской, без Пекина японцы неопытны и немы»¹⁹. Японская Миссия получила из Пекина перевод Нового Завета на китайский язык, Краткую священную историю, Катихизис и другие книги. Аналогичную мысль архимандрит Николай высказывал и в письме к архимандриту Палладию²⁰. В 1882 г. новый начальник Пекинской Миссии о. Флавиан лично отвез в Японию рукописные переводы, сделанные сотрудниками Миссии. Он же отправил в 1879 г. епископу Туркестанскому Александру «два тюка православных христианских книг, изданных в Пекинской Миссии»²¹. Четыре тюка книг были

отправлены в 1880 г. епископу Камчатскому Мартиниану, который попросил прислать ему для местного населения книги на китайском, маньчжурском и корейском языках. Переводы на маньчжурский язык, осуществленные в свое время Липовцовым, были понятны амурскому населению²². В этой связи Нерчинско-заводский протоиерей Симеон Боголюбский в отчете о деятельности Амурской Духовной Миссии писал: «Прежде всего нужно было позаботиться о средствах духовного общения с маньчжурами. В этом помогла нам Пекинская Духовная Миссия. Чрез нее выписаны мною из Пекина в значительном количестве экземпляров Новый Завет на маньчжурском языке и разного содержания христианские книги на китайском. Евангелие на маньчжурский язык переведено бывшим членом нашей Пекинской Миссии Липовцовым, а издано Лондонским Миссионерским Обществом. Китайские книги большею частью переводы с русского нынешней Пекинской миссии. Как маньчжурские, так и китайские переводы оказались понятными для амурского, маньчжурского и китайского населения и ими-то и пользуется Амурская Миссия для распространения христианских понятий между живущими около Благовещенска язычниками»²³.

Члены Пекинской Духовной Миссии всегда очень тщательно подходили к работе над переводами богослужебной литературы, считая, что «своими переводами наша миссия отвечает нравственно-религиозным потребностям не только своих пасомых, но и родственных им японцев, а также корейцев, маньчжуров и китайцев, проживающих в Сибири»²⁴.

Во второй половине XIX в. Пекинская Духовная Миссия своей деятельностью способствовала установлению более тесных связей между русскими подданными, проживавшими постоянно или находившимися по служебным делам в различных частях Китая, духовно спланивала разбросанную по обширной территории русскую общину. По инициативе Миссии был сооружен православный храм в Ханькоу и назначен туда священник, ибо в то время там проживали многие русские, прежде всего представители чаоторговых фирм²⁵. В 1898 г. было принято решение о строительстве в Порт-Артуре храма во имя Святого Николая, Мирликийского Чудотворца, а в Дальнем — храма во имя Мученицы Александры, «дни празднования которых совпадают с радостными для всей России днями тезоименитства Государя Императора и Государыни Императрицы»²⁶.

С уважением и чувством достоинства относились члены Пекинской Миссии к представителям иных вероисповеданий. Они поддерживали контакты с протестантскими и католическими миссионерами и иногда улаживали возникавшие между ними конфликты.

Российская Православная Миссия в Пекине во второй половине XIX в., несмотря на уменьшение штата и сокращение круга обязанностей, продолжала оставаться важным звеном русско-

китайских духовных и культурных связей, способствовала проникновению православной русской культуры в Китай.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О преобразовании пекинской миссии.— Странник. 1864. Т. 1. С. 33—34.
- ² ЦГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 515. Л. 5 об.
- ³ Там же. Л. 5 об — 6.
- ⁴ Дневник Архимандрита Палладия за 1858 г. СПб. 1912. С. 35.
- ⁵ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 158. Ед. хр. 810. Л. 1.
- ⁶ ЦГИА. Ф. 797. Оп. 53. II отд. 3 ст. Ед. хр. 436. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 2.
- ⁸ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 146. Ед. хр. 1325. Л. 4 — об.
- ⁹ Иеромонах Исаия. Краткая китайская грамматика. Изд. 3-е. Пекин. 1906.
- ¹⁰ Иеромонах Исаия (Поликин). Поездка в окрестности Пекина по делам распространения христианства.— Духовная беседа. 1863. № 15—16.
- ¹¹ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 158. Ед. хр. 810. Л. 2.
- ¹² Архангелов С. А. Наши заграничные миссии. Очерк о русских духовных миссиях. СПб. 1896. С. 33—34. Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. СПб. 1896. С. 409.
- ¹³ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 166. Ед. хр. 2259.
- ¹⁴ И. Н. Адоратский]. Настоящее положение и современная деятельность Пекинской духовной миссии в Китае.— Православный собеседник. 1884, август. С. 379—380.
- ¹⁵ Архим. Амфилохий (Лутовинов). Из истории христианства в Китае. Период первый. С начала христианской эры до падения юаньской династии в 1369 году.— Православный собеседник. 1898. № 11—14.
- ¹⁶ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 168. Ед. хр. 2271. Л. 1.
- ¹⁷ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 172. Ед. хр. 2648. Л. об.
- ¹⁸ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 174. Ед. хр. 2961. Л. 2 об — 3.
- ¹⁹ Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Казань. 1887. С. 16.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ «Странник». 1887. Т. 1. С. 629.
- ²² Там же.
- ²³ Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям». 1871. № 32.
- ²⁴ «Церковный вестник». 1884. 17 нояб. № 46.
- ²⁵ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 173. Ед. хр. 2709. Л. 1 об.
- ²⁶ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 179. Ед. хр. 1277. Л. 1.

М. Ф. Чигринский

ИЕРОМОНАХ АЛЕКСИЙ (ВИНОГРАДОВ) В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Один из выдающихся синологов Российской Духовной Миссии в Пекине иеромонах Алексей (в миру Александр Николаевич Виноградов) является уникальной по своим научным интересам фигурой русской науки. Вместе с тем трагическая судьба

о. Алексия способствовала полному забвению его ученых трудов еще при жизни. Ни в одной энциклопедии или биографическом справочнике нет сведений ни о нем самом, ни о его работах.

Краткие сведения о нем содержатся только в труде Алексия «История Английско-Американской Библии»¹, о которой будет сказано ниже, в статье Н. И. Конрада «Синолог из Оптиной пустыни» и приложенных к ней материалах Алексия. Папку с этими документами спасла во время войны О. П. Петрова — старейшая советская японистка². Остальные сведения об Алексии, позволяющие реконструировать картину его жизненного и творческого пути, находятся в разных архивах.

Иеромонах Алексей (Виноградов) родился 5 ноября 1845 г. в с. Чамерово Весьегонского уезда Тверской губернии в семье священника. В 1865 г. окончил Петербургскую Духовную Семинарию, где блестяще учился. По окончании Семинарии был оставлен там в качестве помощника наблюдателя иконографии. В 1867 г. поступил в Петербургскую Духовную Академию, но фактически не учился, так как перешел преподавателем живописи и рисования в Ярославскую Духовную Семинарию. Здесь разработал курс церковной археологии, который начальство не приняло. В 1871 г. оканчивает со степенью кандидата юридических наук³ Демидовский юридический лицей в Ярославле. В 1875—1876 гг. работает аудитором⁴ в 5-м Киевском Гренадерском полку, откуда увольняется, поскольку уже тогда у него проявляются интересы к археологии, иконографии, палеографии, этнографии. В 1876—1880 гг. он выступает как ученый-русист широкого профиля. За первую статью «О деревянных старинных храмах Весьегонского уезда и некоторых при них достопримечательностях, также курганах и насыпях по Весьегонскому уезду Тверской губернии»⁵ удостоивается звания члена-сотрудника Российского Археологического общества⁶. В том же году А. Н. Виноградов публикует первую иконографическую работу «Сравнительное описание и краткое объяснение иконы Приснодевы Богородицы Неопалимая Купины» («Опыт сравнительного описания и объяснения некоторых символических икон древнерусского искусства» в другой редакции)⁷. В 1879 г. выходит другой его иконографический труд «Родословное древо» по памяткам христианской иконографии⁸. В 1878 г. А. Н. Виноградов познакомился с рукописной коллекцией музея князя П. А. Путятина — владельца с. Бологое, и выпускает свое единственное палеографическое исследование «Палеографическая коллекция князя П. А. Путятина»⁹. В 1877 г. за рукописный сборник русских и карельских народных песен Весьегонского уезда (60 песен) А. Н. Виноградова избирают членом Географического общества¹⁰. Научные занятия А. Н. Виноградов сочетал с учебой в Археологическом институте (1876—1880 гг.). К этому времени он сформулировал свое научное кредо: «Археология для меня... немислима без истории искусства, религии,

литературы, нравов и обычаев не одного народа Русского, но в связи и сравнении с культурою и цивилизацией других народов»¹¹.

А. Н. Виноградов — один из первых русских ученых, выступивших в защиту родной старины. Его предложения о спасении русских деревянных храмов, разрушение которых «грустная для науки потеря и невозвратная»¹², звучат актуально и теперь.

В 1879—1880 гг. А. Н. Виноградов занимается с работами по китайской и иранской уранографии. Отсюда решение заняться ориенталистикой, прежде всего для понимания «культурного развития русского народа в связи с восточными»¹³.

В мае 1880 г. А. Н. Виноградов принимает постриг и имя — Алексей. Синод назначает его на иеромонашескую должность в Пекинскую Духовную Миссию¹⁴.

Время первой миссии (1881—1887) — самое плодотворное для Алексея. Была собрана сорокапудовая коллекция — рукописи, книги, предметы искусства. В 1886 г. он публикует первую синологическую работу «Труды западных христианских миссий в Китае» («Исторический очерк западных христианских миссий в Китае»). Ее цель — подготовка русских миссионеров с учетом опыта католических проповедников в Китае.

В 1887 г. по состоянию здоровья Алексей возвращается в Россию. В 1888—1895 гг. он издает крупнейшие китаеведческие исследования, среди которых особое место занимает миссионерский отчет «История Библии на Востоке», т. 1 — студия энциклопедического характера, целиком посвященная Китаю, к сожалению, с незаконченным приложением. Не хватало средств. В это же время вышли: «Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской Духовной и Дипломатической миссии в г. Пекине или Бэйцзине (в Китае)» с приложением каталога (названия книг приведены в иероглифическом написании, в русской транскрипции и переводе), «Миссионерские диалоги М. Риччи с Китайским ученым о Христианстве и язычестве с обзором Китайско-Церковной, Римско-Католической Литературы с XVI по XVII ст.» — ценный богословский трактат и библиографический справочник, «Древне-патриархальные династии царей Ассуро-Вавилонии и Персии, Китае, а также у Евреев и Магометан». Кроме того, Алексей публикует гигантский компендиум по истории Библии, ее текстов и их критики — «История Английско-Американской Библии» в трех томах. Он завершает исследования церковной архитектуры и печатает обобщающую работу «О церковных памятниках древнерусского зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII в.»¹⁵. Два его труда, «Китайско-русские разговоры на Северном Пекинском наречии» и «Очерки Китайских памятников архитектуры», не вышли из-за отсутствия средств для их публикации.

В Петербурге Алексей подарил ряд ценных вещей из привезенной им коллекции Академии художеств и был избран ее вольным общником¹⁶. Звания академика он, как копиист, не удостоился. За свои ученые труды Алексей получает царскую благодарность и награду — наперсный Кабинетский крест Его величества. Ученого монаха приняла вдовствующая императрица¹⁷.

В 1895 г. Алексей с целью получения новых синологических материалов вторично отправляется в Китай, где вновь приступает к миссионерской деятельности. В 1897 г. тяжелая болезнь навсегда прервала его карьеру. В 1900 г. по решению Св. Синода Алексей в качестве пенсионера определяется в Оптинскую Введенскую Козельскую пустынь¹⁸. Среди монахов и епархиального начальства бывший миссионер приобрел репутацию душевнобольного, воображавшего себя великим ученым и художником. Этому способствовала и безответная любовь пожилого иеромонаха к молоденькой девушке. Решив жениться, Алексей подал прошение о снятии духовного сана, подписавшись «Бывший иеромонах Александр Николаевич Виноградов». Св. Синод, учитывая состояние и одиночество Алексея, ему отказал¹⁹.

Несмотря на все несчастья, изоляцию и отношение окружающих, Алексей много и плодотворно работал, прежде всего как ориенталист. Он продолжал трудиться над своим миссионерским отчетом «История Библии на Востоке» и всем, что было с ней связано, занимался переводами, создавал учебные пособия, словари, писал по вопросам лексикографии, грамматики, фонетики, а также обратился к проблемам уранографии и подготовил оригинальные исследования в этой области.

По мнению Н. И. Конрада, хорошо знакомого с научным наследием Алексея, оптинский синолог, во многом опиравшийся на публикации своих европейских предшественников, творчески перерабатывал книги и статьи предшественников, создавая оригинальные произведения²⁰.

Касаясь первой группы китаеведческих сочинений Алексея данного периода, остановимся прежде всего на Продолжении приложения к т. 1 «Истории Библии на Востоке»²¹. Оно состоит из двух авторских предисловий и 23 артиклей (статей) — 152 рукописных листа. Сохранилось 11 артиклей (VIII—XV, XXI, XXII, XXX). Некоторые артикли (IX—X, XII—XIII, XIV—XV) сдвоены. Ниже приводим названия артиклей:

Артикуль VIII — «Да-Цин Лю-Ли — законы и постановления Да-Цинской династии Китайского государства — отрывки гл. 91, инспекция земли, гл. 75 о семействах и лицах, гл. 114 о незаконном супружестве; о случаях по наследству.

Артикуль IX — «Цзин-цзе или записка об изучении классических книг, «цзинов» и разности, замечания в них по сравнению с прошлым».

Артикуль X — «Рассуждения Ван-Ань-Ши (1021—1086 гг. до Р. Х.) Китайского мудреца-реформатора о чтении

книг, содержащих учения против Конфуцзы и принятому канону».

Артикль XI — «Правила Вэнь-вана касательно воспитания и образования благородного юношества, извлеченные из «лицзи-цзин» кн. V под титулом «Вэнь-ван ши-цзы», т. е. князь Вэнь как сын и наставник Китайского престола».

Артикль XII — «Описание императорских училищ и других, их названия и виды (перевод с китайского изданного мемуара)».

Артикль XIII — «Сюо-цзи» или заметки о предмете воспитания, метода обучения и занятия в Высшей школе, Тхай-сюэ».

Артикль XIV — «О китайских сочинениях на экзаменах као».

Артикль XV — «Цюй-син, т. е. путь ученого или его нравственное поведение и следование неизменным принципам и правилам в жизни и внешние знаки его, отличающие от других людей».

Артикль XXI — «Мемориала И-Жуна: о торжественном перенесении изображения Китайского Императора Даогуана, его именной таблицы и других вещей из г. Пекина в г. Мукдэн (в Маньчжурии) 26 ноября 1868 г.».

Артикль XXII — «Историко-этнографический обзор народов, населяющих Центральную Азию за время тысячелетия по Р. Х., со включением современного и древнего Китая и стран, к нему прилегающих; составлен по Клапроту на основании Китайской истории».

Артикль XXX — «О родстве и соотношении древних языков — Китайского и Еврейского».

Кроме XVI артикля, текст которого является авторским переводом китайских источников «Цзябао» и «Лэй шу», остальные артикли полностью или частично основаны на переводах Д. Легга, М. Мюллера, Д. Эдкинса и др. Текст артиклей свидетельствует об интересе их автора прежде всего к правведению, воспитанию и семейным отношениям.

К 1913 г. Алексей завершил II том своего миссионерского отчета: «История святой Библии на Востоке, ея переводы, ревизии, издания на разных языках, диалектах и письменах народов Азии и Африки (в Китае, Японии, Корее, Турции, Абиссинии, Армении, Грузии, Персии и других странах)» в пяти книгах и двух частях²². Создавая такой уникальный труд, Алексей хотел представить читателям «цельную филологическую картину и синологическую в особенности, этого рода переводов слова Божия у китайцев, монголов, маньчжуров, тибетян, корейцев, японцев, у персов, турок, арабов, абиссинцев, армян, грузин, в Бурме, Аннали, Сяли и др.»²³. Эту работу Алексей считал своей самой главной и существенной студией по востоковедению²⁴. По его собственному признанию, она носила в основном китаеведческий характер²⁵. Вопросам переводов Библии на другие восточные языки посвящался третий том миссионерского отчета, получерновые наброски которого видел Н. И. Конрад²⁶.

Наряду с созданием гигантского свода по китаеведению Алексей, как уже говорилось, занимался переводом. Особенность Алексея-переводчика в том, что он одновременно выступал как комментатор, составитель иероглифического указателя и художник-оформитель собственного перевода. Такой перевод превращался фактически в самостоятельный научный труд. Примером такого подхода к переводу является «Шэньюй, священный эдикт, или наставление трех императоров: Шунь-чжи, Канси, Юн-чжэна, в XVI изречениях и пространным изложении для публичного преподавания китайскому народу. По французскому переводу китайского текста с примечаниями бывш. профессора колледжа Тун-вэнь-гуань в г. Пекине г. Феофила Пири» (360 рукописных страниц). К самому переводу Ф. Пири Алексей добавил изданный в 1879 г. иллюстрированный комментарий на английском языке «Шэн-юй сян-шай». Все картины и иероглифы он перерисовал, а также составил индекс китайских слов в русской и английской транскрипции (10 тыс. знаков)²⁷.

К третьей группе китаеведческих работ Алексея относится прежде всего полностью подготовленный к печати Молитвослов (1913 г.). Он предназначался как для священников, желавших совершать службу на китайском языке, так и для китайских христиан. Книга состоит из двух частей. В первой содержатся главные молитвы. Во второй — извлечения из Вечерни, Утрени и Литургии. Иероглифическому тексту давалась русская фонетическая транскрипция и буквальный перевод, а также славянский текст каждой молитвы²⁸.

Из созданных Алексием словарей особое место занимает трехтомный «Китайский тонический словарь, расположенный по XII финалям Юнь-Му и XX инициалам Цзы-Му с пятью ударениями». Цель этой работы — всестороннее использование словаря Канси в русском китаеведении. I том данной студии, основанный на переработке «Уфан юаньинь», Алексей считал его фонетическим дополнением к словарю Канси. Во II томе обобщены суждения крупнейших европейских ученых о ключевой системе китайских иероглифов в соответствии с материалами указанного словаря. В незаконченном III томе рассматриваются фонетические части иероглифов и ставится задача максимального овладения словарем Канси²⁹.

Наряду с этим фолиантом Алексей составил «Китайско-русский словарь по Каллери» и «Справочный синологический словарь (пропедевтика для изучения китайского языка), содержащий в себе критико-библиографический обзор или пропедевтику для изучения китайского языка по исследованиям о нем европейских и русских ученых, расположенный в алфавитном порядке с указанием на лучшие китайские сочинения и издания» (600 страниц рукописного текста)³⁰.

Среди грамматических работ Алексея Н. И. Конрад считает самой значительной законченную к 1914 г. «Грамматику китай-

ского языка». Основанная на трудах европейских ученых, она была полностью, как обычно у Алексея, переработана и дополнена примечаниями и приложениями. Писал он и статьи на грамматические темы: «Порядковый определитель числительных китайских знаков по Грамматике китайской Иакинфа», «Энциклопедические категории из словаря Тун-Чжи и у Пещурова», 1915 г., «Классификатор китайских порядковых имен по Ятесу с русским переводом, с китайского и английского; имена числительные» (44 знака), «Китайский спецификатор по Вагеру» (26 знаков), «Китайские имена существительные, прилагательные и глаголы (по Вигеру)», «Дополнения к оным об именах и грамматики Перни», «Виды глаголов, их разные классы и спряжения; глагольные идиотизмы и клише (по Вигеру)», «Грамматические заметки Куврера с дополнениями из Вигера». Все эти рукописи (196 страниц) Алексей подготовил к печати³¹.

Четвертая группа работ Алексея, относящаяся к уранографии, представлена двумя трудами. Первый — посвященный Императорской Академии наук «Сравнительно-историческая уранография народов Востока. По Шлегелю, Дююи, Шамполиону, Шильбруку, с описанием буддийско-китайских сюжетов. Обозреваются небесные сферы: Китайская, Арабо-Персидская, Аль-Суфи, Египетская». Второй — «Главнейшие иконографические и пластические типы в религии народов Востока, в связи с астрономическими и мифологическими понятиями о Божестве, их значение в христианском искусстве» (1910)³². Это последнее востоковедческое сочинение Алексея тесно связано с его иконографическими статьями русистского периода.

В Оптиной пустыни Алексей занимался не только китайстикой. Не прекратились его занятия церковной архитектурой, на этот раз византийской. В 1907 г. Алексей перевел с французского посвященную данному вопросу работу и скопировал приложенные к ней чертежи³³. Он продолжал интересоваться археологией и собрал интересный материал у «Бойни» — места, где в 1238 г. козельчане сражались с войсками Бату-хана. Отсюда его мысль о создании в Козельске монумента, проект которого Алексей подготовил³⁴. В то же время у него появилась идея о новом исследовании «О монголо-тюркских государствах Восточной Европы»³⁵.

В то же время Алексей выдвигал предложения просветительского характера: об учреждении в Академии художеств восточного уголка, аналогичного венскому, о посылке русских художников в Китай, о создании под покровительством Академии художеств художественных школ в России³⁶.

В оптинский период Алексей много рисовал, украшая своими картинами трапезную и монастырскую церковь и к 300-летию дома Романовых оформил две галереи — восточных памятников (10 копий), князей и царей российских, а также духовных лиц (30 копий).

Его коллекция, которую Алексей пытался спасти, весила 200 пудов и умещалась на 17 телегах.

Ни одна работа Алексея во время его пребывания в монастыре не была напечатана, ни одно предложение не принято. Просьбы о спасении редчайшей коллекции отвергнуты.

В марте 1919 г. одинокий и всеми забытый ученый умер от голода. Могила его не сохранилась.

Ныне все сохранившиеся в Оптинском музее рукописи, а возможно, и картины Алексея находятся в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и еще не описаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Английско-Американской Библии, ч. II. С. 1—11, СПб, 1890—1891.

² Чигринский М. Ф. О рукописном наследии А. Н. Виноградова из Оптиной пустыни. Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. III, М. 1986. С. 166; Личный архив О. П. Петровой, папка Н. И. Конрада. С. 1—19.

³ Низшая научная степень. Не имеет современного аналога.

⁴ Наблюдатель за производством военно-судебных дел.

⁵ Виноградов А. Н. Краткие сведения о деревянных старинных храмах и некоторых при них достопримечательностях, также курганах и насыпях по Весьегонскому уезду Тверской губернии.—«Известия ИРАО», т. IX, вып. 1. С. 71—93.

⁶ Член-сотрудник мог участвовать в заседаниях Археологического общества.

⁷ Виноградов А. Н. Сравнительное описание и краткое объяснение иконы Приснодевы Богородицы Неопалимые Купины.—«Известия ИРАО» т. IX, вып. 1. СПб. 1877. С. 1—70.

⁸ Виноградов А. Н. «Родословное древо» по памятникам христианской иконографии, 23 окт. 1879 г.—«Сборник археологического института», кн. 3, отд. 2, 1879. С. 65—72.

⁹ Виноградов А. Н. «Палеографическая коллекция князя П. А. Путятина.—«Памятники древней письменности», т. 1, 1878—1879. С. 214—229.

¹⁰ Архив Г. О. р. 41, оп. 1, лл. 1—104.

¹¹ ГИАЛ, ф. 119, оп. 1, д. 2, л. 17.

¹² Архив ЛОИА, ф. 3, оп. 3, д. 109, л. 28.

¹³ ОРИРК ГПБ, ф. 120, ед. хр. 478, лл. 8—9.

¹⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 168, д. 2235, л. 6, ф. 791, д. 2415, л. 5.

¹⁵ Виноградов (Иеромонах Алексей). Труды западных христианских миссий в Китае.—«Православный собеседник Казанской Духовной Академии», сентябрь 1886. С. 43—64; октябрь 1886. С. 189—206; Виноградов (Алексий). История Библии на Востоке, т. 1, СПб., 1889—1895; Виноградов (Алексий). Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Духовной и Дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй Цзине (в Китае). СПб, 1889; Виноградов (Алексий). Миссионерские диалоги М. Риччи с китайским ученым о христианстве и языке. Обзор китайско-церковной, римско-католической литературы с XVI по XVIII ст. СПб, 1889; Виноградов (Алексий). Древне-патриархальные династии царей в Ассуро-Вавилонии и Персии, Китае, у Евреев и Магометан или Патриархально-династическая хронология и теория, основанная на исторических памятниках по новейшим открытиям и выводам науки. СПб. 1895; Виноградов (Алексий). История

Английско-Американской Библии. Ч. I, ч. II, ч. III особенная. СПб, 1889—1891; Виноградов А. Н. Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII в. (с 36 таблицами чертежей). СПб, 1892.

¹⁶ Звание Почетного Вольного общника утверждено в 1764 г. До 1893 г. его удостаивались художники и лица, имевшие заслуги в области искусств.

¹⁷ «Правительственный вестник» № 166, 31/VII, 1893; «Церковные ведомости» № 32, 7/VIII, 1893; ЦГИА, ф. 796, оп. 176, д. 3547, лл. 11—12.

¹⁸ ЦГИА, ф. 196, оп. 176, д. 3547, лл. 15, 27, 55—56.

¹⁹ ЦГИА, ф. 196, оп. 185, д. 646, лл. 8, 24—25; Государственный архив Калужской области, ф. 32, оп. 2, ед. хр. 1565, лл. 140—142.

^{20—32} Личный архив О. П. Петровой, папка Н. И. Конрада, лл. 11, 13 и далее.

³³ ЦГИА, ф. 789, оп. 162, д. 159, лл. 125—137.

³⁴ Там же, лл. 79, 199—205.

³⁵ Там же, лл. 206—226.

³⁶ Там же, лл. 108, 138—139.

А. Н. Хохлов

СТАЖЕРЫ И СТИПЕНДИАТЫ ПРИ ПЕКИНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

Потребности развивающейся торговли с цинским Китаем через Кяхту, являвшуюся главным пограничным пунктом обмена российских товаров на китайские, привозимые сюда из Калгана — с юга страны, побудили русское правительство в середине 50-х гг. XIX в. принять комплекс мер по ее стимулированию. В 1854 г. было разрешено отпускать китайской стороне за чай серебряные изделия, но при условии, что их стоимость не будет превышать $\frac{1}{3}$ стоимости вывозимых мануфактурных и $\frac{1}{2}$ стоимости пушных товаров. В 1855 г. правительство разрешило частичную торговлю на деньги при сохранении прежнего натурального товарообмена. В 1856 г. к торговым операциям в Кяхте были допущены купцы 2-й гильдии, главным образом сибиряки¹, что способствовало наряду с другими мерами их дальнейшему расширению.

В этих условиях потребность в переводчиках китайского языка, подготовкой которых занималось кяхтинское училище, стала еще более ощутимой. Эпизодический характер общения воспитанников училища с китайскими купцами в периоды расторжки товаров, ограниченный эффект языковой практики из-за того, что большая часть торговцев говорила на шаньсийском диалекте, а не на пекинском, а также расширяющиеся личные контакты с представителями цинской администрации, состояв-

шей чаще всего из маньчжуров и реже из монголов, побуждали кяхтинское пограничное начальство изыскивать меры для улучшения практической подготовки будущих переводчиков путем послышки их в Пекин. По инициативе пограничного комиссара А. И. Деспот-Зеновича в июле 1858 г. с новым составом Духовной Миссии (в сопровождении П. Н. Перовского) отправились из Кяхты в Пекин двое подростков. Как видно из письма архим. Гурия от 11 августа 1858 г. из Урги на имя кяхтинского пограничного комиссара, один из них — бурят по имени Буда — в пути почувствовал недомогание и даже была мысль отправить его обратно². Однако этого не случилось, и оба подростка благополучно прибыли в цинскую столицу.

О их занятиях восточными языками по приезде в Пекин архим. Гурий сообщил А. И. Деспоту-Зеновичу. В письме от 15 октября, в частности, говорилось: «Буда... начинает заниматься маньчжурским яз... Иван тоже занимается (читает и пишет) по-китайски. Мальчик очень понятливый и что особенно важно — не ленив, донимает меня своими расспросами»³. Через несколько месяцев — после ратификации Тяньцзиньского русско-китайского договора 1858 г. — в ходе переговоров П. Н. Перовского с цинскими сановниками, члены старой миссии во главе с П. И. Кафаровым стали готовиться к отъезду. Воспользовавшись этим, архим. Гурий отправил с ним для кяхтинского пограничного комиссара, помимо нескольких кусков тканей, письмо, в котором, в частности, говорилось: «Иван возвращается в Россию, к величайшему моему сожалению. Оч(ень) хороший, усердный, послушный мальчик. Здесь все занимался (чтением и письмом) по-китайски, по-русски и даже по-маньчжурски... Буда тоже занимался маньчжурским языком и, конечно, успел в нем, насколько позволили ему обстоятельства»⁴.

Удачный опыт воодушевил А. И. Деспота-Зеновича, ставшего в апреле 1859 г. кяхтинским градоначальником. Приняв деятельное участие в отправке российского уполномоченного Н. П. Игнатьева из Кяхты в Пекин для ведения переговоров с цинским правительством, он затем решил отправить к нему в качестве курьера и сопровождающего лица одного бурята для изучения на месте маньчжурского языка. Сообщая о возвращении в Кяхту П. Н. Перовского с членами старой духовной миссии, А. И. Деспот-Зенович поделился своим планом с Игнатьевым в письме от 18 августа из Троицкосавска. «10-го сентября, — сообщал он, — я отправляю к Вам Буду Хутуктуева курьером, который и останется при Вас и вместе с тем будет изучать маньчжурский язык. Он бойкий и умный человек, который Вам будет очень полезен. Батумункуева же, если Вам угодно, можете отослать назад, курьером, с двумя казаками...»⁵.

В апреле 1860 г. Деспот-Зенович обратился к Н. П. Игнатьеву с просьбой выяснить вопрос о возможности приема в Пекине двух воспитанников Кяхтинского училища с целью усовершен-

ствования знаний в китайском языке. «Нельзя ли было бы, — спрашивал он, — дозволить хоть двум мальчикам, кончившим курс в здешнем китайском училище, отправиться в Пекин для изучения китайского языка? Я сам бы сделал выбор наиболее способных и приискал бы средства для их содержания. Буду ожидать от Вас серьезного на этот счет ответа... У нас совершенный недостаток в людях, знающих этот язык»⁶.

Российский дипломат с интересом отнесся к этому предложению. В ответном письме от 13 мая 1860 г. из Пекина Н. П. Игнатъев сообщал: «Совершенно одобряю Ваше намерение послать в Пекин 2-х мальчиков для изучения китайского языка. Мера эта принесла бы впоследствии несомненную пользу. Я полагаю возможным устроить дело в течение нынешнего лета. Для пребывания 2-х мальчиков в духовной миссии не будет препятствий. О. архимандрит разделяет мое мнение. Остается переговорить с китайским правительством»⁷.

Сложный ход политических событий, связанных с англо-франко-китайской войной, помешал реализации не только этого плана. После того как переговоры Игнатъева с цинскими сановниками зашли в тупик — под влиянием роста воинственных настроений, порожденных победой цинских войск над англо-французской эскадрой в июне 1859 г. при обороне форта Дагу, — российскому дипломату не оставалось ничего другого, как, выехав из Пекина в Шанхай, ожидать развязки военного конфликта. Когда же военно-морские силы союзников, овладев в конце июля 1860 г. фортами Дагу, захватили Тяньцзинь и приблизились к цинской столице, Игнатъев, следовавший в арьергарде союзных англо-французских войск, направился в Пекин, где цинские сановники обратились к нему с просьбой о помощи. Благодаря посреднической миссии российского дипломата военные действия были прекращены, после чего последовали переговоры, завершившиеся подписанием цинской стороной 24 и 25 октября 1860 г. договоров с Англией и Францией. Позднее, 14(2) ноября великий князь Гун (Исин) подписал с Игнатъевым договор, который не только подтвердил условия Айгуньского договора (16 мая 1858 г.), но и окончательно закрепил за Россией Уссурийский край⁸.

Пекинский договор, восстановив право российских подданных посылать торговые караваны в цинскую столицу, открыл новые перспективы для дальнейшего развития русско-китайской торговли. Придавая важное значение ее организации в пределах Китая, архим. Гурий в письме от 4 декабря 1860 г. тесно увязывал решение этой проблемы с подготовкой российских переводчиков, необходимых для заключения различных сделок с местными купцами. «Прошу Вас, — писал он Деспоту-Зеновичу, — принять на себя труд растолковать кяхтинскому купечеству, как для них было бы полезно в настоящее время иметь постоянного агента в Пекине, а для будущего времени приготовить людей, которые

переводили бы с китайского на русский и обратно, то есть переводчиков при торговых сделках. Я полагаю, что гг. старшины (кяхтинского купечества. — А. Х.) сделают очень хорошо, если выберут какое-либо благонадежное... лицо, придадут ему 2—3-х мальчиков (из возрастных) и отправят их сюда. Мальчики будут учиться и готовиться быть переводчиками, а то лицо — надзирать за ходом их занятий... а главное — следить за внутренней и иностранной торговлей Китая и сообщать купечеству все интересное по этой части»⁹.

В другом письме от 5 января 1861 г. архим. Гурий делился с Деспотом-Зеновичем конкретными соображениями относительно организации в будущем в Пекине школы-«училища» и касался набора учащихся и учителей, изучаемых предметов, срока обучения и «производственной» практики. «По-моему мнению, — отмечал он, — сюда должны быть присылаемы уже подготовленные и, следовательно, не слишком молодые люди, лет с 12 до 16-ти. Сюда посылать их уже для практического усовершенствования в языке и наглядного приспособления к тому делу, к которому они предназначаются. Они должны уметь легко и правильно написать объявление, счет, приход и расход товаров, письмо, жалобу и тому подобные бумаги (контракт, накладную и пр.). Для этой цели русская и китайская словесность может быть передана не в широких размерах. Равным образом история, география, арифметика должны быть рассказаны в очерках, больше практически... так, чтобы молодой человек, считая что-либо, мог правильно и скоро сосчитать, а... слушая разговор людей образованных, мог с понятием следить за ходом речи. Такая цель в 4 года может быть достигнута удовлетворительно. Время классных занятий не должно быть слишком продолжительным. Китайская и русская словесность по 1½ часа, прочие предметы по часу... Молодые эти люди при всяком удобном случае должны посещать здешние магазины и лавки, знакомиться с ходом и предметами торговли, вслушиваться (в) говор и оттенки произношения...». «Учебники и ученые пособия русские, — писал архим. Гурий, — должны быть доставлены из России. Для занятий языком надо пригласить хорошо образованного китайца, он будет заниматься с учениками ежедневно до 12 часов (дня). В помощь ему пригласить одного репетитора, который будет вместе и гувернер, и будет день и ночь неотлучно при учениках и всюду им сопутствовать, помогать им повторять уроки, а главное — постоянно говорить по-китайски»¹⁰.

Все увиденное и услышанное в торговых заведениях, по мнению архим. Гурия, ученики должны были фиксировать в особом журнале и эти сведения сообщать старшинам кяхтинского купечества. Касаясь оплаты труда преподавателей, архим. Гурий предлагал ориентироваться на почасовую нагрузку. «Плата учителю, — указывал он, — должна быть не менее 10 лан серебром в месяц, а с подарками — в год около 300 руб. сер. Репе-

титору — тоже и с содержанием. Преподавателю русского языка, истории, географии и пр., по моему мнению, можно положить по 100 руб. сер. за годовой час, т. е. если по Вашему расписанию будет в неделю, например, на географию 5 часов, то учитель географии получит в год 500 руб. сер. и пр. ... Так как купцы будут постоянно жить в Пекине, то они могут сами легко определить, много или мало назначают на этот предмет»¹¹.

Предлагая кяхтинскому градоначальнику снести по данному вопросу (хотя бы через Н. П. Игнатьева) с министерством иностранных дел, которое могло бы принять участие в расходах на будущую школу, архим. Гурий не исключал того, что ведомственная переписка может затянуться на неопределенное время и в результате не дать нужного и скорого эффекта. Поэтому ему представлялась более реальной — в качестве первоочередной и временной меры — присылка в Пекин в ближайшее время по меньшей мере двух учеников. «С училищем, — подчеркивал он, — Вам долго не устроиться: одна переписка потребует значительного времени. Не найдете ли Вы полезным пока прислать мне двух мальчиков из кяхтинского училища, которые бы, числясь при мне прислугою, занимались китайским языком и таким образом исподволь, но верно и непродолжительно готовились бы на службу купечеству. Это потребует и расхода меньше»¹².

22 февраля 1861 г. в помещении кяхтинского училища китайского языка в 11 час. утра состоялся отбор наиболее способных учеников для отправки в Пекин с целью усовершенствования полученных знаний. 11 марта четверо из них (Михаил Шевелев, Петр Шеркунов, Феодосий Черепанов и Михаил Андропов) отправились из Кяхты к месту назначения с первым караваном российских купцов, возглавляемых Иваном Нерпиным. За этой группой учеников вскоре последовали двое других, посланных с караваном, направлявшимся в сторону цинской столицы. О их предстоящей отправке А. И. Деспот-Зенович сообщил М. С. Корсакову в приписке к письму от 19 марта 1862 г. из Троицкосавска. В ней говорилось: «С караваном, который пойдет внутрь Китая 25 марта, я отправляю еще 2-х способных мальчиков для изучения китайского и английского языков. Летом будет отправлен 3-й мальчик, прямо в Шанхай для изучения тех же языков и, кроме того, конторских английских дел»¹³.

Первые известия о посланных в Пекин питомцах кяхтинского училища были получены с письмом Ивана Нерпина, который 15 мая 1861 г. сообщал, в частности, следующее из Пекина: «Ученики наши, по совету о архим. Гурия, будут помещены в Северном подворье и учиться в одной комнате с 4-мя мальчиками-албазинцами, обучающимися русскому языку. Китайскому языку будет учить их албазинец же, под непосредственным надзором иеромонаха Исаии. Программа учения их еще

не составлена и теперь исправляется для них помещение; во всяком случае я постараюсь, чтобы мальчики наши принялись за свое дело»¹⁴.

Обнадеживающие успехи посланных в цинскую столицу учеников помогли кяхтинскому градоначальнику стоически выдержать серьезный удар судьбы — смерть К. Г. Крымского (11 октября 1861 г.), с которым он постоянно общался в течение почти 10 лет, и последовавшее за этим закрытие училища китайского языка в Кяхте. Уведомляя Н. П. Игнатьева о смерти этого трудолюбивого востоковеда и усматривая в этом не только большую личную потерю, «потому что в Сибири нет ни одного переводчика, который мог бы заменить этого человека», А. И. Деспот-Зенович 18 ноября 1861 г. сообщал из Трищковска о своем намерении в скором времени представить «свои соображения о том, чтобы ввести преподавание монгольского языка в здешнем уездном училище, а обучение китайскому и маньчжурскому языкам сосредоточить в Пекине»¹⁵. Эту же мысль он высказал в письме от 2 декабря 1861 г. к М. С. Корсакову. Признавая заслуги К. Г. Крымского в преподавании восточных языков, А. И. Деспот-Зенович высказывал и критические замечания, касающиеся подготовки переводческих кадров. Считая главным недостатком преимущественно теоретическое изучение китайского языка, препятствующее, по его мнению, активному использованию выпускников училища на дипломатическом поприще или в сфере торговли, он доказывал важность овладения им для практических нужд. «Из того же училища, как Вам известно, — отмечал он, — отправлено было... несколько мальчиков в Пекин. В семь месяцев они достигли значительных успехов. Один из них находился при агенте Нерпина, и по отзыву его во время переговоров с китайцами не было никаких затруднений. Этот ученик находился и при караване, со времени отправки его из Тяньцзиня. Ясно, что одно теоретическое изучение языка, без практики, не может быть успешно... Тем более сказанное условие — есть непререкаемое при изучении китайского языка, потому что в этом случае важное значение имеет непосредственное знакомство с обычаями и нравами народа и вообще с тою средою, в которой этот язык есть господствующий. Вот почему я полагаю училище закрыть совершенно, а изучение китайского языка сосредоточить в Пекине... Для изучения же языка — посылать в Пекин людей, получивших достаточное образование, дабы они могли посвятить себя исключительно изучению этого языка. Осуществление этого предположения принесло бы действительную пользу. Об нем я буду иметь честь представить Вам официально. Здесь же я передаю о нем вкратце, дабы Вы изволили видеть, что назначение г. Асламова, вместо Крымского, не принесло бы, по моему мнению, пользы и не соответствовало бы изменившимся требованиям торговли и правительства...»¹⁶.

26 августа 1862 г. кяхтинский градоначальник направил М. С. Корсакову «Записку о мерах образования переводчиков китайского и маньчжурского языков». В ней предполагалось продолжить обучение китайскому языку в Кяхте в особом училище и открыть школу для его выпускников в Пекине. Срок обучения в училище определялся одним годом, а в Пекине — тремя¹⁷. В другой докладной записке о мерах сближения с Монголией (в связи с подписанием 20 февраля 1862 г. в Пекине дополнительных правил русско-китайской сухопутной торговли) Деспот-Зенович по-прежнему энергично отстаивал идею основательной подготовки переводчиков китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков, при этом ссылаясь на то, что еще прежде (до записки, составленной 26 августа 1862 г.) «помещено было мнение по этому вопросу во всеподданнейшем отчете государю-императору и Его Величеством обращено на это внимание г. министра иностранных дел и г. управляющего министерством народного просвещения». «Развитие дипломатических и коммерческих сношений со Среднею Азиею и Китаем, — подчеркивал он, — возможно лишь в том случае, если мы будем иметь постоянно достаточное число переводчиков китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков. Для этого полезно приготавливать молодых людей в Кяхте и для доставления им возможности изучать эти языки основательно — учредить особую школу в Пекине»¹⁸.

Пока дело о создании школы переводчиков при Пекинской Духовной Миссии рассматривалось в различных правительственных инстанциях, обрастая, словно снежный ком, ведомственной перепиской, в цинскую столицу время от времени из Кяхты прибывали новые ученики. Обучением их занимался иеромонах Исаия (Поликин), подготовивший для своих питомцев ряд учебных пособий. Среди них русско-китайский словарь типа добротного разговорника. Касаясь появления его в Пекине, российский посланник А. Е. Влангали 1 марта 1868 г. писал в Петербург П. Н. Стремоухову: «Член здешней духовной миссии иеромонах Исаия составил и отпечатал ныне русско-китайский словарь разговорного языка. Книга эта есть первое произведение подобного рода на отечественном языке и может быть очень полезна для приезжающих в Китай русских, не успевших ознакомиться со здешним языком. Она начата была иеромонахом Исаиею и окончена еще в то время, как Пекинская духовная миссия состояла в ведении МИД»¹⁹.

О другом труде о. Исаии П. Н. Стремоухов узнал из донесения поверенного в делах Е. К. Бюцова, который 4 января 1870 г. сообщал об издании им краткой грамматики китайского языка — в дополнение к составленному ранее китайско-русскому словарю²⁰.

Судя по всему, желание составить китайско-русский словарь, предназначенный для развития навыков устного общения, воз-

никло у иеромонаха Исаии в 1865 г., во время следования через Кяхту²¹ и Иркутск в европейскую часть России. Тогда ему довелось познакомиться с рукописью аналогичного словаря, составленного Ин. Диановым, служившим переводчиком в Восточной Сибири²². О знакомстве с этой рукописью, сохранившейся до наших дней, свидетельствуют многочисленные дополнения в словаре, сделанные рукой Поликина.

Среди переводов китайских оригинальных сочинений, выполненных этим ученым-миссионером, можно упомянуть «Дорожник китайского чиновника Юй-цай, веденный им во время переезда из Пекина чрез Губэйкоу по Монголии в царствование императора Канси (в 1690 г.)»²³. Подготовкой этой рукописи к печати²⁴ занимался, судя по почерку и примечаниям, В. П. Васильев. Им написана вторая половина работы (стр. 21—42), а также все примечания (в виде 15 сносок к тексту). Заголовок дан В. П. Васильевым, которым оговорена принадлежность перевода иеромонаху Исаие — с указанием места и даты его выполнения (Пекин, 15 октября 1871 г.). После текста перевода, написанного переписчиком на одной половине листа, следует текст в переводе В. П. Васильева, который начинается так: «В губернии Аньхуэй я видел, что для горных полей проводят воду из горных ключей, но так как ключевая вода холодна, то в нее кладут известь. Известь, растворяясь в воде, кипит и своею теплою согревает ее». Примечания — предельно сжаты. Так, против слова «Бэй-ча» (стр. 19) Васильевым написано в виде сноски: «Название горы, считающейся самой высокой в том крае».

Можно полагать, что преподавание китайского языка в Пекинской Духовной Миссии велось на довольно высоком уровне, так как эпизодически присылаемые сюда ученики, по словам Е. К. Бюцова, «в течение двух-трех лет приобретали очень удовлетворительные познания в разговорном и письменном языке». В письме от 24 сентября 1870 г. на имя М. С. Корсакова российский дипломат склонен был даже считать, что таким же образом «могли бы быть подготовлены переводчики для службы в Восточной Сибири, если кто-либо из живущих здесь русских согласился наблюдать за их занятиями». При этом он полагал, что для подготовки хорошего переводчика для официальных сношений требуется гораздо больше времени, чем необходимо для приобретения только навыков в разговорном языке. «Даже после многолетних трудов, — подчеркивал Е. К. Бюцов, — иностранец редко доходит до того, что он в состоянии вести переписку по-китайски без помощи туземного секретаря; даже самые лучшие драгоманы иностранных миссий в Пекине не могут обходиться без такой помощи»²⁵.

Идея подготовки переводчиков в стенах Пекинской Духовной Миссии, выдвинутая и частично реализованная А. И. Деспотом-Зеновичем на средства кяхтинского купечества, в 80-х гг. была

подхвачена И. Е. Паргачевским, бывшим сельским учителем, нашедшим свое призвание в торгово-предпринимательской деятельности. В качестве доверенного лица Амурской пароходной компании он в 1876 г. совершил выгодную в коммерческом отношении поездку в Шанхай и Ханькоу, доказавшую перспективность морской доставки чая и других китайских товаров на Амур. По самым оптимальным расчетам, эта поездка дала И. Паргачевскому более 30 % прибыли на вложенный капитал²⁶. Поселившись впоследствии в Семипалатинске, он летом 1884 г. приехал в Москву. Остановившись в доме Воейковой (1-го участка Тверской части города), он 9 августа явился в нотариальную контору, чтобы оформить духовное завещание. Назвав в качестве душеприказчиков кяхтинских купцов И. Ф. Токмакова и Н. Г. Сахарова, Паргачевский в своем завещании предложил на проценты, полученные с его капитала, который останется от будущей продажи его имущества, «посылать в Пекин и содержать там при духовной миссии одного или двух воспитанников из окончивших курс учения в одном из средних учебных заведений, гражданских и духовных, Восточной Сибири — для основательного изучения китайского языка, как письменного, так и разговорного, с присовокуплением изучения и других нужных языков азиатских и европейских народов». «Китайский язык, — подчеркивал И. Е. Паргачевский, — я ставлю на первом плане, как считающийся при изучении его более трудным. Для молодых русских людей, посвящающих себя на деловое служение отечеству в пределах Китая или на границах его, я почитаю необходимым и знание других языков, как то: татарского, монгольского и из европейских: английского, французского или немецкого»²⁷.

После смерти И. Е. Паргачевского Симферопольский окружной суд 16 октября 1865 г. уведомил И. Ф. Токмакова (жившего в то время на даче в Ялте) о вступлении его в права распорядителя имущества, оставленного умершим. В соответствии с волей покойного Министерство иностранных дел 26 апреля 1887 г. представило царю доклад с просьбой разрешить Азиатскому департаменту принять деньги, вырученные от продажи имущества И. Е. Паргачевского в сумме 26 тыс. руб. золотом и 35 300 руб. кредитными билетами (в процентных бумагах по номинальной стоимости)²⁸.

Когда Александр III 28 апреля в Гатчине утвердил этот доклад короткой резолюцией: «С-ъ» («Согласен»), желание стать стипендиатами И. Е. Паргачевского изъявили окончившие в 1890 г. Троицкосавское Алексеевское реальное училище Митрофан Громов и Андрей Нефедьев, из которых последний мог объясняться по-китайски с раннего возраста. Будучи сыном кяхтинского купца, женатого на китаянке, он родился в Китае и до 7-летнего возраста говорил только по-китайски²⁹. Однако первым стипендиатом стал учитель сельской школы Н. Н. Доб-

ровидов, уроженец Амурской области, сын дьякона Усть-Уссурийской Петро-Иннокентьевской церкви. Вторым стипендиатом был утвержден В. Г. Григорьев, выпускник Иркутского промышленного механико-технического училища. После обучения в Пекине в течение трех лет первый служил переводчиком в Приамурье³⁰, а второй принят на службу в торговую фирму «Токмаков, Молотков и К^о» в Ханькоу.

Следующей парой стипендиатов стали Николай Паршунов, сын кяхтинского мещанина, и Александр Устюжанинов, сын учителя Троицкосавского Успенского училища. После двухлетнего пребывания в Пекине первый из них, по представлению главы Миссии архим. Амфилохия был отчислен, так как «вследствие своей болезненности не оказал решительно никаких успехов в изучении китайского языка»³¹. Другой стипендиат, выехав из Троицкосавска в Пекин 18 ноября 1894 г., менее чем через год после прибытия на место скончался. В связи со смертью последнего российский посланник П. В. Кассини 20 ноября 1895 г. писал Д. А. Капнисту из Пекина об этой паре стипендиатов, несколько утрируя факты: «Они, по-видимому, смотрели на отпускаемые на их содержание и учение деньги как на доходную статью или пособие оставшимся у них в России родным, заботясь лишь о том, чтобы сократить до минимума расходы на найм, хотя бы для виду, китайских учителей»³².

В последующие годы отбор стипендиатов производился более тщательно. В июле 1896 г. Министерство иностранных дел сообщило Приамурскому генерал-губернатору о согласии отправить в Пекин в качестве стипендиата П. А. Кандинского, выпускника Читинской гимназии, служившего в Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Пройдя курс обучения, он в марте 1899 г. поступил на службу в торговую фирму «Токмаков, Молотков и К^о» в Ханькоу. В октябре 1896 г. Иркутский генерал-губернатор в письме на имя Н. П. Шишкина предложил МИДу направить в Пекин в качестве стипендиата Илария Уфтужанинова, обучавшегося вначале (1887—1892) в Томском реальном училище, а затем (1892—1896) — на специальных курсах Промышленного училища в Иркутске. В декабре того же года российскому поверенному в делах в Пекине было сообщено о зачислении на стипендию им. И. Е. Паргачевского предложенного выше кандидата³³. В связи с тем, что один из будущих стипендиатов Сергей Синцов, окончивший в 1897 г. Иркутское промышленное училище, не дождавшись окончательного решения вопроса об отправке в Пекин, поступил на службу в г. Николаевск с обязательством отслужить три года, его место занял Константин Пискунов, который должен был отправиться к месту назначения в сентябре 1899 г. вместе с Н. И. Гомбоевым, начальником почтовой конторы в Пекине³⁴. Примерно в это же время Министерство иностранных дел сообщило в цинскую столицу о назначении стипендиатом кяхтинского мещанина

Н. И. Осипова, прошедшего полный курс обучения в Троицко-савском реальном училище³⁵.

Присутствие светских лиц в Пекинской Духовной Миссии, все более приобретающей черты миссионерского учреждения, не всегда и не всеми ее членами воспринималось должным образом. Это видно из телеграммы поверенного в делах А. И. Павлова, отправленной из Пекина 20 августа 1898 г. В ней говорилось: «Начальник духовной миссии арх. Иннокентий, уже ранее неоднократно высказывавший взгляд на неудобство содержания стипендиатов Паргачевского в духовной миссии в Пекине с возложением наблюдения за их занятиями на начальника, ныне обратился ко мне письменно, прося содействия в видах освобождения... миссии от возложенной завещателем обязанности... Нельзя не признать, что опыт первых шести лет содержания стипендиатов при духовной миссии очень мало оправдал ожидания. Не только прямая цель завещателя — изучение стипендиатами китайского и иных языков и подготовка их к практической деятельности в Китае не была достигнута в желательной мере, но самое замещение свободных вакансий лицами вполне соответствующими сопряжено было с затруднениями, отчасти именно потому, что подходящих кандидатов часто останавливала перспектива подчинения монастырскому режиму духовной миссии. Нахождение ныне в Пекине постоянного отделения Правления Восточно-Китайской дороги, которое само очень заинтересовано в подготовке людей, обладающих практическими познаниями, для замещения местных переводчиков, агентов и многочисленных иных должностей маньчжурской дороги, наводит меня на мысль желательности и целесообразности помещения стипендиатов Паргачевского именно при этом учреждении с возложением на его директора непосредственного наблюдения и руководства занятиями... Покотиллов, с которым я частно переговорил по этому вопросу, отнесся к настоящему предположению очень сочувственно и одновременно телеграфирует в этом смысле Министерству финансов»³⁶.

Предложение главы Пекинской Духовной Миссии, изложенное в приведенной выше телеграмме, не встретило поддержки в правительственных сферах Петербурга. Позиция Св. Синода нашла отражение в письме К. П. Победоносцева, направленном в МИД 27 ноября 1898 г. В нем обер-прокурор Св. Синода сообщил, что им дано указание начальнику Пекинской Миссии о том, что «стипендиаты Паргачевского должны и впредь помещаемы в духовной миссии и находиться на ее попечении, согласно высочайшему повелению от 28 апреля 1887 г. о принятии завещанного на этот предмет Паргачевским капитала»³⁷.

Этот же вопрос, но в иной плоскости — в связи с возможным устройством в стенах Пекинской Духовной Миссии студентов Восточного института во Владивостоке на время их летней

практики — обсуждал с главой миссии Д. М. Позднеев. С лета 1898 г. он занимался делами Пекинского отделения Русско-Китайского банка, тесно связанного со строительством КВЖД. Сообщая о беседе с главой миссии брату А. М. Позднееву, директору Восточного института, он 16(28) октября 1899 г. писал: «Я имел случай говорить с арх. Иннокентием о том, можно ли будет студентам Восточного института жить в миссии, в случае приезда в Пекин. Он отвечал согласием, но выразил желание, чтобы они во время пребывания там более или менее считались с монастырскими порядками миссии. Я полагаю, что... следует войти с ним в соглашение по этому поводу»³⁸. Считая, что поездки студентов в Пекин могут быть использованы в интересах совершенствования знаний по китайскому языку, А. М. Позднеев 17 февраля (1 марта) 1900 г. писал брату: «Полагаю, что студентам твоим приехать в Пекин будет очень полезно... надзор за ними, конечно, придется иметь мне же, а потому я их прямо засадил бы за Вэйда и заставил бы пройти 40 уроков. Это расширило бы их кругозор после Аренда...»³⁹.

Обучение и стажировка в Пекинской Духовной Миссии позволила некоторым ученикам, в том числе стипендиатам, основательно познакомиться с китайским и маньчжурским языками. Среди них — Н. Н. Добровидов, сумевший реализовать свои знания в китайском языке в виде учебных пособий и книг. Многие воспитанники Пекинской Духовной Миссии своей работой в качестве переводчиков в российских торговых фирмах и других учреждениях способствовали налаживанию деловых связей между Россией, Монголией и Китаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хохлов А. Н. Русско-китайская торговля через Кяхту с 20-х гг. XVIII до середины XIX в.— Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. М., 1984. С. 152.

² ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 52, л. 4.

³ Там же, л. 2.

⁴ ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 52, лл. 10—11.

⁵ ЦГАОР, ф. 730, оп. 1, ед. хр. 2778, л. 1.

⁶ Там же, л. 8.

⁷ ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 53, лл. 7—8.

⁸ См.: Хохлов А. Н. Англо-франко-китайская война (1856—1860) и вопрос о помощи России Китаю.— Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 321—322.

⁹ ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 52, л. 22.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 52, лл. 40—41.

¹¹ Там же, л. 41—42.

¹² ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 52, л. 43.

¹³ ГБЛ, ф. 137, папка 88, ед. хр. 26, лл. 5—6.

¹⁴ ЦГИАМ, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 435.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 730, оп. 1, ед. хр. 2778, л. 59.

¹⁶ ЦГИАМ, ф. 864, д. 24, лл. 979—980.— А. М. Асламов — переводчик маньчжурского языка, знавший и монгольский.

¹⁷ См.: ГАИО, ф. 46 ис, оп. 2, д. 25, лл. 23—29.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 916, оп. 1, д. 37, л. 16.

- ¹⁹ АВПР, ф. Главный архив 1—5, 1823, д. 1, п. 74, л. 517.
- ²⁰ Там же, л. 527.
- ²¹ Выехав из Пекина, иеромонах Исаия в июне 1865 г. был в Троицко-савске. См.: ГАИО, ф. 46 ис, оп. 1, д. 135, л. 45.
- ²² Этот словарь (со вставками о. Исаии) находится в Отделе редкой книги Иркутского государственного университета (№ 380).
- ²³ См.: ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 569, с. 1—42.— Из других рукописей о. Исаии следует упомянуть перевод оды эпохи Тан под названием «Тэн ван гэ» (см.: АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 159). Это дает основание считать устаревшим утверждение П. Е. Скачкова о том, что «рукописи Поликина до нас не дошли». См.: Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 172.
- ²⁴ Иеромонах Исаия (Поликин) умер в Пекине 11 ноября 1871 г. См.: «Китайский благовестник», 1916, вып. 9—12. С. 50.
- ²⁵ ГАИО, ф. 46с, оп. 2, д. 66, л. 6.
- ²⁶ См.: Хохлов А. Н. Российские купцы в Китае 60—80-х гг. XIX в.: трудные будни и редкие праздники.— XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1988. С. 214.
- ²⁷ АВПР, ф. Китайский стол, 1885—1895, д. 155, л. 3.
- ²⁸ Там же, л. 23.
- ²⁹ Там же, л. 50.
- ³⁰ Н. Н. Добровидов — составитель «Спутника по Маньчжурии». Рецензию на 2-е издание этого справочника (Хабаровск, 1900) см.: «Приамурские ведомости», 27 августа 1900 г. № 348. С. 19.
- ³¹ АВПР, ф. Китайский стол, 1885—1899, д. 155, л. 127.
- ³² Там же, л. 119.
- ³³ АВПР, ф. Китайский стол, 1885—1899, д. 155, л. 144.
- ³⁴ Там же, лл. 185, 187.
- ³⁵ Там же, л. 190.
- ³⁶ АВПР, ф. Китайский стол, 1885—1899, д. 155, лл. 149—150.— Д. Д. Покотилов — один из руководителей Русско-Азиатского банка, учрежденного в Китае в 1895 г.
- ³⁷ АВПР, ф. Китайский стол, 1885—1899, д. 155, л. 167.
- ³⁸ ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 112, л. 293.
- ³⁹ ГПБ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 112, л. 192.— Т. Вэйд и Аренд — составители учебных пособий по китайскому языку.

А. С. Ипатова

ПРАЗДНОВАНИЕ 250-ЛЕТИЯ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ (1935 г.)

«Трудами многих поколений строилась Миссия, молитвами святых подвижников освящено ее прошлое; Святитель Иоанн, Митрополит Тобольский, Святитель Иннокентий, Епископ Иркутский принимали непосредственное участие в ее возникновении и развитии; много знаменитых ученых, много выдающихся политиков воспитала она в тиши своих стен; свидетельницей вели-

ких событий в истории Китая была она, и не только свидетельницей, но и участницей. О многом рассказывает ее 250-летняя история», — с такими словами обратился владыка Виктор к собравшимся в Успенском соборе на торжественный акт, посвященный 250-летию юбилею Миссии 23 июня 1935 г. Итак, в 1935 г. Пекинская Духовная Миссия праздновала свое 250-летие¹.

В историописании Миссии существуют две даты ее основания и обе имеют историческое право на существование. Это: 1685 г. — год появления на китайской земле православия, когда священник о. Максим, прибывший вместе с другими албазинцами в Пекин, начал службу в бывшей буддийской кумирне, переделанной в православную часовню; и 1713 г. — время принятия решения об отправке в Китай 1-й миссии (либо 1716 г. — время прибытия ее в Пекин). Это обстоятельство нашло свое отражение не только в историографии, но и в разное с юбилейными датами, когда в течение XX в. с интервалами в 20, а затем в 55 лет отмечалось 200, 250 и 275-летие Миссии².

Празднованию в 1935 г. столь солидной даты придавалось очень большое значение и не только церковного характера. Для этого были весьма серьезные основания.

Достаточно вспомнить, каким трагическим и разрушительным для Миссии и ее прихожан было начало XX в., какими тернистыми и непредсказуемо сложными стали для нее и последующие годы.

Восстание ихэтуаней не обошло стороной и русскую православную церковь, в руины и дымящиеся развалины превратив резиденцию Миссии, Северное подворье (Бэйгуань). Уцелело лишь то немного, что заранее вывезли в Посольский квартал. Здания Миссии были разрушены и сожжены. В пламени пожара погибла уникальнейшая библиотека, терпеливо и целенаправленно создававшаяся членами 18-й миссии и особо славившаяся собранием редких буддийских книг. Сгорел и ценнейший архив Пекинской Миссии.

Члены Миссии не пострадали. По настоянию российского посланника М. Н. Гирса они заблаговременно, еще 27 мая 1900 г. переехали в Посольский квартал. На следующий день после вступления в Пекин союзной армии восемь держав начальник Миссии архимандрит Иннокентий³ в сопровождении одного священника и двух китайцев побывал на пепелище Северного подворья. Однако в Посольский квартал не вернулся, а поселился вместе с христианскими семьями в ламаистском монастыре Юнхэун, расположенном неподалеку от территории Миссии. Он-то и спас от разграбления этот монастырь отрядом германских войск. Отец Иннокентий вышел к воротам монастыря и заявил мародерам, что он — глава Русской Православной Миссии в Китае, что временно живет здесь и что не позволит кому бы то ни было причинить вред монастырю⁴.

Впоследствии этот благородный и мужественный поступок главы 18-й миссии был оценен китайским правительством и оно подарило находившийся рядом с ней дворец опального гуна (принца) вместе с обширной территорией. Во дворце была устроена церковь и размещены архиерейские покои.

Разрушениям подверглись также русские православные церкви в Калгане, Бэйдайхэ, Дундинане. Ущерб, понесенный Миссией, оказался настолько велик, что под вопросом было дальнейшее ее существование. Однако, приступая к восстановлению Миссии, Синод учредил в 1902 г. самостоятельную епископию для Китая, возложив на нее задачи расширения миссионерской деятельности. Архимандрит Иннокентий был возведен в сан епископа Переяславского. По общему признанию современников, ему принадлежит огромная роль в возрождении и развитии Миссии. Владыка Иннокентий, возглавлявший 18-ю миссию в течение 35 крайне трудных для нее лет, был фигурой колоритной. Вобрав в себя лучшие традиции и качества своих предшественников, он в то же время вынужден был перестраиваться в соответствии с задачами и требованиями нового века. Автор «Полного китайско-русского словаря»⁵ владыка Иннокентий, по воспоминаниям современников, был человеком крупным не только по росту и богатырской осанке, но и по энциклопедическим знаниям и колоссальной эрудиции. «Трибун по умению внушать свои мысли, ученый по знаниям и богатырь по внешнему виду, он сразу же умел расположить к себе слушателей», — вспоминал впоследствии один из выпускников Владивостокского восточного института, который в 1916 г. приехал на практику в Пекинскую Миссию и имел возможность непосредственного общения с начальником 18-й миссии⁶.

Обладая неиссякаемой энергией, он все свои усилия направил на возрождение Миссии. За короткий срок с 1903 по 1917 г. Миссия не только была восстановлена, но и значительно расширила географию и сферы своей деятельности. Она приобрела и частично получила в дар от китайцев участки земли в разных городах Китая. Открывала там станы, школы, благотворительные заведения. Так, во время русско-японской войны в г. Харбине при своем подворье Миссия открыла лазарет для раненых и больных воинов и содержала его в течение всей войны. Тогда же в Харбине Миссия учредила «Братство православной церкви в Китае», основав при нем в 1904 г. журнал «Известия братства православной церкви в Китае», который в 1907 г. был переименован в «Китайский благовестник»⁷.

В Пекине при Миссии были построены либо восстановлены типография, мельница, свечной завод. Епископ Иннокентий, стремясь к самостоятельности Миссии, старался сделать ее материально независимой. С этой целью он открыл при Миссии ряд торгово-промышленных предприятий, где работали в основном православные китайцы.

Доход от этих предприятий шел на усиление и расширение миссионерской деятельности. Годовой бюджет миссии возрос до 100 тыс. руб. золотом. К 1917 г. ее капитал приближался к 1 млн руб. и весь был помещен в русские военные займы. К этому времени Миссия имела два монастыря в Пекине (мужской и женский), 22 стана, 21 школу, одну семинарию, богадельню⁸. Это был период наивысшего ее расцвета.

Наступил 1917 год, год двух революций в России, повлекших за собой кардинальные перемены в стране, которые не могли не сказаться и на дальнейшей судьбе Миссии, радикально изменив не только ее статус, но и направление, характер, задачи, цели и методы ее деятельности. Прекратилось поступление средств из России. С падением курса рубля и аннулированием военных займов Миссия лишилась значительной части своих доходов. Вместе с тем широкий размах ее разносторонней деятельности невозможно было быстро и безболезненно остановить. Миссия втянулась в огромные долги, для погашения которых пришлось продать имущество в Даляне. В 1917—1921 гг. ценой огромных усилий епископу Иннокентию удалось спасти Миссию от банкротства, значительно сократив ее деятельность и перейдя на самокупаемость.

Но в 1921—1922 гг. на Миссию обрушилось новое испытание — мощный поток беженцев и эмигрантов из Советской России⁹. Многие из них голодные и больные, все потерявшие, они искали и находили кров и приют в Миссии. Сама крайне нуждавшаяся, она не отказывала им в посильной помощи.

В 1924 г. одной из деклараций, принятой во время подписания первого советско-китайского договора от 31 мая, Миссия была поставлена перед угрозой лишиться всего своего имущества¹⁰. Но митрополиту Иннокентию удалось доказать, что вся собственность Миссии принадлежит церкви, а не государству¹¹.

После смерти в 1931 г. начальника 18-й и краткой, всего двухлетней деятельности главы 19-й миссии владыки Симона¹², наступает особый период в истории Миссии. На смену хаотической, полной неопределенности и ощущения непродолжительности, временности зарубежной жизни для русской эмиграции приходит осознание прочности и жизнеспособности СССР, а вместе с тем невозможности их скорого возвращения на Родину. Постепенно складываются новые формы жизнедеятельности обширной русской колонии в Китае, и Миссия становится цементирующим центром церковно-общественного движения. В 1933 г. в должность начальника 20-й миссии вступил епископ Виктор¹³ — первый глава Миссии из среды эмигрантов. Ему были близки и понятны нужды, невзгоды, стремления и интересы эмиграции. Вместе с тем, любимый ученик своих авторитетнейших предшественников — Иннокентия и Симона — он был посвящен в их планы, испытал на себе их благотворное влияние и,

прежде всего, стремление к сохранению и приумножению лучших традиций Российской Духовной Миссии в Китае.

В свете этих событий становится более понятным тот размах и общественный резонанс, который получило празднование 250-летия Миссии в Китае, и та важность, которая придавалась этому юбилею.

Для подготовки и проведения торжеств, назначенных на 21—23 июня 1935 г., был создан юбилейный комитет во главе с почетным председателем епископом Виктором¹⁴. 15 мая 1935 г. в преддверии и в связи с празднованием юбилея он обратился с посланием к верующим православным сынам великого китайского народа. Это было первое за время пребывания Виктора в должности начальника Миссии официальное обращение к народу страны пребывания. «Чистая и мирная деятельность православной миссии никогда не нарушала законов и интересов Китайского государства; это много способствовало тому, что на протяжении многовековой истории мир между двумя великими соседними народами не нарушался», — писал о. Виктор¹⁵.

В духе традиций добрососедства и доброжелательности он обратился с призывом к китайцам со следующими словами: «Наряду с русскими детьми в наших школах могут учиться и ваши дети; двери госпиталей открыты и для ваших больных; приюты — для ваших детей; убежища — для ваших старцев»¹⁶.

Торжества начались вечером 21 июня архиерейским служением в 2-этажном храме Всех святых мучеников, построенном на фундаменте разрушенной во время ихэтуаньского восстания Свято-Николаевской церкви в память замученных ихэтуанями 222 православных китайцев. Службу вел сам начальник Миссии. На следующий день в субботу 22 июня в том же храме Всех святых мучеников в 8 часов утра архиерейской службой была совершена Божественная Литургия, а за ней — великая панихида.

В тот же день в Пекин из Тяньцзиня и Циндао прибыли главы тамошних церквей, а из Харбина — епископ Синьцзянский Ювеналий. В 6 часов вечера в Успенском кафедральном соборе началась высокоторжественная всенощная. По свидетельствам очевидцев, желающих присутствовать на службе было так много, что пришлось открыть окна собора, иллюминировать парк. Там расположилась основная масса собравшихся.

На следующий день 23 июня в 7.30 утра в Успенском соборе был отслужен водосвятный молебен, а в 8 часов Владыка Виктор вместе с прибывшим на торжества русским православным духовенством отслужил Божественную Литургию, в которой принимал участие архиерейский детский хор. По многочисленным отзывам присутствовавших, дети великолепно исполняли очень сложные духовные произведения, такие, как «Херувимская» Алябьева, «Милость мира» Чеснокова, которые под силу лишь опытным певцам. По окончании Литургии торжественный крест-

ный ход под звон колоколов двинулся во главе с начальником Миссии к храму Всех святых мучеников, где отслужили литию по убиенным православным китайцам и на могилах о. Иннокентия и о. Симона.

Затем крестный ход направился к трем мемориальным памятникам, сооруженным незадолго до юбилейных торжеств и освященным во время крестного хода.

Вечером того же дня, к 5 часам начался съезд гостей в подворье Бэйгуань. Среди них можно было видеть представителей всех организаций русской колонии в Пекине, всю греческую колонию во главе с консулом, представителей различных организаций Тяньцзиня и Шанхая, представителей католической, протестантской и англиканской церквей, представителей высших властей Пекина, православных китайцев, разноязыкую и разноликую прессу.

Ровно в 5 часов под колокольный звон в сопровождении многочисленного духовенства из покоев начальника Миссии вышли архиепископ Виктор и епископ Ювеналий в лиловых мантиях, в дорогах, имеющих большую историческую ценность митрах и проследовали в Успенский собор, где отслужили благодарственный молебен. Затем здесь же, в соборе, под председательством Владыки Виктора было открыто торжественное заседание, посвященное 250-летию Российской Духовной Миссии в Пекине. Председательствующий обратился со вступительным словом к участникам заседания, в котором проследил историю Миссии с момента ее основания, выделив наиболее важные события и аспекты ее деятельности: «И в мирные спокойные времена, — подчеркнул он, — не много таких учреждений, которые переживают не только поколения, но и целые эпохи, которые могут праздновать двухсотпятидесятилетний юбилей»¹⁸.

Докладчик определил пять периодов в истории Миссии. Остановимся подробнее на предложенной им периодизации и характеристике каждого из периодов. Первый период (1685—1728) — от прибытия албазинцев в Пекин до размена Кяхтинским договором, официально закрепившим статус Российской Духовной Миссии в Пекине, — Владыка Виктор охарактеризовал как время внедрения «пришедших албазинцев в китайский быт». Следующий период (1728—1861) он определил как период установления и развития традиций научной и дипломатической деятельности Миссии. Учреждение в 1861 г. в Пекине Российской дипломатической миссии и отделение дипломатических функций от Духовной Миссии явилось еще одной рубежной вехой в ее истории. Деятельность Миссии в 1861—1900 гг. сконцентрировалась на научном изучении Китая. По словам докладчика, малый штат и весьма незначительный бюджет не позволяли ей расширить миссионерскую деятельность. Разрушение в 1900 г. Бэйгуаня послужило своего рода водоразделом в деятельности Миссии. Ее возрождение в 1902 г. началось с учреждения право-

славной епископии в Китае. Четвертый период охватывает всего 15 лет — с 1902 по 1917 г. — и отмечен небывалым расширением миссионерской и торгово-экономической сфер деятельности Миссии. И, наконец, пятый — эмигрантский период, начавшийся после 1917 г., — характерен превращением Миссии в церковно-общественный центр многочисленной русской колонии в Китае и на Дальнем Востоке.

Владыка Виктор отдал должное начальникам всех 19-ти предшествовавших миссий, отметив индивидуальный вклад каждого из них.

Так, о родоначальнике Миссии, о. Максиме Леонтьеве, он сказал: «Его тихое, незаметное служение имело громадное значение. Он создал традицию православия среди албазинцев; его преемникам оставалось только поддерживать ее»¹⁸. В деятельности главы 1-й миссии архим. Иллариона (Лежайского) владыка Виктор особо выделил дипломатический аспект: «Китайское правительство разрешило ему и его небольшой свите въехать в Пекин и продолжать служение о. Максима. Этим Российская Духовная Миссия де-факто была признана Китаем. О. архимандрит Илларион был послан не только для духовного окормления албазинцев, но и как представитель Российского государства. Как таковой он передал императору Китая письмо от императора Петра I. С него начинается дипломатическая деятельность Российской Духовной Миссии, продолжавшаяся до 1864 г.

Святая жизнь о. Иллариона, его труды по изучению быта и языка Китая и его незаурядные дипломатические способности снискали ему и его помощникам особый почет и уважение китайцев. Он был почтен саном мандарина 5-й степени, и император ежемесячно спрашивался о его здоровье и нуждах Миссии. Успех его деятельности был так значителен, что после его смерти у Петра I возникла мысль о возможности послать в Китай начальника Миссии в сане епископа, каковым и был назначен епископ Иннокентий, Святитель Иркутский»¹⁹.

В краткой статье невозможно, да и вряд ли необходимо пересказывать оценки начальников всех миссий, прозвучавших в тот вечер в Успенском соборе во вступительном слове епископа Виктора, но некоторые из них безынтересны, так как давались они лицом духовным. Наибольший интерес в связи с этим представляет в высшей степени объективная оценка деятельности начальника 9-й миссии: «Одной из замечательнейших личностей в истории миссии был Иакинф Бичурин. Примером монашеской, подвижнической жизни он служить не может, но его колоссальная ученость, феноменальная память и ясный, глубокий ум поставили его в первые ряды синологов; его труды до сих пор не потеряли своей ценности и охватывают собою все стороны науки и быта Китая; он один сделал столько, сколько под силу целому поколению ученых»²⁰.

В деятельности начальников 10—14-й миссий архимандритов Петра (Каменского), Вениамина (Морачевича), Аввакума (Честного), Поликарпа (Тугаринова), Палладия (Кафарова) и Гурия (Карпова) Владыка Виктор также выделил научный аспект, сказав, что они «тоже приобрели себе известность среди европейских синологов и уважение китайских ученых»²¹.

«Не все миссии были одинаково удачны, — констатировал глава 20-й миссии, — оторванность от Родины, жизнь среди чужого народа, протекавшая порой почти в полном затворе, способствовали научным занятиям; но в то же время вызывала скуку, тоску по Родине и часто служила причиной болезней и смерти миссионеров»²².

Говоря о деятельности миссий во второй период (1728—1861), отец Виктор особо остановился на оценке деятельности их светских членов, «которые приезжали изучать языки и обычаи Китая; они являлись помощниками начальника миссии в его дипломатических делах; впоследствии из них вышли первые русские консулы и переводчики»²³. Словом, никто не был забыт.

В современной зарубежной историографии часто звучит упрек в том, что члены Российской Духовной Миссии в Пекине, в отличие от западных миссионеров, не внесли какого-либо вклада в те или иные сферы жизни китайского общества²⁴. Как бы предваряя эти незаслуженные упреки, Владыка Виктор специально остановился на этом вопросе, напомнив, что: «Деятельность о. Амвросия совпадает с периодом гонений китайского правительства на католиков... К этому времени относится предложение китайского правительства русским миссионерам занять ученые посты, занимавшиеся ранее католическими учеными. Предложение это неоднократно потом повторялось. Среди русских членов миссии было достаточно ученых, которые могли бы с успехом занять эти посты, но русские миссионеры отклонили от себя высокую честь, опасаясь быть втянутыми в придворные интриги»²⁵.

После вступительного слова Владыки Виктора были зачитаны многочисленные приветствия и поздравления.

Юбилейные мероприятия прошли в те дни и в других городах Китая, где действовали православные церкви: Шанхае, Тяньцзине, Харбине, Хайларе и др. Все они проходили по единому сценарию и завершались торжественными заседаниями, на которых выступило немало докладчиков. При всем разнообразии тематики докладов их объединяло стремление дать оценку историческому опыту деятельности миссии, как обобщенному, так и отдельным аспектам.

Так, среди докладов, зачитанных в Шанхае, был доклад Н. Ю. Фомина «Значение Русской Православной церкви в истории России и ее культуре». В харбинской группе докладов несомненный интерес представляет доклад Н. Д. Глебова «Дипло-

матическая и научная деятельность Миссии». В том же 1935 г. доклад Н. Д. Глебова под заголовком «Дипломатические функции Пекинской Православной Духовной Миссии» был опубликован в двух юбилейных изданиях²⁶. Оценивая вклад Миссии в развитие русско-китайских отношений до 1861 г., Н. Д. Глебов писал: «Т. о. деятелями Пекинской Духовной Миссии была в то время проведена колоссальная творческая работа по установлению добрососедских отношений, причем последние под влиянием духовных деятелей Миссии приняли особо мягкую форму, каковую характеризуются и все наши отношения с Китаем в последующую эпоху»²⁷.

Л. Г. Ульяницкий сделал доклад на тему «Албазин и албазинцы». Об истории Российской Духовной Миссии в Пекине рассказал собравшимся в «Сибирском доме» в Тяньцзине Н. П. Ушаков.

К 250-летию Миссии Харбинское подворье приурочило издание юбилейного сборника «Сияние православия». В том же, 1935 г., по завершении торжеств Миссия выпустила еще один юбилейный сборник «Китайский благовестник 1685—1935», куда вошли многие юбилейные доклады, статьи, воспоминания, информация о праздновании юбилея в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Харбине, приветствия и поздравления, поступившие в адрес Миссии, лист о награждениях и повышениях по службе, многочисленные портреты, иллюстрации. Оба сборника уже давно представляют собой библиографическую редкость. Материалы, содержащиеся в них, можно в значительной части приравнять к источникам. Помимо научного, информативного значения они живо, в прямом смысле по горячим следам, воспроизводят атмосферу юбилейных торжеств, атмосферу жизни многоликой и многочисленной русской колонии в Китае и подводят к пониманию той роли, которую играла Миссия в общественной и частной судьбе русских эмигрантов на Дальнем Востоке. И еще один вывод, к которому подводит знакомство с этими публикациями: столь торжественное и широкое празднование 250-летия Миссии было устроено не только во имя исторической памяти, но в неменьшей степени для самих участников торжеств, для их самоутверждения, осознания своей причастности к одной из уникальнейших страниц истории России, для ощущения своей связи с Родиной. Видимо, с учетом этого психологического фактора Владыка Виктор задумал и провел юбилейные торжества, еще раз подтвердив тем самым роль Миссии как цементирующего центра церковно-общественного строительства в русской колонии в Китае.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Китайский благовестник. 1685—1935. Юбилейный сборник, посвященный 250-летию со дня основания Российской православной миссии в Китае. Пекин. Духовная миссия, 1935. С. 23.

² Как следует из «Краткой истории Русской православной миссии в Китае, составленной по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования» (Пекин, 1916), за дату основания миссии было взято время избрания начальника и других священнослужителей в состав 1-й миссии, которое состоялось в конце 1712 или начале 1713 г. В 1935 г. за год основания миссии посчитали 1685 г., а в 1991 г.— время прибытия ее в Пекин (конец 1715 или начало 1716 г.).

Для полноты картины следует упомянуть здесь еще об одной дате — 1727 г.—годе подписания русско-китайского Кяхтинского договора, статья 5-я которого официально закрепляла статус миссии, ее состав и функции (См. Русско-китайские отношения. Официальные документы. 1689—1916. М., 1958. С. 19—20).

³ Иннокентий (Иоанн Аполлонович Фигуровский). Родился 23 марта 1863 г. в семье священника Енисейской епархии. Учился в Томской духовной семинарии, затем с интервалом в два года продолжил учебу в Петербургской духовной семинарии. В 1888—1892 гг.—студент Петербургской Духовной Академии. В 1890 г. был пострижен в монахи. В 1892 г. получил степень кандидата богословия и был назначен смотрителем Александрово-Невского духовного училища. В 1894 г. был возведен в сан архимандрита и переведен на должность ректора Петербургской духовной семинарии. 3 октября 1896 г. был назначен начальником 18-й миссии в Пекине. В Китай отправился не обычным, а западным путем, чтобы ознакомиться с постановкой миссионерского дела в Европе. Затем морским путем через Суэц и далее с заходом в Шанхай 1 марта 1897 г. прибыл в Тяньцзинь. (Краткая история Русской православной миссии в Китае. С. 190—192).

⁴ Великий путь Пекинской Духовной Миссии. Статья Высокопреосвященнейшего Архиепископа Мелентия ко дню двухсотпятидесятилетнего юбилея.—Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 46.

⁵ Полный китайско-русский словарь, составленный по словарям Чжайльса, архимандрита Палладия (и П. С. Попова) и другим, под редакцией епископа Иннокентия, в 2-х томах. Издание Начальника Пекинской Духовной Миссии. Пекин. Типография Успенского монастыря при Духовной миссии. 1909.

⁶ Арнольд Фридендер. В Русской духовной миссии. Из студенческих воспоминаний.—Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 60.

⁷ «Братство православной церкви в Китае» было создано 23 февраля 1904 г. по инициативе и под председательством епископа Иннокентия для оказания помощи раненым, больным и их семьям. Тогда же было принято решение об издании журнала «Известия Братства православной церкви в Китае». Первый номер журнала вышел 25 марта 1904 г. В 1907 г. в связи с переходом православных церквей, расположенных на территории Маньчжурии, в ведение Владивостокской епархии, указом Синода миссия получила разрешение выпускать журнал в Пекине, переименовав его в «Китайский благовестник» (Подробнее об этом см.: Тридцатилетие «Китайского благовестника». — Китайский благовестник, март—апрель 1939, № 3—4. С. 1—3).

⁸ Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 29.

⁹ Данные о численности русской эмиграции в Китае в те годы, приведенные разными авторами и справочниками, неодинаковы и варьируются от 100 тыс. (Китайский благовестник. Юбилейный сборник) до 0,5 млн человек (О. Л. Воронин. Российская белая эмиграция в Китае 20—30-х гг.: военный аспект ее деятельности.— Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов, ч. 3. М., 1990. С. 132—133).

¹⁰ В одной из Деклараций правительств СССР и Китайской Республики от 31 мая 1924 г. было записано: «Что касается сооружений и имущества русской православной миссии, принадлежащих правительству Союза ССР и находящихся в Пекине и Поташу, то Китайское правительство примет меры для возможно немедленной передачи их, в соответствии с законами и правилами, существующими в Китае в отношении имущества, находящихся

в нем, как только правительство Союза ССР укажет лицо китайской национальности или соответствующую организацию.

До того же правительство Китайской Республики примет меры к охране указанных выше сооружений и имуществ и освобождению их от всех лиц, ныне в них проживающих». Далее в Декларации говорилось, что она «будет иметь ту же самую силу и значение, как и Генеральная декларация, включенная в Соглашение об общих принципах» (Советско-китайские отношения, 1917—1957. Сб. документов. М., 1959. С. 86).

¹¹ Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 30.

¹² До этого с 1926 по 1931 г. архиепископ Симон был викарием в Шанхае.

¹³ Подробно о нем см. статьи С. Л. Тихвинского и О. В. Кепинг в настоящем сборнике.

¹⁴ Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 25—26.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 26.

²³ Там же.

²⁴ См., напр., Шэнь Гуаньнай. Российская духовная миссия и китайско-русские дипломатические связи.—Вестник Цицикарского педагогического института (Философия и общественные науки). 1984. вып. 1. С. 108—111; вып. 3. С. 95—102; R. Quedsted. The Expansion of Russia in East Asia. 1857—1880. Singapore. 1968. P. 26—27.

²⁵ Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 27.

²⁶ Сияние православия. Харбин, 1935; Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 57.

²⁷ Китайский благовестник. Юбилейный сборник. С. 67.

Академик С. Л. Тихвинский

НАЧАЛЬНИК 20-й МИССИИ — ВЛАДЫКА ВИКТОР

(ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА СССР
В ПЕКИНЕ)

Мое знакомство с начальником Российской Духовной Миссии в Китае архиепископом Пекинским и Китайским Виктором состоялось в октябре 1945 г. вскоре после церемонии капитуляции японского гарнизона Бэйпина (так тогда называли Пекин).

Автор настоящих строк — в то время второй секретарь Посольства СССР в Китае — был направлен представителем Посольства в Северном Китае и прилетел в Бэйпин вечером 10 октября.

При содействии председателя бэйпинского Общества советских граждан адвоката Рябрина я познакомился с членами местной советской колонии, подвергавшейся в годы японской оккупации строжайшему полицейскому контролю и всевозможным притеснениям со стороны японских властей, впрочем как и проживавшие в Бэйпине русские эмигранты, не имевшие советского гражданства. Среди русского населения Бэйпина и соседнего Тяньцзиня, насчитывавшего ко времени японской капитуляции свыше тысячи человек, большим авторитетом пользовался начальник Российской Духовной Миссии в Китае архиепископ Пекинский и Китайский Виктор. В годы японского владычества в Китае оккупационные власти, вынужденные считаться с тем влиянием, которое имел начальник Миссии среди русского населения, а также среди проживавших в Северном Китае иностранцев и православных китайцев, пытались всячески склонить архиепископа Виктора к тесному сотрудничеству с японскими властями и даже назначили его, вопреки его желанию, председателем Анτικοминтерновского союза Северного Китая.

От местных советских граждан я узнал биографию архиепископа Виктора (в миру Леонид Святин). Он был сыном священнослужителя из оренбургских казаков и стремился пойти по стопам своего отца. Однако в годы первой мировой войны он был мобилизован на действительную военную службу, окончил курсы прапорщиков военного времени, а в период гражданской войны вместе с отступавшими под натиском Красной Армии белогвардейскими частями Дутова, Бакича и Белова перешел границу западной китайской провинции Синьцзян. В Китае молодой офицер в 1921 г. в возрасте 27 лет принял монашеский постриг при Российской Духовной Миссии в Пекине, с которой он связал всю свою дальнейшую судьбу, постепенно продвигаясь по ступеням церковной иерархии.

Учитывая влияние, которым пользовался архиепископ, я решил нанести ему визит вежливости, предварительно неофициально прозондировав его возможное отношение к этому шагу официального советского дипломатического представителя. Получив благоприятный ответ, посетил архиепископа в сопровождении председателя Общества советских граждан Бэйпина Ребриня.

Архиепископ весьма приветливо принял нас в своих архиерейских покоях — одноэтажном здании типичной китайской дворцовой архитектуры с массивными красными деревянными колоннами, в свое время принадлежавшем одному из маньчжурских принцев крови, но за какие-то его провинности конфискованного в казну и переданного по повелению императора в собственность Российской Духовной Миссии в Пекине.

Архиепископ, уже не молодой мужчина выше среднего роста, плотного телосложения, с крупными чертами типично русского лица, обрамленного окладистой, кое-где уже подернутой седи-

ной бородой, с крупным «толстовским» носом и пронизательными, но добрыми глазами, рассказал, что еще до окончания войны на западном фронте и капитуляции фашистской Германии он принял твердое решение о признании юрисдикции Московской патриархии и извещил об этом Патриарха. Как истинный русский патриот он в годы войны молился за победу русского оружия, чем вызвал к себе неприязненное отношение со стороны японских оккупационных властей. Владыка Виктор подробно расспрашивал меня о жизни Советского Союза, о последних международных событиях. Попутно он сообщил, что вскоре после высадки американских войск в Северном Китае Миссию посетило несколько американских офицеров, владевших русским языком, интересовавшихся жизнью Миссии.

Архиепископ распорядился, чтобы мне показали обширный парк на территории Миссии и здание библиотеки. Прежде чем расстаться с гостеприимным хозяином, я пригласил его к себе. Приглашение было принято и в согласованный день, уже под вечер, к зданию бывшего Генерального Консульства Советского Союза в Бэйпине, в котором я расположился (официальное открытие Генерального Консульства состоялось лишь в начале 1946 г.), подъехали на трехколесных велорикшах Владыка Виктор и его помощник — священник Гавриил. После того как мы обменялись приветствиями и я пригласил гостей пройти в столовую, где был накрыт стол, Владыка неожиданно попросил разрешения сперва посетить здание бывшей посольской церкви. В сопровождении нескольких китайских слуг, несших канделябры с зажженными свечами, мы отправились к зданию небольшой церкви, расположенной в полустах шагах от главного здания, с 1924 г. бездействовавшей и использовавшейся под склад ненужной мебели.

Незадолго до встречи с архиепископом Виктором я дал указание очистить помещение церкви от хранившегося там хлама, однако не проверил исполнение и был изрядно сконфужен, когда Владыка Виктор, войдя в церковь, поцеловал престол и своей бородой поднял столб пыли, накопившейся на нем за долгие годы бездействия церкви.

Приведя себя в порядок, гость за ужином продолжил свой рассказ о судьбе Российской Духовной Миссии при японцах и подтвердил свое намерение полностью подчинить ее деятельность церковной юрисдикции Московской Патриархии.

Вскоре из Москвы на имя архиепископа Виктора пришло указание Святейшего Патриарха о принятии Духовной Миссии под юрисдикцию Московской Патриархии.

После окончания второй мировой войны советские дипломатические представительства за границей получили указание о проведении работы по осуществлению положений Закона о гражданстве СССР от 19 августа 1938 г., предусматривав-

шего, что гражданство СССР имеют все, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными Российской империи. Одним из первых русских эмигрантов в Северном Китае, подавших заявление о восстановлении в гражданстве СССР, был архиепископ Виктор.

Во время одного из моих посещений Бэйгуаня (дословно «Северное подворье», так называлась территория Миссии, располагавшейся в Северо-восточном углу городской стены Бэйпина) Владыка Виктор познакомил меня с двумя китайскими православными священниками — потомками албазинцев — о. Василием Дэ и отцом Федором Ли, возглавлявшими, соответственно, 2 крупные группы православных китайских жителей Бэйпина. Наиболее сильное впечатление на меня произвел отец Василий, которого Владыка Виктор представил под его русской фамилией Дубинин. Это был полного телосложения, седой как лунь старик среднего роста, с большим массивным носом, необычайно пышной для китайца растительностью на лице, с миндалевидными глазами, какие обычно бывают у китайцев-северян, однако в отличие от них голубого цвета. Весь внешний облик Василия Дэ свидетельствовал о сохранении в его могучем организме генов его предков — русских землепроходцев. Он, как и многие другие китайцы — потомки албазинцев, проживавшие в окрестностях Бэйгуаня, обладал хорошим звучным голосом и музыкальным слухом и, несмотря на свой преклонный возраст, продолжал петь в церковном хоре, послушать который на Пасху в Бэйгуань собирались не только православные жители Бэйпина, но и многие представители других вероисповеданий.

Владыка Виктор, знавший китайский язык, пользовался непререкаемым авторитетом как у православных китайских священнослужителей, так и у китайских прихожан, единодушно выступивших перед гоминьдановскими властями в защиту начальника Миссии, когда начались нападки на последнего. По мере ухудшения советско-американских отношений представители американских спецслужб в Китае стали проявлять повышенный интерес к местному русскому населению и, в частности, к представителям православного духовенства, которых американцы склоняли к отказу от признания Московской Патриархии. Им удалось привлечь на свою сторону шанхайского епископа Иоанна. Сильный нажим был оказан и на Владыку Виктора; гоминьдановские власти арестовали архиепископа во время его поездки в Шанхай. Лишь благодаря решительному вмешательству советских дипломатических органов Владыка Виктор был освобожден из тюрьмы и вернулся в Пекин.

Во время 40-дневной осады Бэйпина Народно-освободительной армией Китая в конце 1948 — начале 1949 гг., когда окруженные в городе гоминьдановские войска занимались грабежом и вымогательством, Владыка Виктор проявил большое личное мужество, противодействуя попыткам гоминьдановских властей конфисковать запасы фуража, запасенного на зиму Российской

Духовной Миссией для своей молочной фермы, на доходы от которой существовала Миссия.

Мои встречи с архиепископом Виктором в Бэйпине, с 1 октября 1949 г. после провозглашения Китая Народной Республикой получившем свое старое наименование Пекин (Бэйцзин — северная столица), продолжались вплоть до моего отъезда на Родину летом 1950 г.

По соглашению между правительствами СССР и КНР Российская Духовная Миссия в Китае прекратила в 1954 г. свое существование, а территория Бэйгуаня была передана в собственность Советского Союза для размещения Посольства СССР в Китае. Последний, 20-й начальник Миссии архиепископ Виктор вернулся на Родину, где одно время возглавлял Вологодскую епархию, а затем был хиротонисан в митрополиты и возглавил Кубанскую и Краснодарскую епархию.

Архиерейские покои в старом Бэйгуане бережно сохраняются и по сей день на территории советского посольства в Пекине.

Летом 1957 г. я вернулся из Японии, где после восстановления дипломатических отношений между нашими странами я был поверенным в делах Посольства СССР в Токио. Сразу по возвращении был назначен заведующим Отделом стран Азии во вновь созданном Комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР. Вскоре после того как я приступил к работе в этом качестве, я получил следующее письмо от митрополита Виктора:

«15 августа 1957 года.

Город Краснодар.

Дорогой и глубокочтимый Сергей Леонидович!

На днях из газет узнал о Вашем славном возвращении из пределов Восточной Азии и, как говорили церемонные предки, взял на себя смелость написать Вам свое скромное письмо и сообщить несколько слов о себе.

Вы, конечно, хорошо знаете, что бытие нашего исторического Бэйгуаня определилось в плане разрешения международных проблем, и я — последний из 20-ти начальников Российской Духовной Миссии в Китае — отозван на Родину и занимаю место Управляющего Краснодарской и Кубанской епархией.

Отношение со стороны высоких государственных властей ко мне доброе, предупредительное; священнослужители и верующие не чувствуют во мне стародавнего «азиата», особенно радуют меня «белые платочки» — русские православные женщины, ревностно посещающие наши храмы. Наши бабушки и мамы, все крепкие патриотки — сила мощная, стихийная.

Кубань — богатейший край. Здесь действительно «изобилие плодов земных»: и овощи и фрукты, черная икра, и севрюги, и осетры, мясо всех сортов и всевозможная дичь и еще имеется особо вкусная рыба, которую здесь называют «шамайка». Эта рыба, по признанию старых грешников-гурманов, стоит согрешения, если к тому же она на столе окажется с «водой жизни».

В Краснодар я прибыл десятого июня прошлого года и вот почти все это время болею, никак не могу акклиматизироваться.

Все мои болезни уже старческие: неправильный обмен веществ и гипертония, так что «шамайка» с «водой жизни» — это только мечты(!) Хотя в сознании крепко засела грешная мысль — пожелание нашего милого пекинского доктора Михаила Феодоровича Матвеева, что при всяком возрасте, состоянии и положении допустимы «зигзаги в жизни», хотя бы раз в два-три месяца или полгода.

В Краснодар я прибыл вместе с своими родственниками. Ольга Викторовна с мужем Борисом Михайловичем Кепинг и моей младшей племянницей Ксенией живут в Вологде, где Борис Михайлович служит в Епархиальном Управлении у Епископа Гавриила, моего бывшего наместника в Пекине, а со мной живет семейство Толкачевых. Моя старшая племянница Марина вышла замуж за Петра Феоктистовича Толкачева. Вы, возможно что, его знаете и помните. Он окончил Чанчуньский Университет по синологическому факультету, хорошо знает японский и китайский языки, человек культурный, трезвый и энергичный и, вот, пока растрчивает свои драгоценные знания восточных языков, так как здесь эти знания не имеют никакого применения. Он мечтал получить заочную аспирантуру в Московском университете — отказали, ответили, что требуется педагогический стаж. Петя продолжает свои хлопоты, подает заявления...

Не так давно я был в Москве на хиротонии архимандрита Василия Яо Фу-ань во епископа Пекинского. Он должен возглавлять Автономную Китайскую Православную Церковь, и после утверждения в должности Главы Китайской Православной Церкви Китайским Правительством и Московской Патриархией он будет иметь титул Пекинского и Китайского. В Москву его сопровождали протоиерей о. Леонид Лю (он при Вас заведовал бэйгуаньской молочной фермой) и протоиерей Аникита Ван — образованный экономист, блестящий оратор.

Москва приняла всех, что называется, «на славу», богато одарила и вернула в Пекин к их тихой, скромной и незаметной жизни.

Готовимся к достойной встрече сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции. Осенью предстоят и церковные торжества: сорокалетие восстановления Патриаршества и 80-летие со дня рождения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия. На светлом фоне этих великих и радостных со-

бытий и торжеств и я проведу свой скромный день 25-летия пребывания в сане епископа.

О Вас часто вспоминаю и много и искренно радуюсь, когда узнаю о Ваших дипломатических и ученых успехах.

Прошу засвидетельствовать мое искреннее почтение Вашей уважаемой супруге, привет милым деткам.

В заключение моего нескромного многословия разрешите от всего сердца высказать Вам и Вашему уважаемому семейству древнее и всегда новое китайское пожелание: постоянно растущего благополучия и всевозрастающего счастья.

Ваш А. Виктор. — *Святин.*»

В 1958 г., в один из рабочих дней, в Москве, в Комитете по культурным связям с зарубежными странами, меня без предупреждения посетил митрополит Виктор. Встреча была приятной и радостной — нам обоим было о чем вспомнить. Вскоре после нашей встречи я получил еще одно письмо от митрополита, в котором он, в частности, писал:

«Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Леонидович!

Прошу принять глубокую сердечную благодарность за оказанный мне любезный прием.

Сегодня получил июльский 28-й номер журнала «Дружба». На последней странице журнала помещена цветная фотография строящегося нового здания Советского посольства в КНР.

Вспомнился Бэйгуань и вся моя жизнь в этом прекрасном северо-восточном уголке Пекина.

На память о Бэйгуане шлю Вам пекинский фотоснимок ХХ начальника РДМ в Китае. Снимок можно назвать «Последний привет». Я заснят при выходе из своих покоев (сы-э-фу) у калитки, где встречал и до которых провожал (по китайскому обычаю) своих дорогих высоких посольских гостей.

Журнал «Дружба» широко расходуется по Кубанскому краю. Я лично выписываю 200 экземпляров журнала для моих приходов — знакомы настоятелей с жизнью Великого Народа. Все читают журнал с большим интересом и вниманием. Чудное, прекрасное издание! Люди, как губки, впитывают идеи добра, правды и красоты новой жизни, стоящей на страже защиты мира во всем мире и счастья каждого человека. Прилагаю к письму мой отзыв о журналах «Китай» и «Новый Китай».

ОТЗЫВ О ЖУРНАЛАХ «КИТАЙ» И «НОВЫЙ КИТАЙ»

«Журналы „Китай“ и „Новый Китай“ прекрасны во всех отношениях. Они живо, наглядно и интересно отображают настоящую жизнь Китая и именно так, как она протекает на современном этапе международного исторического развития.

Эти журналы просто и всем понятно выявляют величавый моральный облик китайского народа, его высокую разумную дисциплину в семье, школе, в общественных, государственных, международных отношениях.

Китайцы любят и высоко ценят свою культуру и историю своего народа и своего отечества, любят своих вождей-руководителей: отца народа — идеолога марксизма-ленинизма Председателя Мао, любимого полководца — маршала Чжу Дэ и весьма искусного в дипломатической борьбе всеми уважаемого товарища Чжоу Энь-лая.

Китайцы — люди утонченной древней культуры; они любят цветы, детей; скромны в своих жизненных требованиях, весьма трезвы, выносливы и трудолюбивы, но завоеванных позиций они никогда и никому не уступают.

На поле чести и брани в борьбе за мир, демократию и социализм китайский народ — самый сильный союзник, и вот журналы „Китай“ и „Новый Китай“ ярко отображают высокий культурный и моральный уровень добрых братских отношений вовеки нерушимой дружбы народов КНР и СССР во имя светлого счастливого будущего всего человечества».

В один из своих очередных приездов в Москву по делам Священного Синода Русской Православной церкви, членом которого он был, митрополит пригласил меня с женой в свой номер в гостинице «Ленинградская», где мы провели несколько часов в непринужденной дружеской беседе, вспоминая Пекин и Российскую Духовную Миссию.

Владыка Виктор, 20-й и последний начальник Российской Духовной Миссии, как и многие его предшественники на этом посту, внес неоценимый вклад в дело духовного сближения народов России и Китая, которые навсегда сохранят память об этом добром человеке, прожившем нелегкую жизнь в нелегкое время.

О. В. Кепинг

**ПОСЛЕДНИЙ НАЧАЛЬНИК РОССИЙСКОЙ
ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ —
АРХИЕПИСКОП ВИКТОР: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ¹**

Митрополит Виктор (в миру Леонид Викторович Святин) родился 2 августа (ст. стиля) 1893 г. в станице Карагайской Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Его отец —

Виктор Евграфович Святин, учитель, впоследствии священник Свято-Николаевского собора г. Верхнеуральска. Мать — Мария Петровна — была дочерью атамана Карагайской станицы, войскового старшины Петра Степановича Жукова. Мать Леонида Викторовича умерла рано, оставив пятерых детей (три сына и две дочери), и детей воспитывала бабушка Мария Федоровна Святин (мать отца).

В 1915 г. Леонид Викторович с отличием окончил Оренбургскую Духовную Семинарию и поступил в Казанскую Духовную Академию, но в 1916 г. со второго курса был мобилизован и направлен в Тифлис в Михайловское военное училище. Однако началась революция и он вернулся домой в Верхнеуральск, где был снова мобилизован и направлен в штаб генерала Белова в г. Белорецке, где он и прослужил до отступления². Со штабом же генерала Белова он отступал до границы с Китаем. Положение русской армии на границе было ужасным — голодные, раздетые, разутые люди, среди которых началась эпидемия сыпного тифа. Заболел тифом и Леонид Викторович. Как известно, армия на границе была распущена и желающие вернулись домой. Хотел вернуться домой и Леонид Викторович, но случай резко изменил его жизнь. Здесь на границе его, больного тифом, нашел генерал Жуков, Гервасий Петрович, его дядя, родной брат его матери, который с семьей ехал дальше в Китай. Он предложил Леониду Викторовичу поехать вместе с его семьей в Китай. И Леонид Викторович с семьей Жуковых едет в Ханькоу.

Десятки тысяч русских, выброшенных революцией в Китай (по некоторым данным, их было двести тысяч человек³), начинали жизнь в незнакомых условиях Китая — чужая речь, непонятная культура. В это время именно Русская Православная Церковь, имеющая к тому времени двухсотлетние корни в Китае, оказалась тем центром, который объединял всех, оказывая по мере сил и возможностей различную помощь в обустройстве жизни в чужой стране.

Леонид Викторович с детских лет стремился к монашеской жизни и просил у отца благословения вступить на этот путь, еще учась в Духовной Академии, однако отец не дал ему благословения, посоветовав проверить себя и сделать этот шаг в более зрелом возрасте. Узнав о том, что в Пекине существует Российская Духовная Миссия и при ней есть монастырь, он покидает Ханькоу и в начале 1921 г. становится послушником Успенского монастыря в Пекине. То, что он увидел на территории Российской Духовной Миссии, так называемом Бэйгуане (Северном подворье), поразило его. Это была старая Россия с церквями, монастырями, послушниками в скуфейках, монахами в клобуках, но главное — покой, тишина, которые нарушались только колокольным звоном во время церковных служб. Главой Миссии в это время был епископ Иннокентий (Фигуров-

ский), личность незаурядная — именно он восстановил Миссию после того, как она была сожжена дотла во время «боксерского» восстания.

20 июня 1921 г. Леонид Викторович был пострижен в монахи в Пекинском Успенском монастыре с именем Виктор. 24 июня монах Виктор был рукоположен в сан иеродиакона и 27 июня — в сан иеромонаха. Было ему тогда 27 лет и с тех пор никогда и ни при каких условиях он не снимал монашеской рясы. Он всегда был верен монашескому обету нестяжания: никогда не имея имущества, он все раздавал нуждающимся. В последние годы жизни, уже в СССР, он отказался от половины своего жалованья, посчитав его слишком высоким, и все, что получал, рассылал в различные города Союза нуждающимся. Помогал он и жене генерала Жукова, Парасковье Михайловне, которая, вернувшись в 1947 г. из Китая в СССР, последние годы жизни (умерла далеко за 90) жила в Вологде.

Епископ Иннокентий, сразу же поняв душевное устройство молодого монаха, видел в нем своего преемника на посту начальника Миссии — ведь в условиях того времени невозможно было рассчитывать на приезд следующей Миссии из России — и готовил его к этому. Он отправил монаха Виктора во Владивосток на учебу в Восточный Институт — для работы в Миссии было необходимо знание китайского языка. Однако и на этот раз отец Виктор не смог закончить учение. Политические события на Дальнем Востоке заставили его вернуться в Китай и весной 1922 г. он был назначен настоятелем Покровской церкви в Тяньцзине, городе, расположенном на расстоянии двух часов езды на поезде от Пекина. Здесь он прослужил настоятелем десять лет.

Будучи в самые тяжелые для русской эмиграции годы — начальные годы ее жизни в Китае — настоятелем храма (пока единственного в Тяньцзине, позже будут открыты еще несколько), он смог полностью проявить свои пастырские устремления и недюжинные организаторские способности. Как и в других странах русского рассеяния, церковь была тем центром, который собирал вокруг себя всех русских, и священник становился, как бы мы сейчас сказали, «неформальным лидером». Власти менялись, а церковь — своя, знакомая и близкая, оставалась неизменной. Так случилось и в Китае. Именно при отце Викторе часовня на братской могиле русских воинов преобразовалась в большой Храм Покрова Пресвятой Богородицы⁴. При нем открылась русская школа, русская больница, было благоустроено русское кладбище. При нем был открыт Дом милосердия. К нему шли не только православные, но и относящиеся к другим конфессиям, для него не было «ни эллина, ни иудея» и для каждого он находил слова утешения. В Тяньцзине он пользовался необычайной любовью и уважением не только

своих прихожан, но и представителей других вероисповеданий многоликого Тяньцзиня.

В 1929 г. его возводят в сан архимандрита. В 1931 г. умирает митрополит Иннокентий и начальником Миссии становится архиепископ Симон (Виноградов), который командирует архимандрита Виктора в Югославию, где 21 октября 1932 г. была совершена хирстония его во епископа Шанхайского. В Югославию архимандрит Виктор был откомандирован потому, что Российская Духовная Миссия в Китае в это время подчинялась Святейшему Синоду Российской Православной Церкви за границей. Однако ранней весной 1933 г. умирает и архиепископ Симон и начальником Миссии, 20-м по счету, становится епископ Виктор, пробывший на этом посту 23 года вплоть до закрытия Миссии в 1956 г.

К этому времени — т. е. к 1933 г. — Миссия уже преодолела тот кризис, в который попала в 1917 г.: «С момента русской революции Миссия лишилась притока средств из России и, предоставленная сама себе, пережила тяжелый финансовый кризис, вызвавший необходимость полной реорганизации ее хозяйства и перевода ее на начала самокупаемости. Расходы Миссии, несмотря на экономию и сокращение деятельности, все же были огромны, ибо на средства Миссии содержались некоторые семьи албазинцев и православных китайцев. . . Материальное положение Миссии (к 1935 г. — О. К.) упрочилось в связи с улучшением положения русской эмиграции на Дальнем Востоке»⁵. Поэтому епископ Виктор, будучи начальником Миссии, имел возможность развить широкую миссионерскую деятельность. «За время управления Миссией Архиепископом Виктором открыты приходы, церкви и молитвенные дома: в Пекине, Калгане, Чифу, Гирине, на Дамбе, в Гонконге, Кантоне, Макао, построены храм и дом для священника в Маниле, женский монастырь и храм при нем в Какакаши около Дайрена, Св. Пантелеймоновская санатория с храмом в горах Лаошань, перестроен капитально-городской храм и выстроен дом для священника в Циндао, построен большой дом на миссийском участке в Хайларе, построен Св. Покровский храм в Тяньцзине, закончена постройка и освящена Св. Благовещенская церковь на миссийском подворье в Харбине, не так давно открыт молитвенный дом на Вэйсайде в Шанхае, земля под собором и архиерейским домом и столовой для неимущих приобретена и записана в лице Начальника и других членов на Миссию, все имущество Православного Братства в Шанхае передано в полную собственность Российской Духовной Миссии в Китае»⁶.

Однако очень скоро (в 1937 г.) Китай был захвачен японцами. Жизнь русских в условиях оккупации была тяжела. Ситуация осложнилась после нападения фашистской Германии на СССР. Война с Германией вызвала патриотический подъем среди русских. Многие из них, особенно те, кто участвовал

в Первой мировой войне, испытывали комплекс вины от невозможности помочь Родине в трудный для нее час.

В 1937 г. епископа Виктора возводят в сан архиепископа.

Тоска по оставленной Родине, мысль о возвращении в Россию не оставляли его никогда. Я помню мешочек с русской землей, хранившийся у него в сейфе в его покоях в Бэйгуане — кроме этого, в сейфе ничего не было. Он был уверен, что русские люди рано или поздно вернуться на Родину. Еще в 1935 г. он писал: «Они (русские — *О. К.*) были вынуждены отойти за границу, унося с собой из Родины только тяжелую скорбь о потерянном и честное русское имя да великое сокровище — Святую Православную Веру...»⁷. И далее: «Когда изгнанники, дети и внуки их вернуться в свое воскресшее Отечество и снова начнут строить величие его, вспомнят они о дружбе Великого Китая и сумеют ответить на нее верной русской дружбой»⁸.

В конце 1944 г. еще во время японской оккупации архиепископ Виктор отправил в советское посольство в Пекине своего родственника, мужа своей сестры Бориса Михайловича Кепинга, который отнес туда официальный рапорт на имя Патриарха Московского и всея Руси с просьбой о воссоединении с Патриаршей Церковью.

Ответа не было. И тогда, заручившись согласием Иоанна, епископа Шанхайского, архиепископ Виктор снова посылает в Москву прошение от себя и от епископа Иоанна с просьбой принять их в церковное общение. Ответ пришел только в апреле 1946 г.: «Вторично (? — *О. К.*) с любовью сообщаем Вам о принятии Вас и преосвященного Иоанна Шанхайского в молитвенное каноническое общение с нами. Российская Духовная Миссия в Китае, возглавляемая Вашим преосвященством, как ранее будет состоять в непосредственном ведении Патриарха Московского. Прошу прислать сведения и отчет за последний год. Шлю благословение Господне и сердечный привет Вам и епископу Иоанну. Патриарх Алексей. Москва, 6/19 апреля 1946 года»⁹.

Политическое положение в Китае было очень неустойчивым: шла гражданская война. Русская эмиграция разделилась на две части — одни возвращались на Родину (в течение 1947 г. было осуществлено несколько репатриаций из различных городов Китая), другие уезжали в Австралию, Америку и страны Латинской Америки. В Русской Православной Церкви также произошел раскол: «В мае 1946 г. епископ Иоанн, находящийся под сильным влиянием митрополита Анастасия, отошел от избранного им верного пути, впал в раскол. Началась смута... Китайские гоминьдановские власти поддержали епископа Иоанна»¹⁰.

19 октября 1946 г. на рассвете в своих покоях в Шанхае был арестован архиепископ Виктор. «Китайский Благовестник» писал: «Весть об этом событии (т. е. об аресте — *О. К.*) всколыхнула весь многонациональный Шанхай, не говоря уже

о русской колонии, остро переживавшей заточение своего духовного Главы... В газетах стали публиковаться письма с выражением симпатии православным христианам и самому Архипастырю»⁴¹.

Через пять дней только после вмешательства представитель советского консульства Владыка Виктор был освобожден. Однако несмотря на краткий срок заключения, в результате потрясения он перенес микроинсульт — на некоторое время у него была нарушена речь.

Причина ареста — имущество Миссии, на страже которого стоял Владыка Виктор. Митрополит Иннокентий не ошибся в выборе своего преемника — только такой человек, человек долга, бесребреник, мог выстоять в тех тяжелейших условиях. Его долг был сохранить имущество Миссии для России — и он сохранил это имущество.

Но он ясно осознавал необходимость новой, присланной из России Миссии — русская молодежь уезжала из Китая, священнослужители были стариками и он с ужасом думал о том, что же ждет Миссию впереди. Во второй половине сороковых годов он шлет целый ряд рапортов Патриарху Алексию, в которых настойчиво просит прислать новую, 21-ю миссию. Обратимся к его рапорту под № 266, датированному «канун праздника Введения во храм пресвятой Богородицы 1949 года». Из этого рапорта совершенно ясно, что это отнюдь не первая просьба о присылке Миссии в Китай: «Этот мой рапорт является отчасти повторением содержания прошлых рапортов, отчасти будет наполнен новым содержанием согласно требованиям текущего момента. Первая и основная просьба Миссии к Вашему Святейшеству это ходатайство перед Министерством иностранных дел Советского Союза о выяснении правового положения нашей Миссии в Китае при новом государственном строе и о формальном закреплении за Миссией недвижимого имущества, на которое имеются документы».

Цитируемый рапорт состоит из двух частей: в первой перечисляется все недвижимое имущество Миссии, имеющееся в различных городах Китая и за его пределами, во второй излагается конкретная программа деятельности будущей 21-й миссии.

Я не буду подробно останавливаться на имуществе Миссии (перечисление его в рапорте занимает несколько страниц), назову только то, чем владела Миссия в городе Пекине и его окрестностях. Помимо 17 гектаров Бэйгуаня, т. е. той территории, на которой располагалась сама Миссия, она владела трехэтажным домом на улице Хадамэнь № 185; миссийским православным кладбищем за Аньдинмэнь; в горах Сишань около Пекина Миссия имела скит; в 200 верстах от Пекина в деревне Дундиннань Миссия владела участком земли, на котором находились храм и жилые помещения, разрушенные в последнюю гражданскую войну; в местечке Бадаханьгоу на

расстоянии 200 верст от Пекина Миссия владела обширнейшим участком богатой лесом и недрами земли. И это только Пекин и его окрестности. Имущество Миссии имелось также и в других городах Китая: Тяньцзине, Калгане, Циндао, Ханькоу, Шанхае, Бэйдайхэ. Миссия владела также имуществом вне Китая — в Маниле, Корее, Гонконге. В Москве и Петербурге Миссия имела хорошо оборудованные подворья с домами, а севернее Петербурга в сторону Финляндии — дачу «Отрадное».

В этом же рапорте архиепископ Виктор пишет: «За последние десятилетия государственные власти в Китае менялись, как в калейдоскопе. У всех тянулись руки к захвату имущества, не имеющего государственной защиты. Приходится удивляться, как это удалось не только сохранить, что имелось, но даже и приумножить миссийское имущество. И вот теперь, когда «настало время благоприятное и день спасения», когда к власти дома на Родине и здесь в Китае пришла народная демократия, все это ценнейшее имущество, как «заколдованный клад», находится в беспризорности и бездействии «под семью замками и печатями». Я не министр финансовых предприятий, каким был восстановитель Миссии после Боксерского восстания Великий Свяtitель Митрополит Иннокентий, и не святой Божий человек — аскет и молитвенник, каким был Владыка Архиепископ Симон, которому благодатно давалось без всяких усилий всякое знание, я простой смертный и грешный человек. Мне пришлось наблюдать и переживать начавшийся еще при Митрополите Иннокентии распад Миссии, душа болела за разрушенные и оскверненные храмы в Калгане, Тяньцзине, в деревне Дундинъань, в Чапее, в Шанхае и на Маниле, пришлось видеть крайнюю нищету русских людей и насельников Миссии — китайцев, которые стали мне дороги, может быть, потому, что с ними и от них мне пришлось многое перетерпеть и от них же иметь внимание, заботу и защиту. Я люблю Миссию, знаю ее ценность для Св. Православной Русской Церкви и Родины и горячо верю в ее светлое будущее. Слушая сообщения радио Советского Союза и знакомясь по газетам и книгам с постановкой хозяйства в Советской России, я крепко осознал, что советский человек сдвинет всю жизнь нашей дорогой Российской Духовной Миссии в Китае с мертвой точки, выведет ее из состояния мучительной прострации на спасительные пути возрождения и расцвета и даст ей то положение, которое она должна занимать среди других инославных миссий по достоинству Св. Православной Русской Церкви и нашего Великого Русского Народа. Все будет зависеть от движущей живой силы — кадров Миссии. Этот вопрос самый деловой, серьезнейший вопрос. Здесь среди местного русского населения почти нет подходящих людей для большой организационной работы. Уставшие и больные душой, эти люди не дадут должного горения и одушевления делу, а приехавшие с Родины будут более авторитетны и для

местного китайского населения. Вот почему я раньше писал и просил и теперь снова почтительно подтверждаю, что в Китае нужно послать из Советского Союза новую 21-ю Российскую Духовную Миссию»¹².

Во второй части этого же рапорта излагаются основные направления работы 21-й миссии: «В продолжение трех—пяти лет Миссия в экономическом отношении должна встать на собственные ноги и вернуть Патриархии все, что было и будет затрачено. Потенциальные возможности у Миссии огромны, но в данный момент, в силу чисто исторических обстоятельств и событий, экономическое положение Миссии плачевно. Земельные участки и другое недвижимое имущество Миссии не используется должным образом, предприятия не оправдывают себя, здания за недостатком капитального ремонта разрушаются, небольшое число людей, обслуживающих Миссию, бедствует. Не хватает материальных средств, не хватает рабочих рук, нет должного хозяйственного руководства. **Необходимы героические усилия со стороны самой Миссии, необходима существенная помощь от Московской Патриархии, необходима забота и помощь Родины.**

В конце же этого рапорта просто мольба, крик о помощи: «Ваше Святейшество, помогите Миссии выйти из тупика, в котором она находится не по своей вине, введите в ее организм новые животворные силы, протяните ей в наступающий двенадцатый час спасительную отеческую руку».

Но Москва 21-ю миссию в Пекин не прислала.

Архиепископ Виктор получил приказ Патриархии упразднить Миссию и в 1956 г. вернулся на Родину, где получил назначение в Краснодарскую епархию. Здесь он прожил ровно десять лет. В 1961 г. был возведен в сан митрополита. В августе 1966 г. его не стало. Официальное заключение о смерти — инфаркт легких.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это не научное сообщение, а воспоминания, написанные младшей сестрой митрополита Виктора Ольгой Викторовной Кепинг.

² Л. В. Святин не был «офицером действующей армии в первую мировую войну», как это утверждается в биобиблиографическом словаре «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно)». Составитель митрополит Мануил (Лемешевский). Куйбышев, 1966. Т. 2. С. 173.

³ J. Svanberg. *The Russians in China.*—Multiethnic Studies in Uppsala. Essays presented in Honour of Sven Gustavsson, June 1, 1988. Uppsala University, 1988. P. 100.

⁴ Тяньцзинский православный Храм-памятник, воздвигнутый российским правительством на братской могиле русских воинов, погибших в 1900 г., был первым православным храмом в Тяньцзине. В братской могиле были погребены 109 русских воинов. Братская могила и Храм-памятник были позднее переоборудованы в Храм Покрова Пресвятой Богородицы.

⁵ Российская Духовная Миссия в Китае. 1685—1935. Б. м., б. г. С. 7.

⁶ М. И. М. Российская Духовная Миссия в Китае (краткий исторический очерк).— «Китайский Благовестник», 1946, ноябрь. С. 22.

⁷ Послание Преосвященнейшего Виктора, еп. Кит. и Пекин., Начальника Российской Духовной Миссии в Китае по случаю 250-летнего юбилея Миссии.— «Китайский Благовестник», юбилейный выпуск, Пекин, 1935. С. 9.

⁸ Там же.

⁹ Письмо митрополита Виктора, адресованное митрополиту Минскому и Белорусскому Никодиму от 17 сентября 1963 года.

¹⁰ Там же.

¹¹ Арест начальника Российской Духовной Миссии в Китае.— «Китайский Благовестник», 1947, январь. С. 9.

¹² Здесь и далее подчеркивания в рапорте сделаны мною — О. К. 19 марта 1991 г.

Б. Г. Доронин

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ ЦИН В ТРУДАХ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ (XVIII — середина XIX в.)

В многообразной деятельности Российской Духовной Миссии в Пекине важное место всегда занимало изучение Китая. Это привлекало и прикомандированных к Миссии студентов, и тех ее членов, что имели духовный сан. Многие из них продолжали изучать Китай и по возвращении на Родину, а для некоторых синология стала делом всей жизни. Стремясь глубже понять страну, в столице которой находилась Миссия, ее члены уделяли пристальное внимание самым различным сторонам жизни китайского общества и государства. Но особый интерес у них всегда вызывала история империи Цин (1644—1911), происхождение и особенности режима, утвердившегося в Китае в середине XVII в.

Обстановка, в которой работала Миссия, особенно в XVIII — начале XIX в., мало способствовала научным занятиям в этой области. Набиравший силу цинский режим становился все более жестким, к середине XVIII в. достигла апогея беспрецедентная даже по китайским масштабам «литературная инквизиция», в ходе которой изымались и уничтожались неугодные властям труды (в том числе и по истории империи Цин). Дипломатических отношений с Россией у цинского Китая до 1860 г. не было, и в своей повседневной деятельности члены Миссии были подчинены Палате внешних сношений (Лифаньюань), в чьем ведении находились связи с зависимыми от империи Цин монголами и некоторыми другими покоренными народами. В этих условиях обращение к истории империи, характеристика ее ин-

ститутов требовали немалого мужества и решимости, живого личного интереса.

Начало работы по изучению истории империи Цин положили переводы И. К. Россохина (1717—1761) и А. Л. Леонтьева (1716—1786). С тех пор переводческая деятельность заняла важное место в трудах членов Российской Духовной Миссии, что свидетельствовало об их стремлении получить информацию о стране из первых рук, минуя возможных посредников. Многие зависело при этом от квалифицированного отбора материалов для переводов. Хотя книжные лавки Пекина предлагали покупателю немало интересного, члены Миссии отдали предпочтение официальным трудам. Эти сочинения готовились под эгидой государства и содержали наиболее полную информацию об империи; они и до настоящего времени остаются одним из главных источников по истории цинского Китая. Издавались такие труды императорской печатней (У ин дянъ), распространялись преимущественно властями, и приобрести их иностранцу было, очевидно, нелегко. Не исключено, что для этого членам Миссии приходилось использовать личные связи. И тем не менее в течение XVIII—первой половины XIX в. в поле зрения членов Российской Духовной Миссии попали многие официальные труды, не отнесенные цинскими властями к категории секретных: «Сводное описание империи Великая Цин» (Да Цин и тун чжи), «священные наставления» (шэн сюнь) первых цинских императоров, «Описание усмирения русских» (Пиндин лоча фанлюэ), «Сводное описание восьми знамен» (Ба ци тун чжи), «Описание основания династии» (Кай го фанлюэ), «Исследование происхождения маньчжоу» (Маньчжоу юанью као), «Свод законов Великой Цин» (Да Цин хуэй дянъ), «История династии Цзинь» (Цзинь ши) и др. Масштабы переводческой деятельности членов Миссии и ее целеустремленность не могут не вызывать чувства глубочайшего уважения к их самоотверженному труду¹. Помимо многочисленных фрагментов официальных трудов целый ряд наиболее важных сочинений был переведен полностью, в том числе такие фундаментальные, как «Сводное описание восьми знамен»², «Составленное по высочайшему повелению описание похода императора для усмирения территории к северу от пустыни» (Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюэ)³ и некоторые другие. При этом члены Миссии нередко демонстрировали удивительную оперативность.

Так, одним из первых фундаментальных трудов цинской официальной историографии, переведенных членами Миссии, стало «Сводное описание восьми знамен». Его первый вариант (чу цзи) был представлен императору в 1739 г., и в тот же год И. К. Россохин приступил к его переводу⁴. Текст «Составленного по высочайшему повелению описания похода императора для усмирения территории к северу от пустыни» был утвержден

Канси в 1708 г., а в 1750 г. И. К. Россохин уже завершил его перевод⁵. Но особенно любопытна история перевода другого официального сочинения жанра «фан люэ» (описание войн) — «Описание усмирения русских». Оно было завершено в 1688 г. и согласно утвердившемуся в синологии представлению до середины XIX в. широкого хождения не имело. Как считают, впервые оно было опубликовано в 1881 г. в сборнике «Полное описание северной границы» (Шо фан бэй чэн), который был составлен Хэ Цютао в 1859 г. и на следующий год представлен императору⁶. Между тем, по заслуживающим доверия данным, «Описание усмирения русских» впервые в мировой синологии было переведено иеродиаконом о. Иларием (Оводовым) еще в 1854 г. — то есть за шесть лет до того, как текст сборника «Шо фан бэй чэн» был представлен трону⁷. Следовательно, члены Миссии располагали текстом «Описания усмирения русских» до появления сборника «Полное описание северной границы». Поскольку получить рукопись данного сочинения из императорских архивов они не могли, можно предположить, что оно, как и другие «описания войн» (фан люэ), было опубликовано вскоре после того, как текст был одобрен императором, но, очевидно, доступ к нему долгое время ограничивался. Тем не менее члены Российской Духовной Миссии о нем знали, на что может указывать и подготовленная в середине XVIII в. А. А. Лентьевым подборка материалов «Сведения о делах Албазинских», которые вероятнее всего представляют собой переводы фрагментов «Описания усмирения русских»⁸.

Многие, особенно ранние переводы трудов по истории империи были выполнены с маньчжурского языка; наряду с другими работами членов Российской Духовной Миссии они составляют фундамент отечественной маньчжуристики. Как известно, большая часть официальных трудов издавалась в империи Цин на трех официальных языках — маньчжурском, китайском и монгольском, но, по крайней мере с конца XVII в., основная масса официальной документации империи (в том числе и официальные труды) составлялась китайскими учеными на китайском языке и только потом уже дублировалась на маньчжурском и монгольском. Довольно скоро монгольский язык, по-прежнему оставаясь официальным, утрачивает свои позиции в делопроизводстве. Явное предпочтение, которое члены миссии отдавали трудам на маньчжурском языке, требует объяснения, тем более, как правило, все они хорошо знали китайский язык и культуру императорского Китая и не могли не понимать, что маньчжурский язык не позволял адекватно передать китайский текст, поскольку там отсутствовал соответствующий понятийный аппарат. Очевидно, здесь многое определяло то, каким текстом располагал переводчик. Общаясь главным образом с чиновниками Палаты внешних сношений, члены Российской Духовной Миссии, видимо, именно через них получали доступ к офици-

альным трудам. А для внешнего мира, для народов-данников, делами которых занималась эта Палата, акцент на маньчжурских началах империи был очень важен.

Постепенно, наряду с продолжением активной переводческой деятельности, члены Российской Духовной Миссии начинают обращаться к самостоятельным исследованиям. Для их публикации создаются «Труды членов Российской духовной миссии» — первое и единственное русское дореволюционное издание, посвященное вопросам Китая. Среди прочих проблем истории империи Цин особое внимание члены Духовной Миссии уделили драматическим событиям XVII в., в ходе которых к власти пришли маньчжуры. За сравнительно короткий срок членами Миссии были подготовлены следующие труды по истории данного периода: три работы В. В. Горского — «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу»⁹, «Начало и первые дела маньчжурского дома»¹⁰, «У Саньгуй. Биографический очерк»¹¹, «События при падении минской династии» М. Храповицкого¹², «Политический переворот в Китае около половины XVII в.» О. М. Ковалевского¹³, «Известие о китайском, ныне маньчжуро-китайском государстве» архимандрита Софония (Грибовского)¹⁴, «Падение минской и начало маньчжурской в Китае царских династий или жизнь изменника Лиджичина» И. И. Каменского¹⁵, «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» В. П. Васильева¹⁶ и некоторые другие. Данная проблематика привлекла внимание членов Российской Духовной Миссии не случайно: именно здесь находились корни многих проблем, с которыми сталкивалась империя и в XVIII, и в XIX вв., а в китайском обществе еще жива была память о бедах, обрушившихся на страну в те годы. И в наши дни этот период рассматривается в науке как один из самых сложных, ему посвящается огромное число исследований как в Китае, так и за рубежом. В своей исследовательской работе члены Миссии опирались на труды цинских придворных историографов — лучший, наиболее информативный источник, которым располагали в то время специалисты по истории Китая.

К числу наиболее ярких трудов по ранней истории династии Цин относится упомянутое выше сочинения безвременно ушедшего студента 12-й миссии В. В. Горского (1819—1847); два из них составили основу первого тома «Трудов членов Российской духовной миссии». Остановимся на одном из них — «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу», которая, по нашему мнению, воплотила в себе некоторые важные особенности, присущие отечественному китаеведению XIX в.

Поставленные автором в этой статье проблемы — одни из центральных в ранней истории империи Цин. За 150 лет, прошедших со времени публикации труда В. В. Горского, они не

утратили своей актуальности и по-прежнему вызывают острые дискуссии в мировой синологии. Весьма примечателен избранный автором метод решения поставленных проблем — он делает это на основе критического анализа имевшихся в его распоряжении источников, а также работ предшественников.

По мнению В. В. Горского, характер содержащейся в официальных трудах версии происхождения рода Айсинь Гиоро, из которого вышли правители династии Цин, был предопределен огромной заинтересованностью властей в соответствующем освещении родословия правящего дома. Именно это, указывает автор, привело к тому, что официальная версия, появившись впервые сравнительно недавно, в 1636 г., с тех пор неоднократно перерабатывалась, обрстая все новыми очень важными деталями¹⁷.

Для В. В. Горского был очевиден мифический характер многих сообщаемых официальными трудами сведений о роде Айсинь Гиоро, причем, подчеркивает он, миф этот был в своей основе китайским, а не маньчжурским. «...Большая часть того, — пишет В. В. Горский, — чем позднейшие историки дополнили и украсили повесть об Айсинь Гиоро, оказывается мифическим: где истина или искажена, или подавлена, или даже совершенно вытеснена чуждыми (т. е. китайскими — Б. Д.) идеями, несродными ни месту, ни лицам саги...»¹⁸. В подтверждение данного обстоятельства автор приводит ряд весьма тонких наблюдений над действиями главных участников описываемых событий¹⁹. Таким образом, автор демонстрирует ясное понимание того бесспорного обстоятельства, что официальная версия была выдержана в традициях китайской политической культуры — обстоятельство принципиально важное, но до сих пор по достоинству не оцененное. О том же свидетельствовало и подмеченное В. В. Горским совпадение некоторых фрагментов повествования о происхождении основателя рода Айсинь Гиоро с тем, как китайская официальная историография освещала восхождение к власти основателей некоторых национальных династий. Так, он указывает, что рассказ о рождении Айсинь Гиоро довольно точно воспроизводит фабулу повествования Сыма Цяня о рождении основателей домов Инь (XVI—XI вв. до н. э.) и Цинь (221—207 гг. до н. э.)²⁰. Тем самым составители цинских официальных трудов ставили род Айсинь Гиоро в один ряд с основателями древних династий, что, конечно, имело исключительное значение для маньчжурской династии Цин. В. В. Горский сообщает, что в своем предисловии к «Исследованию происхождения маньчжоу» император Цяньлун специально подчеркнул, что начало дома Инь-Шан имеет удивительное сходство с началом рода Айсинь Гиоро.

Обращаясь к происхождению термина «маньчжоу», к которому восходит название народа и созданного им государства, В. В. Горский подверг критике версию о буддийских корнях

данного термина, получившую весьма широкое распространение в синологии и приверженцем которой был Я. И. Шмидт. Опираясь на данные источников, автор пришел к выводу о том, что данная версия возникла довольно поздно и научно несостоятельна. По мнению В. В. Горского, термин «маньчжоу» имеет древнее происхождение, он восходит к титулу, который якобы имел основатель правящего рода Айсинь Гиоро. Что же касается родословия правящего дома, то он, пишет В. В. Горский, «есть только возрождение и продолжение нюйчжэньского (чжурчжэньского — *Б. Д.*)», а Айсинь Гиоро — «один из потомков династии Гинь (*Цзинь — Б. Д.*)»²¹.

Разумеется, дать исчерпывающие ответы на поставленные им вопросы В. В. Горский не мог — их нет и в конце XX в. Но сделанная им работа, мысли, высказанные им по широкому кругу вопросов, своего значения не утратили, они по-прежнему привлекают внимание специалистов. Особенно важен продемонстрированный им в данной работе внимательный, но вместе с тем критический подход к использованным источникам, понимание сложного и противоречивого характера произведений цинских придворных историографов. Рассматриваемый труд содержит немало ценных и глубоких мыслей по данному предмету²².

В. В. Горский не был одинок в своем внимании к проблемам источниковедения, над ними размышляли и другие его коллеги и современники, изучавшие цинский Китай. Так, И. И. Захаров (1814—1885), чья работа была опубликована в «Трудах членов Российской духовной миссии» вместе с сочинениями В. В. Горского, анализируя причины неудач некоторых ученых в разработке китайской проблематики, приходит к поразительному для китаиста середины XIX в. выводу: они «делали выкладки по началам и правилам науки, образовавшейся в Европе из быта и состояния только новых европейских государств. Без сомнения, успех их был бы вернее, если бы они имели под руками лучших китайских авторов и полные официальные документы»²³. Сказано это было в связи с изучением народонаселения империи, однако значение данного замечания много шире: И. И. Захаров явно понимал невозможность плодотворного изучения Китая без глубокого понимания его специфики — принципиально важное положение, которое и в наши дни учитывается далеко не всеми синологами.

Особенно полно отмеченная тенденция получила развитие в трудах крупнейшего отечественного китаиста XIX в. В. П. Васильева, также прошедшего школу Российской Духовной Миссии. Он хорошо знал китайские источники и видел не только их достоинства, но и недостатки, обусловленные спецификой исторического описания в императорском Китае. Его трезвые суждения об этом предмете нередко квалифицировались как «гиперкритицизм». Однако углубленное изучение историографии старого

Китай, особенно активизировавшееся в последние годы, приносит все больше доказательств правоты В. П. Васильева, а не его оппонентов.

До середины XIX в. членами Российской Духовной Миссии был выполнен большой объем работы в области истории империи Цин. Приведенные примеры свидетельствуют о весьма высоком качестве их трудов: они, безусловно, находились на уровне мировой синологии того времени, а в ряде случаев и превышали его. Не случайно труды членов Российской Духовной Миссии сразу же привлекли внимание ученых, а некоторые из них не утратили своего значения и в наши дни, активно используются специалистами при разработке проблем ранней истории династии Цин. К сожалению, многое из сделанного членами Миссии оказалось в архивах и мало известно изучающим Китай, а опубликованное стало библиографической редкостью.

Общеизвестно, что трудами и заботами членов Российской Духовной Миссии в рассматриваемый период были заложены основы отечественного китаеведения, там выросла плеяда блестящих ученых, первым среди которых был отец Иакинф (Бичурин). Что же касается исторической его части, то свои истоки она берет из цинских штудий членов Миссии: интерес к более ранним этапам китайской истории пробудился в отечественном китаеведении позже.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

² Обстоятельное описание происхождения и состояния Манджурского народа и войска, осми знаменах состоящего (в шестнадцати томах).— СПб, изданием имп. Акад. наук, 1784. (перевод И. Россохина и А. Леонтиева).

³ «История о завоевании китайским ханом Канхием калхаского и элетского народа, кочующего в Великой Татари, состоящая в пяти частях», пер. И. Россохина, СПб, 1750. Рукопись, хранится в архиве АН СССР.

⁴ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 50—51, 67—69.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. М., 1972. С. 796. Eminent Chinese of the Ching Period. (1644—1912). Ed. by A. W. Hummel. Vol. 1, Washington, 1943, p. 283.

⁷ Русско-китайские отношения... С. 797. Имя переводчика в Сборнике указано неверно. Им был о. Иларий (М. Оводов).— Скачков П. Е. Указ. соч. С. 167, 435.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб, 1852. С. 189—244.

¹⁰ Там же. С. 1—187.

¹¹ Рукопись. См.: Скачков П. Е. Указ. соч. С. 425.

¹² Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. III. СПб, 1857. С. 1—102.

¹³ Журнал Министерства Народного Просвещения, 1840, ч. XXV, отд. 2. С. 132—167.

¹⁴ Чтения Московского общества истории и древностей Российских при Московском университете. 1861. Т. 1. С. 23—119.

¹⁵ Рукопись. См.: Скачков П. Е. Указ. соч. С. 402.

¹⁶ Годичный акт СПб университета за 1859. С. 83—157.

¹⁷ Определив официальную версию происхождения Айсинь Гиоро как сагу, В. В. Горский пишет, что она «первоначально не существовала в том виде, в каком она представляется в позднейших исторических сочинениях маньчжурской династии, что мифический элемент предания не есть произвольное создание народной фантазии, но следствие постепенно развившейся в потомках Айсинь Гиоро (т. е. маньчжурских правителях Китая — Б. Д.) необходимости или самолюбивого желания возвысить таинственное происхождение своего родоначальника, что постоянное возрастание саги есть произведение обстоятельств и идей, современных ее обнародованию». — См.: Труды. Т. I. С. 198.

¹⁸ Горский В. В. Указ. соч. С. 209—210.

¹⁹ В. В. Горский писал, что Небесные девы — подруги матери Айсинь Гиоро, расставаясь с нею, раскланиваются по-китайски, словно читали главу о вежливости из книги «Ли цзи». А сам Айсинь Гиоро, «явившись к трем фамилиям, начинает свою речь объявлением прозвания, как делают китайцы, а не имени, как это следовало бы коренному маньчжуру». — Горский В. В. Указ. соч. С. 208.

²⁰ Горский В. В. Указ. соч. С. 202—206. См. также: Сыма Цянь. Исторические записки. Т. I. М, 1972. С. 166. Т. II, М, 1975. С. 15. В наши дни на это обстоятельство обратил внимание Се Хун в своей статье «Фамилия и род Нурхаци» (Нурхачи ди синши хэ цзяши). — «Цин ши яньцзю тунсюнь». 1989, № 4. С. 1—5. Автор не упоминает каких-либо работ, где данный вопрос ставился прежде, из чего можно сделать вывод, что до недавнего времени китайская историография широко этот вопрос не обсуждала.

²¹ Горский В. В. Указ. соч. С. 232.

²² Современного исследователя не могут не привлечь характеристики, данные В. В. Горским некоторым из использованных им трудов. Так, оценивая «ши лу» (правдивые записи) — сочинения, которые некоторые современные ученые трактуют как первооснову всей историографии императорского Китая, В. В. Горский пишет: «... (это) история царствующего в Китае дома, история, которую пишет сама династия для славы своей в потомстве и которую она хранит от современников как государственную тайну». См.: Горский В. В. Указ. соч. С. 191. По указанным им самим причинам В. В. Горский не имел возможности познакомиться с текстом «ши лу» и в своих оценках опирался на косвенные данные. И тем не менее он сумел оценить их достаточно правильно. Понять специфику этих официальных трудов и учесть ее в своих исследованиях удастся далеко не всем современным историкам-китаистам, хотя они располагают не только текстом цинских «ши лу», но и специальными работами о сочинениях данного жанра.

²³ Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая. — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. I. СПб, 1852. С. 250.

А. М. Решетов:

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ ДЛЯ ЭТНОГРАФИИ

Каждая наука должна изучать свою историю, ибо только в этом случае есть возможность верно определить как традиции, так и основные направления ее развития на будущее. Такие за-

дачи стоят и перед этнографической наукой. В этом плане нельзя не отметить заслуги выдающегося советского ученого С. А. Токарева, создавшего наиболее полные исследования по истории отечественной этнографии¹.

Обращаясь к нашей истории, мы с большой благодарностью отмечаем вклад Русской Православной Церкви в развитие этнографической науки. Вполне уместно назвать здесь имя Вениаминова (Попова) Ивана Евсеевича (1797—1879) — русского ученого-этнографа, лингвиста, церковного деятеля, миссионера². Почетный член Московского университета и Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, видный деятель Русской Америки, священник Русской Православной Церкви, в конце жизни — митрополит Московский и Коломенский, автор первого русского монографического описания североамериканского населения, собиратель ныне уникальных собраний Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого в Ленинграде по культуре и быту этих народов. Своими исследованиями отец Иннокентий прославил русскую науку. За многогранную, в том числе и миссионерскую деятельность 6 октября 1977 г. он был причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

Это только один из многочисленных примеров плодотворного сотрудничества отечественной этнографической науки и Русской Православной Церкви. Значителен и вклад членов Российской Духовной Миссии в Пекине в этнографию.

Как хорошо известно, деятельность Российской Духовной Миссии в Пекине была многогранна, и самые разные ее стороны весьма интересны для нашей науки. Один из важных аспектов — Русская Миссия и православие в Китае, культура и быт албазинцев в историческом аспекте, основные направления их трансформации, формирование китайской православной общины в Пекине. Для этнографа это важный объект изучения, еще ожидающий своего исследователя.

Можно уверенно утверждать, что трудами членов Российской Духовной Миссии в Пекине были заложены прочные основы этнографического изучения народов Китая. Исполнительской фигурой предстает личность Никиты Яковлевича Бичурина (1777—1853), в монашестве о. Иакинфа, который по праву считается также крупным отечественным этнографом³. Глава 9-й духовной миссии о. Иакинф был блестящим знатоком китайского языка, владел также маньчжурским и монгольским языками, его знание Китая было всесторонним, энциклопедическим; поэтому по справедливости следует говорить о его вкладе в китаеведное языкознание, историю, географию, этнографию и т. д. Создавая свои труды, основываясь прежде всего на китайских классических первоисточниках, а также на личных наблюдениях, проникновении в китайскую действительность, познании китайских реалий, он сумел глубоко и разносторонне показать быт

и нравы китайцев и других народов этой страны, раскрыть специфику философских, этико-моральных и политических учений. Достаточно назвать его сочинения, чтобы понять и оценить, сколько он сделал в отечественной и мировой синологии применительно к этнографии. Он свершил столько, что сегодня нам кажется невероятным, как все это мог создать один человек. Словно это работал целый научно-исследовательский институт, состоящий из высококвалифицированных сотрудников. «Описание Пекина», «История первых четырех ханов из дома Чингизова», «История Тибета и Хухунора», «Описание Тибета в нынешнем его состоянии с картой дороги из Чэнду до Лхассы», «Описание Зюнгарики», «Описание монгольского народа», «Троеслово» (Саньцзянцзин), «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Статическое описание Китайской империи», «Китай в гражданском и нравственном отношении», «Религия ученых и ее обряды», «Земледелие в Китае», «Записки о Монголии. С приложением карты Монголии и разных костюмов», «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». . . И этот список можно было бы продолжать дальше⁴. Если попытаться охарактеризовать значение каждого из названных сочинений, а оно, несомненно, велико, то это заняло бы большое место и время. За свои труды Н. Я. Бичурин при жизни был удостоен несколько раз Демидовских премий. О его работах писали в отечественных и зарубежных изданиях. Он исследовал историю и этнографию китайцев, монголов, уйгуров, тибетцев, маньчжуров и т. д. В работах Н. Я. Бичурина мы впервые находим сведения о древних и современных народах Южного Китая. Его труды сохраняют непреходящее значение для науки сегодня. Именно поэтому в 1950—1953 гг. Институт этнографии АН СССР переиздал его трехтомное сочинение «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», под редакцией и с комментариями С. П. Толстова, А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. В 1960 г. в Чебоксарах была издана книга Н. Я. Бичурина «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии» (составители Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хван).

Современники о. Иакинфа, утверждая, что «история есть описание событий какого-либо народа с присовокуплением сведений о его нравах и обычаях, о его нравственной и гражданской образованности», признавали, что «ни один, может быть, из нынешних ориенталистов не вынес на свет из хаоса восточной литературы столько новых фактов, столько любопытных и важных сведений об истории Восточной Азии, как наш неутомимый синолог отец Иакинф»⁵. Он впервые сообщил о многих реалиях современной ему китайской жизни, впервые дал словарь так называемого русско-китайского наречия и т. д.

Увлеченный богатством и уникальностью китайских традиций и обычаев, вообще китайской литературой и историей,

о. Иакинф как бы открывал Китай своим современникам, отечественным и зарубежным. Труды его, содержавшие обилие новых сведений о стране и ее людях, затем долгие годы служили даже для специалистов настольными книгами. Своей энциклопедичностью они ценны для нас и сегодня, в том числе и для этнографического изучения народов Китая.

Трудно утверждать, что в составе коллекций МАЭ есть китайские вещи, приобретенные лично о. Иакинфом специально для музея, хотя исключать этого полностью нельзя, но он, несомненно, помогал П. Л. Шиллингу (барону фон Канштадту) в собирании китайских вещей во время их совместного пребывания в Кяхте. В дальнейшем эти китайские предметы из кабинета П. Л. Шиллинга вошли в состав уникальных коллекций МАЭ⁶.

Н. Я. Бичурин был хорошим художником⁷. Будучи в Китае, он сам делал зарисовки китайского быта, писал портреты китайцев, костюмы разных народов Китая, собирал аналогичные рисунки китайских художников. Альбомы, составленные из этих работ, хранятся ныне в Отделе редких рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина⁸. Они являются ценными этнографическими источниками.

Об о. Иакинфе написано много, и это справедливо, но все равно явно недостаточно. Стоило бы написать исследование об о. Иакинфе как об этнографе, ибо его вклад в изучение этнографии народов Восточной и Центральной Азии невозможно переоценить.

Очевидно, когда в науке появляются такие исполинские фигуры, как Н. Я. Бичурин, невольно «страдают» прежде всего его коллеги-современники и даже его предшественники и последующие поколения, как бы попадая в его тень. В порядке постановки вопроса о вкладе в этнографию членов Российской Духовной Миссии в Пекине следует сказать еще о некоторых из них. Выявить всех членов двадцати составов Миссии, отличившихся знанием культуры и быта народов Китая, — большая и сложная задача, для решения которой потребуются многие годы кропотливой работы многих поколений ученых, прежде всего в архивах, рукописных фондах, музеях и библиотеках.

В истории отечественной синологии хорошо известно имя первого русского китаеведа Иллариона Калиновича Россохина (1717—1761)⁹. По существу именно с него началось изучение Китая в России, китайского и маньчжурского языков. Участник 2-й Духовной миссии, затем драгомон Академии наук, И. К. Россохин много переводил, в том числе работы этнографического характера, например «Нравоучительные пословицы китайских учителей», «О чрезвычайном почтении родителей». В 1745—1750 гг. он перевел с маньчжурского языка «Историю о завоевании китайским ханом Канхием калхаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящую в пяти книгах»;

совместно с А. Л. Леонтьевым им выполнен перевод шестнадцатитомного «Обстоятельного описания происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящего». Можно утверждать, что И. К. Россохин часто бывал в Кунсткамере, где хранились китайские коллекции и книги. После большого пожара в Музее в 1747 г., когда погибла ценная коллекция предметов китайской культуры и быта, а также книги на китайском и маньчжурском языках, встал вопрос о посылке Ф. Елачича в Китай для восстановления утраченных коллекций. Решено было привлечь знатоков Китая и одновременно коллекций Кунсткамеры к составлению списков, которыми в Пекине руководствовался бы Ф. Елачич при отыскании и покупке китайских предметов. Среди таких лиц были и И. К. Россохин, который, в частности, составил реестр книг.

В состав 10-й миссии входил Захар Федорович Леонтьевский (1799—1874). Его дневник, частично сохранившийся, содержит интересные этнографические сведения. В газете «Северная пчела» под рубрикой «Этнография», например, в ноябре—декабре 1832 г. печатались материалы З. Ф. Леонтьевского о Китае. Но особо важное значение для этнографии представляют его собрания китайских вещей и рисунков. Кабинет китайских редкостей З. Ф. Леонтьевского пользовался широкой известностью в российской столице. В нем были собраны портреты, картины с изображением сцен частной жизни, карты, книги, различного рода вещи, весьма много платья, головных уборов, обуви, украшений, как мужских, так и женских¹⁰. В 1868 г. от коллежского советника З. Ф. Леонтьевского в МАЭ поступила в дар собранная им коллекция, она состояла из маньчжурских, корейских и китайских костюмов¹¹. Современники высоко оценивали вклад З. Ф. Леонтьевского в науку, ставя его имя в один ряд с крупнейшими синологами той поры. «Имея истинное, глубокое уважение к Клапроту, Абель-Ремюзу и нашему Тимковскому, можем, однако же, сказать, что навряд ли сведения сих господ о Китае могут быть столь значительны, столь обширны, как сведения вообще ученых членов наших Миссий, и в особенности о. Иакинфа, известного в литературном мире под светским именем Бичурина, — и также владельца теперь рассматриваемого нами кабинета...»¹².

Крупным знатоком Китая предстает иеромонах Аввакум (Дмитрий Семенович Честной, 1801—1866), участник 11-й Духовной миссии. Его глубоко интересовал китайский фольклор, им собраны «Китайские народные пословицы и поговорки», «Пекинские народные предания и поверья». Для этнографов немалый интерес представляют его заметки по истории монголов и о древних брачных обрядах маньчжуров¹³. Новые ценные сведения этнографического характера о быте китайцев зафиксировал также член 11-й миссии студент Алексей Иванович Кованько (1808—1870), который публиковал свои статьи под псев-

донимом Дэ-мин¹⁴. В 1841—1843 гг. он опубликовал в широко известном журнале «Отечественные записки» 10 статей под общим названием «Поездка в Китай», которые, вне всякого сомнения, являются и сегодня важным источником для изучения культуры и быта различных социальных слоев китайского общества. Вот одна из его ярких зарисовок жизни пекинских улиц: «От самых городских ворот и до подворья нашего, на каждом шагу встречались торгаши, разносчики и разные ремесленники, которые тут же на улице отправляли свои промыслы. Здесь продавцы платья под холстяным навесом, перебрасывая перед покупателями с особенной ловкостью товар из одной кучи в другую, во все горло и с удивительной скоростью назначают каждой вещи цену. Там в проходной харчевне засаленный китаец варит лапшу, рисовую кашу и мясо дохлых лошадей и верблюдов. Его подвижную кухню окружает толпа голодных, с жадностью вытаскивающих из котлов костяными лопатками и кусочки мяса, и лапшу, и пельмени, а хозяин вслух считает быстро и безошибочно глотки каждого из своих гостей. Подле него цирюльник публично скоблит бритвою лоснящуюся голову китайца, вычищает ему уши и подбирает в ноздрях волосы. За ним на деревянном подмостке уселся рассказчик, развернул перед собой длинный свиток и, подыгрывая на двух или трехструнной гитаре, нараспев горланит какую-нибудь историю; кругом его на скамейках сидят слушатели, и как только он их распотешит какую-нибудь удачною выходкою, — бросают ему мелкую монету. Здесь возвышается голос хозяина панорамы, который дико выкрикивает содержание своих картин, а в то время, когда переводит дух, колотит с оглушающим звоном в медные тарелки... Между всеми этими неподвижными группами шныряют мелкие разносчики со всякой всячиною. Иной продает игрушки, другой завитки из теста, жареные в масле, и хлебцы; третий тесемки, холст и ленты, иной соленые прикуски, и тому подобное. Нужно заметить, что китайские разносчики не кричат, подобно нашим, о своих товарах; вместо криков они дают знать о себе каждый особенным инструментом: так, продавец лент стучит в маленький бубен, цирюльник жужжит стальной пружиной, игрушечник бьет в медные тарелки»¹⁵.

Публикации А. И. Кованько вызвали живейший интерес в России и за рубежом. Так, в одном из журнальных обзоров отмечалось: «В виде писем излагает свое путешествие в Китай **один из почтенных наших хинезистов** (подчеркнуто мною — А. Р.), скрывающий свое имя под псевдонимом Дэмин. Четыре письма помещено в прошлогодних «Отечественных записках». Они весьма любопытны»¹⁶. Представляется, что это весьма высокая оценка личности автора как китаиста, если вспомнить, что в те годы творили Н. Я. Бичурин, З. Ф. Леонтьевский, Д. С. Честной и другие крупные ученые.

Еще о многих членах Российской Духовной Миссии в Пекине можно и должно говорить. Это, например, М. Д. Храповицкий, И. И. Захаров, Д. А. Пещуров, В. В. Горский, К. А. Скачков, В. П. Васильев, о. Гурий, о. Иннокентий и др. Но есть среди них тот, о ком здесь не сказать невозможно, — архимандрит Палладий — Петр Иванович Кафаров (1817—1878). Он провел в Китае 33 года, был в составе 12-й и возглавлял 13-ю и 15-ю миссии. Отличное знание китайского и других восточных языков, проницательный взгляд позволили ему собрать громадный и поистине оригинальный материал по культуре и быту народов Восточной и Центральной Азии, ввести в научный оборот новые классические китайские источники¹⁷. Его перу принадлежат такие различные по тематике исследования, содержащие в обилии этнографические сведения, как «Старинное монгольское сказание о Чингисхане», «Русское поселение в Китае в первой половине XIV в.», «Описание Манчжурии», «Описание Кореи» и т. д. Исключительный научный интерес представляют его исследования о китайцах-мусульманах (например, «Китайская литература мусульман»). В 1870—1871 гг. по поручению Русского Географического общества он совершил поездку из Китая в Маньчжурию и Амурско-Уссурийский край, в результате чего появились «Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска в 1870 г.» и «Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии». До сих пор сохраняет свою ценность составленный архимандритом Палладием совместно с П. С. Поповым двухтомный «Китайско-русский словарь», изданный в Пекине в 1888 г. Имя П. И. Кафарова, как и имена Н. Я. Бичурина, З. Ф. Леонтьевского и других выдающихся членов Российской Духовной Миссии в Китае, много сделавших для изучения этнографии народов Восточной и Центральной Азии, занимает по праву почетное место в истории отечественной науки¹⁸. Географическое общество удостоило его золотой медали.

Особо следует выделить деятельность профессиональных художников, включавшихся, начиная с 11-й миссии, в ее состав. Привлечение художников играло свою положительную роль, т. к. их живописные работы с натуры существенно дополняли описания ученых синологов, давали конкретное зрительное представление о реалиях китайского быта¹⁹. Первым таким художником в составе 11-й миссии был Антон Михайлович Легашев (1798—1865). Как отмечает П. Е. Скачков, художник перед отъездом в Китай получил от Академии художеств специальное наставление, в котором предписывалось: «изучать составление и употребление китайских водяных и других красок, во время дороги в Пекин рисовать в красках с натуры одежду, предметы быта, музыкальные инструменты, военное оружие, строения, животных, растения, цветы и плоды срисовывать тщательно, «чтобы на всяком предмете был верный и сходнейший... портрет того самого предмета». При зарисовках «разноплеменных народов»

в нарушение всяких академических правил, «принятых на основании характера древних греческих ваятельных произведений», обязательно сохранить свойственный каждому народу характер. В конце инструкции сказано о «снятии надписей, насеченных на камне и высеченных на монетах». Из инструкции следует, что задачей художника было **составление своеобразного этнографического альбома**²⁰ (подчеркнуто мною — А. Р.). К сожалению, творческое наследие А. М. Легашева монографически не изучено, чему есть объективные причины: оно разрознено по разным хранилищам, а порой еще и не выявлено. Весьма вероятно, что какая-то часть его утрачена. Однако хранящаяся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина серия офортов из китайского быта, «Портрет китайца Ко-Фосы» в Третьяковской галерее и др. с бесспорностью свидетельствует о значении его работ для этнографии. Известный искусствовед Г. Ю. Смирнов отмечал: «Легашев проявил себя в этом портрете не беспристрастным наблюдателем любопытных в этнографическом, антропологическом или историческом отношении черт, но художником внимательным к человеческой личности, к ее индивидуальным отличиям, к ее типичному и национальному своеобразию»²¹.

В составе 12-й миссии творил Кондратий Ильич Корсалин (1809 — после 1872), известный своей работой «Вид на загородный дворец в окрестностях Пекина», в 13-й — Иван Иванович Чмутов (1817—1865), наиболее представительными работами которого являются картина «За стенами Пекина» и рисунок — сцена из городского быта «Уличный цирюльник», в 14-й — Лев Степанович Игорев (1822—1893), прославившийся картиной «Китайские нищие на холоде». Произведения этих художников действительно представляют немалый интерес для этнографа в его научных исследованиях культуры и быта народов Китая. Картины и рисунки, выполненные художниками — членами Миссии в Китае, впервые широко знакомили русскую общественность с Китаем, его богатой природой и особенностями быта народов этой страны. Надо подчеркнуть и высокий уровень профессионального мастерства этих художников — не случайно очерк об их творчестве нашел достойное место в обобщающей работе о жизни и творчестве художников середины XIX в.²² Их произведения представлены в крупнейших художественных собраниях страны: Третьяковской галерее и Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, в Русском музее в Ленинграде, а также в Петербургской Духовной Академии, других собраниях и хранилищах.

Нельзя не упомянуть здесь о рисунках, выполненных китайскими художниками по заказу членов миссии и привезенных последними в Россию. Часть их публиковалась в свое время в прессе, знакомя широкие слои общественности с бытом народов Китая. Ныне хранящиеся в различных музеях и учрежде-

ниях, эти рисунки сохраняют непроходящее значение для этнографической науки при изучении изменений традиционной китайской культуры.

Следует также подчеркнуть, что пребывание и активная деятельность художников — членов Миссии в Китае способствовала росту популярности самой Миссии. Они писали портреты и картины для китайских сановников, которые с удовольствием принимали такие подарки.

В меньшей степени содействовала известности Миссии деятельность врачей, также входивших в состав членов Миссии²³. Врачи Миссии Осип Павлович Войцеховский (1793—1850) и Порфирий Евдокимович Кириллов (1801—1864) охотно лечили китайцев, к ним обращались за помощью даже представители высшего маньчжурского чиновничества, работавшие при императорском дворе. Авторитет этих врачей у местных жителей был исключительно высок, в знак уважения и признания их заслуг им преподнесли почетные доски. На доске, поднесенной О. П. Войцеховскому, написали четыре иероглифа: «Чан Сан мяо шу» («Прекрасное лечение подобно лечению знаменитого врача древнего Китая Чан Сана»). Хотя и О. П. Войцеховский, и П. Е. Кириллов мало занимались китайской медициной, отличное знание китайского языка (не случайно после возвращения на родину О. П. Войцеховский занял место заведующего кафедрой китайского языка в Казанском университете!), образа жизни, обычаев и нравов китайцев в конце концов приводили к стремлению глубже познакомиться с полезными для здоровья растениями, разобраться в их лечебных свойствах. О. П. Войцеховский составил маньчжурско-китайско-русский словарь, в котором широко была учтена лекарственная лексика, занимался он и этноботаническими сборами. В привезенном в Россию П. Е. Кирилловым гербарии большое место заняли лекарственные растения — свидетельство его занятий как этноботаникой, так и этномедициной. Именно это обстоятельство вдохновляло П. Е. Кириллова предпринять попытку интродукции чая в России: привезя домой чайный куст и семена, он доказал возможность разведения этой культуры у нас в стране, но эта попытка, к сожалению, не нашла тогда продолжения.

Еще активнее в научном отношении была деятельность врача 12-й миссии Алексея Алексеевича Татарина (1817—1876). Превосходно овладев китайским языком (настолько, что по возвращении на родину получил назначение переводчиком Азиатского департамента!), он начал старательно изучать китайскую медицину, читать медицинские трактаты. Как и его предшественники, он пользовался у местного населения большим уважением, снискал себе громадный авторитет как пропагандист китайской народной медицины. Он придерживался высокого мнения о достижениях китайской медицины и утвер-

ждал: «Весьма замечательно, что китайский врач, несмотря на разницу своей теории о медицине от теории европейской, если не всегда, то, смело могу сказать, очень часто достигает той же цели, какой, может быть не всегда, достигает европеец»²⁴. А. А. Татаринов является автором ряда опубликованных научных работ, в том числе «Китайская медицина», «Медицина и врачи в Китае» и др.

Из приставов, сопровождавших миссии в Китай и обратно, наиболее известны в науке Е. Ф. Тимковский, М. В. Ладыженский и Е. П. Ковалевский. Пристав 10-й миссии Егор Федорович Тимковский был человеком образованным, состоял в близких отношениях с Н. Я. Бичуриным и много помог тому в трудное для него время. Он широко известен как автор трехтомной работы «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах», переведенной в дальнейшем на французский, английский, польский, немецкий и голландский языки. Это сочинение представляет и сегодня немалый научный интерес своими ценными наблюдениями, а также включением в текст фрагментов переводов, выполненных с китайского Н. Я. Бичуриным о Восточном Туркестане, Тибете и Монголии. В Китае Е. Ф. Тимковский собрал и предложил в Петербурге Публичной библиотеке большое число рисунков этнографического содержания.

Пристав 13-й миссии Егор Петрович Ковалевский (1809—1868) — опытный литератор, путешественник, дипломат, неоднократно бывал в разных частях Китая, довольно хорошо знал эту страну и народы, ее населявшие. Он также создал по итогам своей поездки в Китай в составе Миссии книгу в двух частях «Путешествие в Китай», весьма доброжелательно принятую читателями и критикой²⁵.

Исключительно плодотворной для науки, особенно для этнографии, явилась поездка в Китай в качестве пристава 11-й миссии полковника Генерального штаба Михаила Васильевича Ладыженского. Его стараниями были приобретены в Китае и принесены в дар МАЭ две коллекции, ныне являющиеся украшением китайского собрания этого старейшего русского государственного музея²⁶. Наряду с предметами материальной культуры и культа он собрал большую и интересную с научной точки зрения коллекцию рисунков китайских художников с изображением строений, пекинских улиц, а также свидетельств быта и т. д. Частично сохранившиеся дневниковые записи М. В. Ладыженского, которые он делал в Китае, печатались в различных изданиях в 1907—1916 гг. (к сожалению, не полностью)²⁷.

Особо следует отметить публикацию «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине», в которых помещались ценные этнографические работы, в том числе творения инициатора этого издания П. И. Кафарова. В дальнейшем миссией в течение длительного времени выпускался «Китайский благо-

вестник», в котором увидели свет многие работы этнографического содержания, принадлежащие перу членов Миссии. В этой связи нельзя не отметить научную деятельность участника 14-й миссии иеромонаха Александра (Кульчицкого) (1823—1888). Его особо интересовали китайские обряды, религии и суеверия. В 1862 г. он написал статью «Брак у китайцев», опубликованную в «Китайском благовестнике» только в 1907—1909 гг., но затем вышедшую и отдельным изданием. В рукописном виде остались такие его творения, как «Книга чар и заклинаний», «О китайском финише», «Записки по религиозно-народным обрядам и суевериям», однако их местонахождение теперь неизвестно.

Работы членов Российской Духовной Миссии в Пекине способствовали не только этнографическому изучению народов Китая, но и оказали большое влияние на процессы зарождения отечественного этнографического востоковедения. Так, сегодня можно с уверенностью утверждать, что у истоков русского этнографического японоведения в XVIII в. стоял участник 2-й миссии И. К. Россохин. Именно он в 1744 г. в Петербурге перевел с китайского «Краткое известие о жывенном государстве, то есть Японском, которое переведено из китайской генеральной географии, называемой И Тун джы»²⁸. Этот труд — отрывок из сочинения «Дай-цин-и-тун-чжи» («Географическое и историческое всего китайского государства описание») представляет собой первый, выполненный с китайского на русский язык перевод сведений о Японии. В нем излагается следующая версия о происхождении японцев: в древности, известные под названием вону, они были одним из китайских родов, переселившихся с материка на острова; как всегда в аналогичных источниках, есть здесь утверждение о принесении переселенцами дани Китаю. Только в VII в., при династии Тан, они получили название «жыбэнь». Источник знакомит читателей с основными занятиями японцев, их образом жизни, одеждой, играми, этикетом и т. д.

В данном обзоре лишь намечены основные направления деятельности членов Российской Духовной Миссии в Пекине, в общем виде характеризуется их вклад в отечественную этнографическую науку. Рамки статьи не дают даже простой возможности перечислить имена всех членов двадцати составов духовной миссии, от участников 1-й миссии (1716—1728 гг.) во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским) (1657—1717) до начальника последней, 20-й миссии (1933—1956) архиепископа Виктора (1893—1966), трудившихся в Китае свыше 275 лет²⁹, в частности, на ниве отечественной востоковедной, в первую очередь — синологической этнографии. Если даже руководствоваться голько работами П. Е. Скачкова³⁰, «Трудами членов Российской духовной миссии в Пекине», «Китайским благовестником»³¹ то можно было бы дополнительно назвать еще десятки

имен и сотни названий различного характера публикаций. Конечно, еще ждут своего исследователя материалы хранилищ рукописей, архивов, музейных собраний, прессы. Эта работа должна планомерно продолжаться совместными усилиями исследователей, работающих в различных государственных и церковных научных учреждениях. В новых условиях должны быть определены направления постоянного научного сотрудничества академической, вузовской и церковной науки. Несомненно, одно из таких направлений — всестороннее изучение деятельности Российской Духовной Миссии в Китае, научные заслуги которой и поныне вызывают уважение, восхищение и преклонение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., прежде всего, Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.

² О значении работ о. Иннокентия для этнографии подробнее см.: Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф. — Труды Института этнографии АН СССР. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 294—314; Арсеньев А. А. Этнографическое наследие И. Е. Вениаминова. — Советская этнография, 1979, № 5. С. 76—89.

³ О Н. Я. Бичурине см.: Тихвинский С. Л., Пескова Г. Н. Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин (к 200-летию со дня рождения) — Новая и новейшая история, 1977, № 5. С. 146—159; Мясников В. С. Творческое наследие Н. Я. Бичурина и современность. — Проблемы Дальнего Востока, 1977, № 3. С. 167—177.

⁴ Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960; Козин С. А. О некоторых работах Иакинфа Бичурина. (По материалам архива Азиатского Музея). — Изв. АН Л., 1929, № 5. Отделение гуманитарных наук. С. 399—412; Чугуевский Л. И. Бичуринский фонд в Архиве Института востоковедения. — Проблемы востоковедения, 1959, № 5. С. 136—147.

⁵ Сенковский О. И. Собр. соч., т. V. СПб. С. 105.

⁶ Крупнейший дореволюционный исследователь истории МАЭ и его хранитель Ф. К. Руссов отмечал поступление в Музей китайских коллекций в 1840 г. из собрания барона П. Л. Шиллинга фон Канштадта и в 1842 г. из собраний русской православной миссии в Пекине. См.: Материалы для истории этнографических и антропологических коллекций императорской Академии наук. Составил и сообщил Ф. К. Руссов. — Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии Наук. Т. I, вып. 1. СПб, 1900. С. 27—28.

⁷ Нестерова Е. В. Автопортрет в китайском костюме. — Искусство Ленинграда, 1900, № 5. С. 58—63; Она же. К вопросу об авторстве портрета Н. Я. Бичурина. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 23-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Доклады и сообщения. Ч. I. М., 1990. С. 70—76.

⁸ См., например, шифры Дорн 803/1, 803/2. В воспоминаниях внучки о. Иакинфа Н. С. Моллер рассказывается: «...о. Иакинф составил 49 иллюминированных рисунков китайских, манчжурских, монгольских, корейских и туркестанских костюмов мужчин и женщин. Это собрание пожертвовано в 1824 г. по высочайшему повелению государя императора, в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге» (Моллер Н. С. Архимандрит Иакинф Бичурин. Воспоминания его внучки. — Русская старина. СПб, 1888, № 8. С. 274).

⁹ Об И. К. Россохине и других синологах, работавших в разных составах Духовной Миссии в Пекине, подробнее см.: Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

¹⁰ Путешествия. Кабинет китайских редкостей, принадлежащий З. Ф. Леонтьевскому, члену смененной ныне Российской миссии в Китае.— Северная пчела, 19, 20 и 22 августа 1832; Васильева О. В. Собрание китайских рисунков З. Ф. Леонтьевского.— Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг ГПБ. Сборник научных трудов. Л., 1988. С. 83—90.

¹¹ МАЭ. Опись № 75. Регистровал в 1912 г. А. И. Иванов.

¹² Северная пчела, 19 августа 1832.

¹³ Живые зарисовки портрета о. Аввакума, большого знатока Китая и доброго человека, дает И. А. Гончаров. Подробнее см.: Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Л., 1986.

¹⁴ Об этом см.: Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды по Монголии и Китаю первой половины XIX в.— Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. I. М., 1977. С. 35; Боград В. Э., Рифтин Б. Л. Русский Китаевед Дэмин, его «Поездка в Китай» и перевод из «Сна в Красном тереме».— Народы Азии и Африки, 1983, № 6. С. 78—87.

¹⁵ Отечественные записки, СПб, 1842, № 12. «Смесь». С. 88.

¹⁶ Русский вестник, 1842, № 3, отд. IV. С. 38.

¹⁷ О научной деятельности П. И. Кафарова подробнее см.: П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. Ч. 1—3, М., 1979.

¹⁸ Токарев С. А. Указ. соч.

¹⁹ Произведения художников являются ценным этнографическим источником. Подробнее см.: Решетов А. М. Произведения русских художников XVIII—начала XX в. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (к постановке вопроса).— Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 177—189.

²⁰ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 147.

²¹ Смирнов Г. Ю. А. М. Легашев, К. И. Корсагин, И. И. Чмутов, Л. С. Игорев.— Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века. М., 1958. С. 546.

²² Подробнее см.: Смирнов Ю. Г. Указ. соч. С. 541—566.

²³ Подробнее см.: Скачков П. Е. Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине.— Советское Китаеведение, 1958, № 4. С. 142—144.

²⁴ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 153.

²⁵ Автором одной из пространных рецензий был известный педагог К. Д. Ушинский. См.: Современник, 1853, т. XI, № II. С. 39—48; О Е. П. Ковалевском подробнее см.: Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.

²⁶ Обе коллекции поступили в 1881 г. и зарегистрированы в МАЭ под № 667 (свыше 1000 предметов) и № 683 (свыше 70 предметов). Регистровал Б. Ф. Адлер.

²⁷ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 331.

²⁸ Данная рукопись хранится в Центральном Государственном Архиве древних актов в Москве. Подробнее о ней см.: Куликова А. М. Зарождение японоведения в России в XVIII в.— Народы Азии и Африки, 1990, № 4. С. 102.

²⁹ Как известно, в самой миссии датой ее основания считался 1685 г.

³⁰ Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960; он же. Очерки истории русского Китаеведения. М., 1977.

³¹ Оба этих издания заслуживают специального изучения. Они сыграли большую роль как в жизни миссии и православной общины в Пекине, так и в стимулировании научной деятельности членов миссии. Подробнее см.: Петров В. Российская Духовная Миссия в Китае. Вашингтон. 1968.

ИЗУЧЕНИЕ МАНЬЧЖУРСКОГО ЯЗЫКА В ПЕКИНСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

С установлением торговых и дипломатических отношений между Россией и цинским Китаем русские начали изучать маньчжурский язык. В пограничных переговорах и караванной торговле участвовали переводчики-толмачи, обычно знавшие китайский, маньчжурский и монгольский языки. Необходимость знания трех языков была связана с тем, что в XVII—XIX вв. все официальные документы оформлялись на этих языках. На китайском языке говорило основное население Китая. Официальным языком империи считался маньчжурский, и он использовался на дипломатических переговорах. Монгольский язык являлся посредником в политических сношениях между Россией и Китаем, и на нем дублировались все документы, отправлявшиеся через Ургу в собственно Китай. Как отмечает П. Е. Скачков, «особенность русского китаеведения заключалась в том, что на первых порах одинаковое значение имели китайский, маньчжурский и монгольские языки... При чем маньчжуроведческие исследования, например, на первом этапе становления китаеведения как науки сыграли большую роль»¹.

Историю дореволюционного маньчжуроведения, по-видимому, можно разделить на три основных этапа:

1. Начало XVIII в. — 1855 г. Изучение маньчжурского языка студентами и сотрудниками Пекинской Духовной Миссии.

2. 1855—1899 гг. Маньчжуроведение в стенах Казанского и Петербургского университетов.

3. 1899—1920 гг. Деятельность ученых и преподавателей Восточного института во Владивостоке.

В данном обзоре мы остановимся на характеристике первого и частично второго этапов, поскольку маньчжуроведение в Восточном институте представляет собой отдельную тему.

Основная заслуга в создании русского маньчжуроведения принадлежит членам Пекинской Духовной Миссии. Со дня основания (1715) до Тяньцзиньского договора (1858) Российская Духовная Миссия выполняла светские дипломатические функции и служила помощником в деле сношений России с Китаем. Ее сотрудники должны были изучать китайский и маньчжурский языки. Кяхтинским трактатом 1727 г. в рамках Миссии была предусмотрена организация группы русских студентов из шести человек для всестороннего изучения Китая, китайского и маньчжурского языков. По выражению И. И. Захарова, из состава Пекинской Духовной Миссии вышли «великие знатоки маньчжурского языка»², создавшие ряд ценнейших словарей, грамматик, исследований по маньчжурскому языку, литературе, культуре. Ими были сделаны переводы основных маньчжурских

памятников, большинство из которых, к сожалению, остались в рукописи.

Из состава первых миссий особенно выделились И. К. Россохин, А. М. Владыкин, А. Л. Леонтьев, С. П. Липовцов, П. И. Каменский, З. Ф. Леонтьевский, о которых С. Кулинг сказал, что «русские были первыми европейцами, серьезно изучавшими маньчжурский язык»³.

Илларион Калинович Россохин (1707—1761)⁴ считается первым русским китаеведом, положившим начало изучению Китая, китайского и маньчжурского языков. Он был студентом второй и третьей Духовной Миссии (1729—1741). За это время И. К. Россохин в совершенстве овладел обоими языками и переводил тексты на русский язык. Кроме этого он преподавал в русской школе при Миссии, где обучал китайцев и маньчжур русскому языку по грамматике М. Г. Смотрицкого, переведенной им на маньчжурский язык вместе с маньчжуром Фулэхэ. В Рукописном отделе ЛО ИВ есть текст рукописи «Оросламэ убалямбуха ойонго бабэ тучибухэ иони битхэ», состоящей из 14 тетрадей⁵.

По возвращении из Китая Россохин был назначен переводчиком при Академии наук. И. К. Россохин был первым в России, и вообще в Европе, преподавателем маньчжурского и китайского языков в школе, организованной им при Академии наук. Эта школа просуществовала 10 лет. В качестве учебного пособия по маньчжурскому языку И. К. Россохин пользовался своим переводом маньчжурской грамматики Шоу Пина «Цинвэнь кимэн» («Начальное обучение маньчжурскому языку»), изданной в Китае в 1730 г. Это был первый перевод маньчжурской грамматики на европейский язык, ее английский перевод появился лишь в 1855 г.⁶ Сама грамматика Шоу Пина была первым маньчжурским лингвистическим текстом, на основе которого как китайцы, так и европейцы изучали маньчжурский язык, считая ее обязательным пособием. В Отделе рукописей БАН под шифром 32.6.17 хранится перевод четвертой тетради грамматики Шоу Пина «Школьные простые манджурского и китайского языков разговоры. 1730 г.» В предисловии И. К. Россохин пишет, что это сочинение «моего приятеля Шоу Пина саньшэна на манджурском языке», им же переведенное на китайский язык⁷.

Работая в Пекине, а затем в Петербурге, И. К. Россохин сделал большое количество переводов китайских и маньчжурских исторических произведений, документов. В 1739 г. он начал перевод с маньчжурского 16-томного «Обстоятельного описания происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего», в работе над которым ему помогал А. Л. Леонтьев.

Алексей Матвеевич Владыкин, также как и И. К. Россохин, был студентом при 2-й и 3-й миссиях (с 1731 по 1746 г.), где он

вместе с А. Л. Леонтьевым начал работу над маньчжурско-китайско-русским словарем, над которым впоследствии трудились студенты следующих миссий.

Учеником 3-й миссии (1736—1743) был Алексей Леонтьевич Леонтьев (1716—1786), пробывший в Пекине и во время 4-й миссии до 1754 г. После возвращения в Россию он служил переводчиком при Государственной коллегии иностранных дел. Еще в Пекине А. Л. Леонтьев составил русско-маньчжурско-китайский разговорник, ныне хранящийся в Архиве ЛО АН⁸. В 1762 г. он завершил перевод «Обстоятельного описания происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего», начатый еще И. К. Россохиным, и подготовил его к изданию. За этот большой труд, опубликованный в 1784 г., А. Л. Леонтьев был представлен к чину губернского секретаря и награжден денежной премией⁹.

В 1762 г. по предложению А. Л. Леонтьева была открыта школа китайского и маньчжурского языков, в которой он обучал студентов Петербургской Духовной Семинарии. Школа просуществовала недолго, поскольку уже в 1767 г. А. Л. Леонтьев вместе с одним из учеников был направлен в Кяхту для урегулирования пограничных споров. По возвращении в Петербург в 1769 г. он активно занимался переводами с китайского и маньчжурского языков, в числе которых первый перевод «Сышу гай» («Четверокнижье с толкованиями», 1780), и «Тайцин гурунь и ухэри кооли» («Все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства в трех частях», 1781—1783). «Ценность трудов Леонтьева, — пишет П. Е. Скачков, — заключается не только в обширной и многообразной тематике переводов, но и в попытках осмыслить многие явления китайской действительности в примечаниях и комментариях, иногда весьма пространных, показывающих широкое знание китайской литературы и глубокие познания в различных сторонах жизни цинского Китая»¹⁰.

Среди учеников 7-й миссии (1781—1794) были Антон Владыкин, Алексей Попов, Егор Солертовский. Их ученические переводы исторических, медицинских и других текстов с маньчжурского и китайского языков, также как и записи студентов 8-й миссии, П. Каменского и С. Липовцова, хранятся в Архиве востоковедов¹¹.

Самым выдающимся маньчжуроведом этого поколения явился Антон Григорьевич Владыкин (1757—1812), известный своей преподавательской и переводческой деятельностью. В 1798—1801 гг. при Коллегии иностранных дел существовала организованная А. Владыкиным школа переводчиков. В помощь изучающим маньчжурский язык он составил ряд словарей и грамматик. В его рукописном наследии, в настоящее время хранящемся в Архиве востоковедов ЛО ИВ, имеются «Словарь

маньчжурский с российским и китайским» в четырех тетрадах; «Маньчжурский лексикон, переведенный Антоном Владыкиным»; «Руководство для учащихся маньчжурскому языку с приложением двух книжек первого класса: 1. сань дзы-цзин, 2. мин-сянь-дзы, переведенные с маньчжурского языка А. Владыкиным. 1805 г.»; «Краткая маньчжурская грамматика в пользу Российского юношества, сочиненная А. Владыкиным. 1804 г.»; «Маньчжурская азбука в пользу Российского юношества, сочиненная А. Владыкиным в Санкт-Петербурге. 1804 г.» и многие другие работы¹².

Павел Иванович Каменский (в монашестве Петр) (1765—1845) в течение 20 лет прожил в Пекине сначала в качестве причетчика 3-й миссии, затем студента 8-й миссии (1794—1807), а позже как начальник 10-й миссии (1821—1831). В маньчжуроведении П. И. Каменский известен не только своими многочисленными переводами с маньчжурского языка, но и как составитель пятиязычного китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского словаря. Словарный материал был расположен по темам, что затрудняло работу с ним, и для практического использования он был неудобен. Это была одна из основных причин, из-за которых словарь так и не был издан.

Работа над переводами П. И. Каменского была продолжена С. В. Липовцовым. Степан Васильевич Липовцов (1770—1841), ученик 8-й миссии, считался одним из лучших маньчжуристов того времени. Он составил «Маньчжурский букварь», маньчжурско-китайско-русский словарь, перевел с маньчжурского большое количество исторических документов. С его именем связан и перевод на маньчжурский язык Нового Завета. В Рукописном отделе ЛО ИВ под шифром С-20 маньчжурского фонда хранится рукопись перевода, который был заказан С. В. Липовцову английскими миссионерами, так как среди них не было знатоков маньчжурского языка, способных в то время осуществить эту работу. Перевод был отпечатан литографским способом в С.-Петербурге в 1835 г. и является единственным переводом Евангелия на маньчжурский язык.

Захар Федорович Леонтьевский (1799—1874) был студентом 10-й миссии и в Пекине с большим рвением занимался изучением китайского и маньчжурского языков. В основном З. Ф. Леонтьевский известен как китаист. Его важнейшим трудом в области маньчжуроведения является 15-томный китайско-маньчжурско-латинско-русский словарь, составленный по ключам. В основе словаря лежит большое количество китайских лексиконов и его собственные наблюдения над языком. Этот словарь по обилию материала и системе его расположения выгодно отличался от словаря Каменского и мог бы быть хорошим подспорьем для китаистов и маньчжуристов. Однако, как и многие переводы и труды З. Ф. Леонтьевского, словарь остался в рукописи и сейчас хранится в Архиве ЛО ИВ АН СССР¹³.

В составе 10-й миссии врачом работал Осип Павлович Войцеховский (1792—1850). Занимаясь врачебной деятельностью, он находил время для занятий языками. По возвращении в Россию в 1831 г. О. П. Войцеховский был назначен врачом Азиатского Департамента в Петербурге. Однако в 1841 г. он был приглашен в Казанский университет на должность заведующего китайско-маньчжурским отделением впервые открывшейся кафедры маньчжурского языка.

На занятиях со студентами О. П. Войцеховский читал маньчжурские тексты «Цинвэнь кимэнь» («Начальное обучение маньчжурскому языку»), «Амба тачинь» («Великое учение»), сопровождая их грамматическими комментариями. В это же время он составил «Грамматические правила маньчжурского языка, доселе никем не изложенные». Для чтения текстов О. П. Войцеховский использовал составленный им самим китайско-маньчжурско-русский словарь, работу над которым он начал еще в Пекине, продолжил в Петербурге и закончил в Казани. Этот трехтомный словарь при жизни автора был приобретен библиотекой Казанского университета. В настоящее время сохранился лишь 51 лист этого сочинения¹⁴.

Среди студентов 11-й миссии (1830—1840) наибольшее внимание маньчжурскому языку уделял Григорий Михайлович Розов (1808—1853). В Архиве востоковедов имеется перевод с маньчжурского «Истории дома Цзинь, царствовавшего в Северной части Китая с 1114 по 1233-й год» (разряд I, оп. I, № 3). Перевод Розова «Цзинь ши» был первым переводом этого сочинения на европейские языки, однако, как и труды многих маньчжуроведов, он остался неопубликованным. Сохранилась также и неизданная рукопись Розова в 83 листа «Грамматики маньчжурского языка (разряд I, оп. 2, № 29).

При 12-й миссии (1840—1849) находились студенты В. В. Горский (1819—1847), И. И. Захаров (1814—1885) и прикомандированный магистр В. П. Васильев (1818—1900), впоследствии прославившиеся своими трудами по маньчжуроведению.

Среди многочисленных занятий и увлечений В. В. Горского были и исследования по истории маньчжурского народа. В 1852 г., уже посмертно, были опубликованы его переводы «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу» и «Начало и первые дела маньчжурского дома»¹⁵.

В Пекине начали свои переводы и составления маньчжурских учебников В. П. Васильев и И. И. Захаров. Занятия маньчжурским языком во время 10-летнего пребывания в Пекине помогли В. П. Васильеву стать первоклассным преподавателем

сначала в Казанском университете, а затем в Петербургском, где В. П. Васильев преподавал маньчжурский язык в течение 12 лет. Ему пришлось самому разработать программу занятий, в которую входили лекции по грамматике, чтение маньчжурских оригинальных и переводных текстов. В помощь студентам В. П. Васильев составил «Маньчжурскую хрестоматию»¹⁶ и «Маньчжурско-русский словарь»¹⁷. «Маньчжурская хрестоматия» явилась первым опубликованным в России учебным пособием по маньчжурскому языку. В ней дан оригинальный маньчжурский текст без китайской версии и перевода и представлены образцы различных стилей маньчжурской речи. При чтении хрестоматии и других маньчжурских текстов студенты пользовались составленным В. П. Васильевым маньчжурско-русским словарем. По определению Б. К. Пашкова, «словарь содержит наиболее употребительные слова из маньчжурского словарного состава, отличается точностью значений и в этом отношении далеко превосходит трехтомный маньчжурско-французский словарь Амио (Amiot J, Grammaire tartare — mantchou. 1788), страдающий крайней неопределенностью значений и мало пригодный к употреблению»¹⁸. В словаре Васильева слова расположены по русскому алфавиту, но внутри каждого раздела гнездовые слова помещены в маньчжурском порядке. Долгое время хрестоматия и словарь В. П. Васильева были единственными легкодоступными пособиями по изучению маньчжурского языка.

В 1868 г. осуществилось давнее желание руководства Восточного факультета Санкт-Петербургского университета иметь особого преподавателя маньчжурского языка. По представлению В. П. Васильева на эту должность был избран драгоман Министерства иностранных дел И. И. Захаров, бывший ученик 12-й Пекинской Духовной Миссии. В Пекине он занимался преимущественно маньчжурским языком, но хорошо овладел и китайским. Тогда же он начал составление маньчжурско-русского словаря, работа над которым длилась более 20 лет. Говоря о практической значимости словаря, В. П. Васильев и И. П. Минаев указывали: «Словарь г. Захарова доступен всем, потому что в нем к маньчжурскому тексту присоединено и русское чтение; он превосходит упомянутые выше лексиконы (словари Амио и Габаленца — *Т. П.*) своею полнотою, и можно поручиться, что в нем не пропущено ни одно маньчжурское слово, ни одно его разнообразное значение со всеми оттенками. Определение слов отличается особенною точностью и в нужных случаях сопровождается подробным описанием неизвестного предмета или объяснениями, относящимися к истории, обычаям и нравам народа. Это последнее обстоятельство делает его драгоценным сокровищем не для одного лингвиста, но и для этно-

графа и археолога»¹⁹. Словарь составлен на основе большого количества китайско-маньчжурских словарей, росписи текстов и с учетом лексикографических работ Г. М. Розова и В. П. Васильева. Материал расположен по двенадцати разрядам маньчжурского алфавита. Словарь до сих пор является незаменимым пособием при чтении различных маньчжурских текстов и изучения маньчжурского языка. За эту работу Русское Географическое общество наградило И. И. Захарова высшей наградой общества — Константиновской медалью, оценив словарь следующим образом: «обширный многолетний труд г. Захарова составляет явление первостепенной важности для практического и научного знакомства с маньчжурским языком, а также для изучения народного быта Маньчжурии, что он положительно оставляет за собою все иностранные попытки на этом поприще, несомненно приводит к новым и важным научным результатам и тем приносит высокую честь русской науке»²⁰.

В 1879 г. И. И. Захаров издал другой не менее значительный труд по маньчжурскому языку — «Грамматику маньчжурского языка». Грамматика состоит из введения, маньчжурского письма и произношения и основной части — морфологии. Автор не успел опубликовать предполагаемую часть — синтаксис, а рукопись ее оказалась утерянной. Тем не менее «Грамматика» И. И. Захарова до сих пор является единственным пособием на русском языке, которым пользуются и в настоящее время.

Из преподавателей русских университетов XIX в. И. И. Захаров был последним маньчжуроведом, начавшим свою научную работу в стенах подворья Пекинской Духовной Миссии. Все маньчжуристы позднего периода воспитывались на Восточном факультете Петербургского университета и других учебных заведений России и стажировались при дипломатических представительствах России в Китае или консульских школах²¹.

Студенты и сотрудники Пекинской Духовной Миссии были первыми, кто познакомил русское общество с историческими и идеологическими текстами, переведенными с маньчжурского языка. Как отмечает М. П. Волкова, «работа над первыми переводами маньчжурских сочинений на русский язык, составление первых многоязычных словарей и пособий для изучения маньчжурского языка сопровождалась детальной разработкой и освоением политической, административной, лингвистической терминологии этого языка. Тогда же ученые подготовили необходимые источники для последующих научных исследований»²².

Благодаря их неустанной деятельности были собраны ценнейшие коллекции маньчжурской литературы, материалы по истории, языку и быту маньчжур. Рукописное наследие русских маньчжуроведов, учеников Пекинской Духовной Миссии, представляет собой ценнейший источник знания о маньчжурах. Свидетельством этому являются современные издания их работ²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 285.
- ² Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб, 1875. С. XXX.
- ³ Couling. S. The Encyclopedia Sinica. Shanghai, 1917. P. 324.
- ⁴ Таранович В. П. Илларион Россохин и его труды по китаеведению. — Советское востоковедение, вып. 3, М., 1945. С. 225—241. П. Е. Скачков называет 1717 г. как год рождения Россохина. — Указ. соч. С. 41.
- ⁵ Волкова М. П. Первый учебник русского языка для китайских учащихся. — Краткие сообщения ИНА АН СССР, № 61. М., 1963. С. 154—157.
- ⁶ Wylie. Translation of the Ts'ng wan k'e mung, a Chinese grammar of the Manchu Tartar language. Shanghai, 1855.
- ⁷ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 393.
- ⁸ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. I. СПб, 1904. С. 225—227. Архив ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, № 70.
- ⁹ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁰ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 75—76.
- ¹¹ Архив ЛО ИВ АН СССР. Фонд Пекинской миссии, ф. 42, разр. 1. № 1, 2.
- ¹² Там же. Фонд 88, оп. 1.
- ¹³ «Китайский лексикон, составленный Захаром Леонтьевским. Фразеологический китайско-маньчжурско-русский словарь. По ключевой системе». Архив ЛО ИВ. Разряд 1, оп. 1, № 73.
- ¹⁴ Скачков П. Е. Указ. соч. С. 419.
- ¹⁵ См. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб, 1852. Т. I. С. 1—187, 189—244.
- ¹⁶ Васильев В. П. Маньчжурская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб, 1866.
- ¹⁷ Васильев В. П. Маньчжурско-русский словарь. Литографированное издание. СПб, 1866.
- ¹⁸ Пашков Б. К. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности. — Краткие сообщения Института востоковедения. № 18. Языкознание. М., 1956. С. 9.
- ¹⁹ Отзывы действительных членов В. П. Васильева и И. П. Минаева о труде члена-сотрудника, профессора Императорского С.-Петербургского Университета, И. И. Захарова — «Полный маньчжурско-русский словарь». — Отчет императорского Русского географического общества за 1877 г. СПб, 1878. Приложение I. С. 10.
- ²⁰ Там же. С. 15.
- ²¹ О дореволюционном преподавании маньчжурского языка в России см. Pang T. A. A historical sketch of the Manchu language studies and teaching in Russia. — Central Asiatic Journal. Vol. 35. 1991. № 1—2. P. 123—137.
- ²² Волкова М. П. Маньчжуроведение. — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 143.
- ²³ Walravens H. S. V. Lipovcov. A little known Russian Manchurist. — Manchu Studies Newsletter, 1—2. Bloomington, 1977—1978. С. 65—74; Walravens H. Anton Vladykin. Eine Biobibliographie des russischen Mandjuristen und Sinologen. — Ural-altaische Jahrbücher. N. F. 2, 1982. P. 291—298; Walravens H. Ivan Il'ič Zacharov (1817—1885). Russischer Diplomat und Sinologe. Hamburg, 1982.

РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ И НАЧАЛО РУССКО-КИТАЙСКИХ КОНТАКТОВ В СФЕРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

(новые архивные материалы)

В XVIII в. Россия, вслед за Европой, пережила довольно бурное увлечение «китайщиной», которое оформилось в своеобразное стилистическое направление в искусстве, получившее название «шинуазери». Стремление следовать восточным мотивам, а также попытки имитировать некоторые творческие приемы китайских ремесленников сказывались в архитектуре и убранстве дворцовых интерьеров Петродворца и Ораниенбаума, в работах декоративно-прикладного характера и даже в живописи. Однако такого рода увлечение Китаем в России шло не непосредственно с Востока, а как бы через вторые руки — через Голландию, а затем Францию.

Возможность установить прямые регулярные контакты между двумя странами появилась в 1728 г., после чего постепенно стали налаживаться и культурные взаимоотношения нового типа, основанные на опыте общения и серьезного изучения русскими различных сфер жизни и быта китайцев. Одной из недостаточно изученных сторон этих взаимоотношений является изобразительное искусство. Результаты общения здесь не были особенно значительны, становление и развитие контактов в этой области обязано успехам одиночек. Их деятельность, осуществлявшаяся благодаря Российской Духовной Миссии в Пекине, и будет предметом нашего рассмотрения.

Можно выделить два основных направления, по которым шло развитие контактов между Россией и Китаем в сфере изобразительного искусства. Первое носило просветительский характер и предполагало ознакомление миссионеров с художественными ремеслами Китая, а затем популяризацию полученных сведений у себя на родине; создание рисунков, набросков, этюдов, правдиво рассказывающих о далекой и малоизвестной стране. Это направление во многом смыкалось с областью науки и немало способствовало развитию представлений о географии и этнографии Китая. Не случайно Е. Ф. Тимковский, побывавший там в 1820 г., писал: «Прошло уже то время (к истинной пользе наук и художеств), когда, как то бывало прежде, путешественник, возвратясь в Европу, заставлял неискусного иногда художника рисовать на память, по своим рассказам то, что он видел любопытного в дальних странах света. Художник, по сим изустным или письменным сказкам, составлял свои рисунки — и вот как издавались все почти путешествия до половины прошедшего века! Ныне же необходимо требуют, чтобы

сам путешественник или путешествующий с ним художник вернейшим образом срисовывал предметы на месте, с самой натуры; или, привезя с собой подлинники, выдавал бы с них исправные рисунки или гравировки»¹.

Развитие первого направления происходило не только благодаря художникам-профессионалам, но и во многом благодаря талантливым дилетантам. Некоторые миссионеры, интересуясь живописным искусством еще в Отечестве, оказавшись в Китае, не забыли о своем увлечении и употребили его с пользой для науки и искусства.

Второе направление формирования контактов в сфере изобразительного искусства было связано исключительно с деятельностью профессионалов. Правда, и здесь можно говорить о наличии требований, нацеливающих творчество художников на определенные задачи и выводящих их деятельность за ограниченные рамки сферы изобразительного искусства. Это направление было связано с привлечением внимания китайцев к русским художникам в Пекине и предполагало работу последних над заказными портретами китайской знати, картинами для подарков высокопоставленным особам, что помогало укреплять политические и экономические связи между государствами.

Таким образом, несмотря на то, что нельзя говорить о серьезном взаимовлиянии искусства двух стран, контакты в этой области способствовали улучшению представлений друг о друге и развитию дружественных отношений.

В пробуждении интереса к Китаю в России участвовали своими деяниями многие, но в первую очередь следует назвать о. Иакинфа (Бичурина), возглавившего 9-ю Духовную миссию в Пекине (1807—1821). Обладая широкими интересами в сфере науки и культуры, он не был чужд и искусству живописи. Свидетельством тому является сделанный в Китае и ныне хранящийся в ЛОИВ АН СССР автопортрет Н. Я. Бичурина в китайском костюме. Написанный на бумаге в смешанной технике, портрет соединяет приемы европейского и восточного письма и представляет интерес как со стороны иконографии известного ученого, так и с исторической и художественной точек зрения².

Возвращаясь на родину, Бичурин вывез из Китая не только китайские книги и собственные рукописи, но и альбомы с рисунками китайских ремесленников, а также ящик с китайскими красками. Среди опубликованных статей Н. Я. Бичурина есть одна под названием «О происхождении красок в Китае»³. Автор обращает внимание читателя на вызывающие удивление яркость и прозрачность красок китайских художников. Он объясняет это тем, что китайцы особыми способами очищают и промывают пигменты, и в статье дается подробное описание главного из этих способов.

Китайская тушь и краски издавна пользовались мировой славой. В том чтобы достать их и по возможности проникнуть

в секреты их приготовления, были заинтересованы как частные лица, так и государственные учреждения. Еще в инструкции казачьему сотнику Шукину, сопровождавшему в Китай Миссию, которую возглавлял Н. Я. Бичурин, говорилось о необходимости отыскать хорошие китайские краски для покупки, понаблюдать за тем, как китайский художник разводит краски и работает, а также сделать зарисовки всего того, что ему покажется интересным.

Благодаря посредничеству Миссии Петербургская Академия художеств пользовалась возможностью получать из Китая краски, а также предметы быта, которые употреблялись учениками академии при работе над учебными постановками и картинами. Когда готовилась к отправлению в Китай очередная, 10-я миссия, президент Академии художеств А. Н. Оленин обратился к возглавившему ее архимандриту Петру (Каменскому) с просьбой привезти разные костюмы, всевозможное оружие и другие предметы жизни и быта китайцев, «дабы художники могли иметь перед глазами те самые вещи, которые они желают или имеют надобность изобразить в своих произведениях»⁴. Отпуская на это 1000 рублей ассигнациями, половину суммы он просил употребить на покупку туши, киновари и «красок лучшей доброты».

Среди студентов 10-й миссии (1821—1830) с разных сторон выделялся З. Ф. Леонтьевский, которому поручалось заняться географией и статистикой, «и по особенной при том склонности своей... вникнуть в художества рисования и живописи»⁵. До наших дней дошел написанный в Китае акварельный автопортрет Леонтьевского в китайском костюме, хранящийся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Имя З. Ф. Леонтьевского заслуживает особого упоминания и потому еще, что он собрал в Пекине замечательную коллекцию и в 1830-е гг. открыл в Петербурге первый частный музей китайской культуры и быта. В коллекции содержалось более полутораста экспонатов. Ее описание помещено в газете «Северная пчела», № 191, за 1832 г. Как сообщал корреспондент газеты, «кабинет китайских редкостей Леонтьевского» состоял из портретов царствующей китайской фамилии и особ, приближенных ко двору, картин с изображением видов, «обыкновений», «положений частной жизни», произведений искусства и прочего. Там были также представлены несколько «занимательных» чертежей, планов и географических карт, значительное количество разных манускриптов и напечатанных в Китае книг, разного рода «вещицы, принадлежащие к столу, кабинету, туалету, препровождению времени порядочного человека в китайском вкусе», платья, головные уборы, обувь, украшения китайцев. В настоящее время часть коллекции, включающая материалы изобразительного характера, хранится в ГПБ.

Еще более значительную роль в налаживании контактов в сфере изобразительного искусства сыграла 11-я миссия (1830—1840). В ее составе впервые оказался профессиональный художник — окончивший Академию художеств по классу портретной живописи А. М. Легашов. Его присутствие было продиктовано желанием русского правительства не столько иметь разного рода информации о Китае, его природе, нравах, обычаях, сколько использовать талант живописца, дабы завоевать расположение китайских вельмож и таким образом укрепить политические взаимосвязи. За пять лет до отправления 11-й миссии директор Азиатского департамента МИД К. Ф. Родофиникин писал президенту Академии художеств А. Н. Оленину: «Азиатские народы оказывают великое внимание к европейским художникам. Самые китайцы при всей холодности своей к иностранцам неравнодушно смотрят на произведения изящных художеств, а посему нельзя не пожелать, чтобы наша пекинская миссия и в сем отношении явила им доказательства цветущего состояния искусства в России и таким преимуществом заслужила сугубое уважение китайцев и маньчжуров»⁶. Это пожелание учтено и в «Списке вещей, которые полезно иметь при миссии на случай подарков пекинским вельможам и чиновникам», составленном М. В. Ладыженским, приставом 11-й миссии. Под номером первым здесь названы «писанные масляными красками, равно как и печатные — но только иллюминированные картины, преимущественно перспективы и ландшафты, а также и разные русские костюмы», которые, по мнению автора списка, «составляют между подарками весьма важную статью»⁷.

Академия художеств имела свои виды на деятельность посылаемого с миссией живописца. Президент Академии составил специальные наставления, которыми пользовались впоследствии все художники, отправлявшиеся с миссией в Пекин. В числе первых указаний было: «Должны вы все ваше старание приложить к изучению составлять и употреблять китайские настоящие водяные и другого всякого приготовления краски». Инструкция также гласила о необходимости «неослабно заниматься рисованием с натуры всякого рода необыкновенного одеяния или костюмов, домашнего скарба, орудий, употребляемых в разных ремеслах, музыкальных инструментов, оружия, конской сбруи для верховой езды и для извоза, строений, разного рода домашних или диких животных... , дерев, цветов, плодов и проч., и проч...» Большое внимание уделялось тому, чтобы «все видимое и рисуемое было представлено точно так, как оно в природе находится, не украшая ничего... воображением»⁸. Таким образом, на долю отправлявшегося в Китай художника ложилась двойная ответственность: представлять в чужой стране отечественное искусство и свое мастерство, используя последнее для укрепления политических контактов, а также наглядно ознакомить русское общество с Китаем и его

культурой и даже суметь проникнуть в профессиональные секреты китайских мастеров, используя полученные знания на благо Отечества.

А. М. Легашов с честью справился со всеми возложенными на него поручениями. Гордость за успехи соотечественника ощущается в официальном донесении в Азиатский департамент от заведующего делами Миссии: «Составленные им (Легашовым — Е. Н.) по китайскому способу краски всех возможных цветов в колерах ничем не уступают самым лучшим китайским, а тонкостью несомненно превосходят все те, которые г. Легашову удавалось когда-нибудь испытывать. Но что едва ли покажется и вероятным, г. Легашов, подстрекаемый своими удачливыми успехами по многим предметам, решился произвести химические опыты возгонки киновари из ртути и серы и не более как в продолжение одного месяца сделал столько, сколько мы никак не ожидали. . . Самая лучшая киноварь, находящаяся здесь в продаже, не имеет той чистоты, какую своей сообщил г. Легашов. Что касается туши, составленной художником, то, говоря о ее достоинствах, отмечается, что он изготовление сей краски довел до такой степени совершенства, что даже сами китайцы удивляются отличному достоинству оной»⁹. Таким образом, требования инструкции в этой части были выполнены, хотя, по неизвестным причинам, Академия художеств не сочла нужным воспользоваться технологическими открытиями А. М. Легашова.

Портреты и картины, которые Легашов писал в подарок китайским чиновникам по их «неотступным просьбам», остались в Пекине. В настоящее время их судьба неизвестна. Известно, однако, что популярность русского художника в Китае была велика. В периодике того времени можно прочесть, что «слава Легашова в Пекине сравнилась со славой Тициана в Италии и, без сомнения, превзошла последнюю»¹⁰.

Главным в деятельности живописца в Китае явилось то, что его искусство привлекало к русскому подворью самых высокопоставленных китайских вельмож и способствовало тем самым установлению дружеских отношений с императорским двором. В письме одного из миссионеров говорится: «Нынешней зимою первый здешний министр Чан-Линь раза три приезжал. . . к нашему живописцу Легашову для снятия портрета. Согласись, что этой чести для русской миссии так много, как нельзя более. . .»¹¹.

В течение десяти лет русский художник выполнил более сорока заказных портретов масляными красками и шестнадцать картин в качестве подарков китайцам. Он сделал для представления в Азиатский департамент рисунки, изображающие костюмы, земледельческие орудия, музыкальные инструменты, виды Пекина, интерьеры китайских жилых помещений и т. п. Легашову принадлежала и монументальная работа по созданию иконостаса для Успенского храма, который был отстроен

в 1828 г. на месте пришедшей в ветхость церкви на территории русского подворья в Пекине. Художник исполнил шестнадцать образов. Сначала для этой работы были приглашены китайские мастера, однако их попытки не смогли удовлетворить миссионеров, воспитанных на традиционной, канонической церковной живописи. Как сообщил начальник Миссии, «наняты были лучшие китайские маляры, которых здесь без зазрения совести титулуют живописцами, но которые по справедливости не заслуживают другого названия, кроме мазильщиков. . . Ни один из маляров не имеет понятия ни о составлении красок, ни о расположении цветов. . . Это побудило г. Легашова принять на себя труд и заготовления красок, и постоянного надзора за всеми работами. . . Китайские маляры следовали за ним, как слепые за вожатым»¹².

После возвращения в Россию А. М. Легашов продолжал создавать живописные полотна, навеянные воспоминаниями о жизни в Китае. Они находили своих ценителей и охотно раскупались частными коллекционерами.

Вслед за Легашовым в Китай были посланы художники К. И. Корсагин (в составе 12-й миссии), И. И. Чмутов (13-я миссия), Л. С. Игорев (14-я миссия). Для всех них действовала та же инструкция, что и для Легашова. Художники продолжали писать портреты китайских чиновников, своими средствами способствуя укреплению взаимных контактов двух стран. Кроме того, для представления в Азиатский департамент МИД России выполнялись рисунки и акварели, изображающие местные достопримечательности и типы в национальных костюмах. Таким образом, начиная с 1830-х гг. вплоть до произошедшего в 1860-х гг. отделения духовных и светских членов Миссии, последняя имела в своем составе штатного художника.

Деятельность упомянутых людей, как и других членов Миссии, на долгий срок оторванных от отечества, от родных и близких, достойна всяческого уважения. Дальнейшее укрепление добрососедских отношений между Россией и Китаем стало возможно в немалой степени благодаря им: искусство сближало представителей разных народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию. Т. 3. 1824. С. 6.

² Об этом см.: Нестерова Е. В. К вопросу об авторстве портрета Н. Я. Бичурина. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Доклады и сообщения. 1988. Ч. I. М., 1990. С. 70—76. Нестерова Е. В. Автопортрет в китайском костюме.— Искусство Ленинграда. 1990. № 5. С. 58—63.

³ Журнал министерства внутренних дел. 1834. Октябрь.

⁴ ЦГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 2934. Л. 2 об.

⁵ ЦГИА. Ф. 789. Оп. 2. Ед. хр. 6353. Л. 123 об.

⁶ ЦГИА. Ф. 789. Оп. 20. Оленин. 1826. Ед. хр. 11а. Л. 1.

⁷ Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 18. Ед. хр. 234. Л. 265.

⁸ ЦГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1042. Л. 11 об.— 16.

⁹ ЦГИА. Ф. 795. Оп. 448. Ед. хр. 20. Л. 7 об.

¹⁰ Художественная газета. 1838. № 3. С. 92.

¹¹ Наша китайская миссия полвека назад. Письмо А. Честного из Пекина.— Русский архив. 1884. № 5. С. 155.

¹² РО ГБЛ. Ф. 273. Скачков. Картон 25. Ед. хр. 13. Л. 46—46 об.

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В КОРЕЕ

Юбилей 1000-летия Крещения Руси (988—1988) стал действенным стимулом для изучения истории Русской Православной Церкви в ее различных аспектах. Одним из них была миссионерская деятельность, которую Церковь вела в Сибири, на Дальнем Востоке и на Американском континенте. В 1970 г. Русская Православная Церковь предоставила независимое управление своим дочерним Церквам — Американской (автокефалию) и Японской (автономию). Менее известна деятельность русских миссионеров в Корее, где и в настоящее время имеются православные общины. Знаменательно, что в юбилейном для Русской Православной Церкви году сотни тысяч людей из многих стран мира съехались в Корею¹, где смогли познакомиться и с жизнью православных корейцев, чьи предки были крещены благодаря деятельности Русской Духовной Миссии в этой стране.

Христианство появилось в Корее сравнительно поздно — в конце XVIII в.

Как известно, в IV—VI вв. в Корею проник буддизм северного направления (махаяна), ставший к X в. государственной идеологией. В эпоху позднего средневековья здесь усилилось влияние конфуцианства, которое, в свою очередь, было объявлено государственной религией в XIV в. «Будда, Конфуций, шаман, обожение (обожествление — а. А.) гор, — все это смешалось и составило религию простого человека в Корее», — писал в начале нашего столетия известный русский писатель и публицист Н. Г. Гарин-Михайловский (1852—1906), совершивший путешествие в Корею в 1898 г. Русский исследователь вел долгие разговоры с местными жителями и даже кратко изложил систему их религиозных воззрений².

Есть сведения, что католические миссионеры побывали в Корее еще в XVII в.³ Но достоверно известно о том, что христианство проникло в Корею в 1784 г.

Не прошло и года со времени возникновения первых проблесков христианства в Корее, как один из правительственных чиновников написал послание против христиан, в котором убеждал их отказаться от нового учения. По распоряжению правительства это послание было напечатано и широко опубликовано. Насколько известно, это был первый официальный акт, в котором упоминалось о существовании христианства в Корее⁴. Но, несмотря на такие строгие меры, направленные против христиан-корейцев, их число с каждым годом увеличивалось.

В 1831 г. корейская церковная иерархия получила свое окончательное устройство. В этом году папа римский Григорий XVI учредил в Сеуле корейское апостолическое викариатство⁵.

Но с 1840-х гг. усилились гонения на корейских христиан; они особенно были жестокими в конце 1860-х гг.

С этого времени и вплоть до 1870 г. мученической смерти было предано свыше 12 тысяч корейцев-христиан. Немало также их погибло за это время от голода и лишений⁶.

Только после 1870 г. для корейских христиан наступило более спокойное время. В 1880-х гг. в Корею проникли и протестантские миссионеры различных направлений, и на сегодняшний день картина такая: в Южной Корее христиане составляют около 20 % от общего числа приверженцев различных религий, причем 16 % из них составляют протестанты и около 4 % — католики⁷.

Православное вероучение первоначально стало распространяться среди тех корейцев, которые переселялись на дальневосточные земли России. Переселение корейцев в Уссурийский край началось еще в 1864 г., но особенно увеличилось с 1869 г. в связи с сильным голодом в Корее. В 1869 г. всего за 3—4 месяца на русских землях, прилегающих к Китаю и Корее, обосновалось до трех тысяч корейских семейств. С тех пор корейцы продолжали переселяться в Россию почти непрерывно. (На начало 1980-х гг. в нашей стране насчитывалось более 370 тысяч корейцев, проживающих компактными группами на Дальнем Востоке, Сахалине, в Сибири, Казахстане, Средней Азии и на юге европейской части страны)⁸. Первые корейские поселения были основаны на берегах рек Тезинхэ, Янчихэ, на полуострове Новгородской бухты залива Петра Великого, около г. Посьет и в ряде других мест.

Принимая в свое подданство корейцев, русское правительство стремилось к тому, чтобы содействовать принятию корейцами Православия. На первых порах с миссионерской целью для выходцев из Кореи направлялись священники из Владивостока и Благовещенска⁹, а потом — члены Русской Камчатской Миссии. Обращение корейцев в Православие шло довольно успешно, и к концу 1870-х гг. для корейцев были учреждены особые миссионерские станы, состоявшие из 2—3 сел с церквями, часовнями и школами. Таковы были, например, станы

Корсаковский, Кроуновский, Синельниковский, Пуциловский, Янчихэнский. К концу XIX в. в этих станах насчитывалось до 10 тысяч православных корейцев¹⁰.

По отзыву одного из тогдашних русских миссионеров-священников, корейцы — «это народ в высшей степени симпатичный: добрый, послушный, честный, трудолюбивый, доверчивый, очень привязанный к земледелию и хозяйству, страстно жаждущий учиться и учиться всему доброму». В это время из Кореи в Россию ежегодно переходило до 300 семейств, готовых принять «русскую веру»¹¹. «Успешно идет распространение Православия среди корейцев, которые переселились из своей страны в нашу Приморскую область — писал в 1903 г. русский исследователь П. Ю. Шмидт. — В южной части этой области было в 1899 г. уже 33 корейских деревни с населением в 14.247 душ обоего пола. Каждая корейская деревня, не жалея средств, старается устроить у себя русскую школу, и благодаря этому в 1900 г. в Приморской области имелось в корейских деревнях 18 школ с 597 учащимися. При посредстве школ распространяется и Православие, которое приняли также и многие из взрослых корейцев. Надо думать, что со временем Православие будет распространяться отсюда и в соседние северные области Кореи»¹².

Кроме оседлых корейцев-земледельцев, переселившихся в Россию, на Дальнем Востоке также временно проживали и прибывшие сюда на заработки корейцы, работавшие грузчиками в морских портах, крупнейшим из которых был Владивосток. Вот как описывает Н. Г. Гарин-Михайловский корейцев, живших во Владивостоке в конце прошлого — начале нашего столетия: «Корейцы — противоположность китайцу: такой же костюм, но белый. Движения апатичны и спокойны: все это, окружающее, его не касается. Он курит свою маленькую трубку или, вернее, держит во рту длинный, в аршин, чубучек с коротенькой трубочкой и степенно идет. Шляпы нет — на голове его пышная и затейливая прическа, кончающаяся на макушке, так же как и модная дамская, пучком закрученных волос, продетых цветной булавкой. Лицо корейца широкое, желтое, скулы большие, выдающиеся; глаза маленькие, нос картофелькой; жидкая, очень жидкая, в несколько волосков, борода, такие же усы, почти полное отсутствие бакенбард. Выше среднего роста, широкоплечи, и в своих белых костюмах, с беспешными движениями и добродушным выражением, они очень напоминают тех типичных хохлов, которые попадают впервые в город: за сановитой важностью и видимым равнодушием прячут они свое смущение, а может быть, и страх»¹³.

Покинув бухту Владивостока, русский публицист вскоре сошел с парохода на корейский берег и 10 сентября 1898 г. он впервые встретился здесь с крещеными корейцами, жившими в селении Заречье¹⁴. В дальнейшем Н. Г. Гарин-Михайловский

постоянно наблюдал тяжелые условия существования местных жителей. «Из рассказов выясняется несомненный факт, что русским корейцам живется гораздо лучше, чем их братьям в Корее, — сообщал русский автор. — Они говорят, что если бы не запрещались переселения, вся северная Корея перешла бы в Россию... Но переход из Кореи строго запрещен, и всех таких переходящих, и корейцев, и китайцев, препровождают обратно. При этом корейское начальство ограничивается выговором и тут же отпускает их, а китайское тут же сечет, или рубит головы. Поэтому китайцы такому обратному их выдворению противятся всеми средствами»¹⁵.

К концу XIX в. Корея обрела формальную независимость; по Симонсэкскому договору 1895 г. Китай и Япония признали Корею в качестве самостоятельного государства. Но по-прежнему не прекращалась политическая борьба прокитайской и прояпонской группировок внутри страны; в 1896 г. корейская королевская чета вынуждена была покинуть престол: королева была убита, а король укрылся под защитой русского флота. 12 октября 1897 г. корейский король провозгласил себя императором. Такова была внутривнутриполитическая обстановка в стране, где предстояло действовать русским миссионерам.

По мере развития русско-корейских отношений постепенно возникла необходимость создания церковного представительства при Русской дипломатической миссии в Корее. В 1897 г. Синод Русской Православной Церкви принял решение об учреждении Русской Духовной Миссии в Корее, в задачу которой входило бы попечение о русских православных христианах, пребывающих на Корейском полуострове, а также проповедь Православия среди местного нехристианского населения.

В состав Миссии были назначены архимандрит Амвросий (Гудко), иеродиакон Николай (Алексеев) и псаломщик А. Красин. Но на первых порах в деятельности Миссии встретились большие трудности. Дело в том, что в эти годы русское влияние в Корее стало уменьшаться, уступая место японскому. Поэтому посланная в 1897 г. в Корею православная Миссия вынуждена была остаться в Уссурийском крае до более благоприятного времени. Архимандрит Амвросий вскоре был отозван из состава Миссии, псаломщик А. Красин перешел на государственную службу, и только иеродиакон Николай продолжал терпеливо ждать перемен к лучшему.

Наконец в начале 1899 г. корейское правительство разрешило ему поселиться в Сеуле. Обосновавшись при Русской дипломатической миссии, иеродиакон Николай продолжал ожидать своих будущих соратников. Вскоре в Корею были отправлены выпускник Казанской Духовной Академии архимандрит Хрисанф (Шетковский), назначенный начальником Миссии, и Иона Левченко — в качестве псаломщика. В середине февраля 1900 г. они прибыли в Сеул, и вскоре состоялось освящение до-

мовой церкви при дипломатическом посольстве. Так было положено основание Русской Православной Миссии в Корее¹⁶.

Собственного помещения новая Миссия еще не имела, и русский посланник в Сеуле Павлов предоставил в ее распоряжение здание бывшего русско-корейского банка. О цели прибытия Миссии было напечатано во всех корейских газетах. Вскоре некоторые жители Сеула и его окрестностей стали приходить к начальнику Миссии с просьбой ознакомить их с православным вероучением.

Самой большой трудностью для членов Миссии было незнание корейского языка. Но неожиданно для себя они получили помощь со стороны православных корейцев, ранее проживавших в Уссурийском крае, а впоследствии переехавших в Сеул. Когда они узнали о прибытии в Корею членов Русской Духовной Миссии, все они, а их было около 15 человек, пришли к архимандриту Хрисанфу и предложили ему свои услуги в качестве переводчиков¹⁷.

Члены Миссии приступили к духовным беседам с корейцами, которые они поочередно вели через переводчиков. Многие корейцы, приезжая в Сеул по своим делам, часто — просто из любопытства, заходили в здание Православной Миссии. Познакомившись здесь с христианским вероучением, некоторых из них оставались в Сеуле на несколько недель, принимали крещение и затем отправлялись к себе домой в провинцию.

В октябре 1900 г. при Русской Духовной Миссии была открыта школа для корейских мальчиков. Правда, в ней училось первоначально всего 12 человек, и в следующем году их число не увеличилось. «В самые последние годы была учреждена в Сеуле и православная миссия, во главе которой стоит архимандрит Хрисанф. Он прибыл в Корею в 1900 г., и в конце этого же года была открыта в Сеуле православная миссионерская школа и начата постройка церкви. Православных корейцев, однако, пока еще немного»¹⁸, — писал П. Ю. Шмидт о начальном этапе истории русской Миссии.

Но тем не менее число корейцев, принимавших Православие, постоянно возрастало. Скромные масштабы школьного просвещения в определенной степени восполнялись благодаря симпатиям корейцев к обрядам Православной Церкви. «Будучи воспитаны на конфуцианских книгах, предписывающих своим последователям исполнение всевозможных церемоний, — писал псаломщик Миссии Иона Левченко, — большинство корейцев являются поборниками внешнего обрядового служения, в котором выражается та или иная религиозная идея. Все же наши православные обряды отличаются той именно драгоценной особенностью, что весьма наглядно выражают христианские истины, которые через эти обряды и легче воспринимаются и глубже вкореняются в сознании. Вот почему и корейцы с таким вниманием наблюдают за всеми действиями священника во

время богослужения, с детской любовью и почтительностью относятся к священным изображениям и предметам, с особенной тщательностью полагают на себя крестное знамение и вообще питают благорасположение ко всей обрядовой стороне нашего православного богослужения»¹⁹.

Сотрудники Миссии придавали большое значение переводу вероучительных и богослужебных книг. Но при этом возникли трудности, связанные с особенностью переложения церковнославянских текстов на корейский язык, поскольку добровольные переводчики не владели церковной терминологией. С большим трудом удалось перевести начальные молитвы, Символ веры и 10 заповедей Моисеевых. Но вскоре переводческая деятельность Миссии была значительно облегчена и сделалась более эффективной.

Этому способствовало то обстоятельство, что до конца XIX в. в Корее письменно-литературным языком был ханмун — корезированный стиль китайского вэньяня. Хотя корейское фонетическое буквенно-слоговое (лигатурное) письмо было изобретено еще в 1444 г., но много веков официальным письмом в стране оставалось китайское, и лишь в 1894 г. было введено смешанное (иероглифическо-буквенное) китайско-корейское письмо²⁰. Поэтому, зная о знакомстве корейцев с китайской письменностью, архимандрит Хрисанф обратился к русскому начальнику Пекинской Православной Миссии с просьбой прислать китайские переводы вероучительных книг. Книги были пересланы из Пекина в Сеул, и с тех пор корейцы могли читать в китайских книгах то, что им до тех пор излагалось только устно через переводчика.

В 1900 г. для православных корейцев были переведены с китайского языка «Православное исповедание» св. Димитрия Ростовского, Часослов и «Чин крещения язычников». Корейцы, принимавшие Православие, нуждались также в ознакомлении с Библией. Помощь в этом деле пришла благодаря трудам находившейся в Корее протестантской миссии методистов. В 1900 г. ее сотрудниками был закончен перевод на корейский язык Священного Писания Нового Завета, а в 1902 г. — книг Ветхого Завета²¹. Первые шаги, предпринятые сотрудниками Русской Духовной Миссии, постепенно стали приносить плоды. Но слишком кратким было время пребывания ее сотрудников в Корее, и влияние католической и протестантских миссий в стране ощущалось в гораздо большей степени.

Тем не менее русско-корейские связи в те годы развивались успешно; корейцы видели в России гаранта государственной независимости. Об этом сообщал в своих записках Н. Г. Гарин-Михайловский, который во время пребывания в Корее посетил город Ичжоу. В своем дневнике от 18 октября 1898 г. русский публицист отмечал: «Корейцы по-прежнему любезны до бесконечности. Начальник города, кунжу, прислал к нам цуашу

(предводителя дворянства) с вопросом, не надо ли нам чего... Любезность кунжу этим не ограничилась. Он первый сделал нам визит и на наше замечание, что он упредил нас, сказал: «Имя русского в Корее священо. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтобы мы не ценили этого. Русский самый дорогой наш гость. Мы между двумя открытыми пастями: с одной стороны Япония, с другой — Китай. Если нас ни та, ни другая пасти не проглатывают, то, конечно, благодаря только России»²².

Быть может, такого рода сообщения и побудили обер-прокурора Св. Синода Русской Православной Церкви К. П. Победоносцева написать в своем отчете за 1900 год: «Успех Православной Миссии в Корее ныне можно считать вполне обеспеченным»²³.

Трудами отца Хрисанфа был воздвигнут первый в Корее православный храм. Еще в 1898 г. для Миссии был приобретен земельный участок в районе Динг-Донг, расположенном недалеко от центра столицы. В 1901 г. приступили к строительным работам, а в 1902 г. территория Миссии была полностью благоустроена. Были выстроены дом для миссионеров, колокольня, дом для переводчиков, здание школы с комнатами для преподавателей и подсобные помещения. Участок был огражден кирпичной стеной в корейском национальном стиле. В качестве храма было решено использовать на первых порах здание школы. В Москве специально по заказу Миссии были отлиты колокола. 17 апреля 1903 г. состоялось торжественное освящение храма в честь святителя и чудотворца Николая. Корейской Миссии большую поддержку оказал протоиерей Иоанн Кронштадтский, поддерживавший с о. Хрисанфом тесные связи. В знак своего благословения новому очагу Православия о. Иоанн прислал свое праздничное золотого цвета облачение, которое до сих пор хранится в Миссии как драгоценная реликвия.

Благодаря трудам о. Хрисанфа молодая православная община в Сеуле зажила полнокровной жизнью. За время миссионерской деятельности архимандрита Хрисанфа были крещены 14 корейцев; это только один пример плодотворной деятельности архимандрита Хрисанфа²⁴. Однако пребывание о. Хрисанфа в Корее оказалось недолгим. Когда началась русско-японская война, Корея подверглась японской оккупации и все русские граждане были вынуждены покинуть ее пределы. С большой скорбью расстался с паствой и о. Хрисанф. В феврале 1904 г. вместе со своими сотрудниками он отбыл в Россию. Имущество Миссии было описано и вверено на сохранение французскому посольству.

В России о. Хрисанф был рукоположен во епископа Елизаветградского, но его архиерейское служение длилось недолго — в 1906 г. он скончался от туберкулеза, прожив всего 37 лет. Однако труды о. Хрисанфа не пропали. Достойным

продолжателем его дела стал архимандрит Павел (Ивановский). С четырьмя помощниками из России он энергично трудился на миссионерском поприще.

В отчете о деятельности Русской Духовной Миссии в Корею за 1902 г. сообщалось, что в школе для корейских православных мальчиков обучалось 10 человек, из которых 6 находились на полном содержании Миссии. «Дети воспитываются в строго православном духе, — отмечалось в отчете, — они изучают Символ веры, заповеди, краткие рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Заветов. С корейским же учителем они проходят «Тысячесловие» (Чхён-чжа-мунь). Посещая неопустительно церковные службы, ученики поют на корейском языке «Верую», «Отче наш» и «Господи помилуй», а на славянском языке принимают участие в прочих песнопениях литургии и всеобщей».

И еще об одном интересном обстоятельстве сообщал в 1904 г. начальник Русской Духовной Миссии в Корею архимандрит Павел (Ивановский). По его словам, «протестантские миссии главный тормоз своей деятельности усматривают в почитании корейцами предков — в культе предков. Это понятно, потому что почитание родителей и предков у корейцев является краеугольным камнем общественной и религиозной жизни. Протестанты же не признают молитв за умерших. Другое дело — Православная Церковь; ее высокохудожественный умирительный погребальный чин, служение сорокоустов, панихид, особые дни поминовения усопших — общие и частные, — все это должно придти по сердцу корейцам. И вот, если отбросить недостойное и незаконное в корейском культе предков — поклонение духам, то все остальное послужит не помехой, а, наоборот, помощью в делах Православной Миссии».

В своей книге под названием «Корейцы — христиане» архимандрит Павел пишет: «Дай Боже, чтобы над Кореей скорее воссияло солнце Православия, воссияло уже светом невечереющим. . .»²⁵

Как уже было сказано, во время русско-японской войны 1904—1905 гг. деятельность Миссии подверглась серьезным испытаниям²⁶. Ее сотрудники были высланы из Сеула японской военной администрацией и нашли временный приют в Шанхае в отделении Православной Пекинской Миссии. Новый период в истории Русской Миссии в Сеуле наступил после нормализации отношений между Россией и Японией. Начальник Миссии — архимандрит Павел (Ивановский) за 6 лет своего пребывания в Корею широко развернул проповедническую деятельность и создал 5 миссионерских станов, 7 школ на 220 мест для корейских детей, а также ряд молитвенных домов. Ему удалось построить церковно-приходскую школу даже во Владивостоке, где, как известно, с давних времен жили выходцы из Кореи.

Значительное внимание о. Павел уделял переводу богослужебных книг на корейский язык. Часть переводов была отпечатана в нескольких изданиях. Эти переводы давали возможность совершать все богослужения и требы для корейцев на их родном языке²⁷. Отцу Павлу удалось продолжить дело своего предшественника архимандрита Хрисанфа — перевод ряда богослужебных книг на корейский язык. Вместе с корейским переводчиком И. Каном они проделали большую работу, переведя молитвослов, часослов, паримийник, служебник, требник, избранные службы из Октоиха, Триоди и праздничной Минеи, а также краткую Историю Ветхого и Нового Завета, катихизис, последование ко Святому Причащению и чин панихиды. Многие переведенные книги были вскоре отпечатаны в типографии; часть переводов так и осталась в рукописях. В свою очередь, рясофорный послушник Федор Перевалов с помощью М. Г. Кима положил на ноты многие песнопения на корейском языке, сохранив при этом основы русских церковных мелодий²⁸.

В 1912 г. архимандрит Павел был отозван в Россию и возведен в сан епископа Никольско-Уссурийского, викария Владивостокской епархии. Но и на родине он не оставил попечения о Корейской Миссии, продолжая управлять ею из Владивостока и оставаясь фактическим начальником вплоть до самой кончины в 1919 г. Период руководства архимандрита Павла Корейской Миссией стал самым ярким во всей ее истории до начала Второй мировой войны. Главной сферой деятельности Миссии этого времени была неустанная проповедь Православия местному населению, и результаты этой проповеди были плодотворными.

Со времени своего основания Русская Духовная Миссия в Корее находилась в подчинении митрополита Петербургского, а в 1908 г. перешла в ведение епископа Владивостокского. Это подчинение сохранялось и в период существования Дальневосточной Республики (1920—1922). С 1912 по 1930 г. Миссию возглавляли: архимандрит Иринарх (Шемановский, 1912—1914), игумен Владимир (Скрижалин, 1914—1917), иеромонах Палладий (Селецкий, 1917) и иеромонах Феодосий (Перевалов, 1917—1930). Хотя они и исполняли свои пастырские обязанности, но утрата связей с Россией значительно осложнила деятельность Миссии. Так, при иеромонахе Палладии пришлось закрыть все школы из-за отсутствия средств на их содержание. При иеромонахе Феодосии в связи с революционной обстановкой прекратилась высылка денег из России. Миссия оказалась в бедственном положении. Пришлось сдавать в аренду помещения и земельные участки. С этого времени аренда земли стала для Миссии единственным источником дохода на долгие годы. К счастью для работников Миссии, в их собственности имелось небольшое рисовое поле, что позволило им получать пропитание и часто спасало их от голода. По этим и другим причинам деятельность Миссии, столь активная при архиманд-

рите Павле, пришла в упадок. Из миссионерских станок к 1930 г. уцелело только два — в городах Кёхе и Каругай. Их опекал священник Ким²⁹.

В 1930 г. управление Корейской Православной Миссией взял на себя архиепископ (впоследствии митрополит) Японский Сергей (Тихомиров, ум. 1945). С 1931 по 1935 г. по его назначению в Сеуле нес миссионерское послушание священник А. Чистяков. За эти годы он крестил 87 корейцев, что в трудных для Миссии условиях было немало. В 1936 г. митрополит Сергей направил в Сеул иеромонаха Поликарпа (Приймака, 1912—1989). Молодой энергичный пастырь в 1941 г. стал архимандритом и начальником Духовной Миссии. Ему было поручено заниматься преимущественно церковно-приходской работой.

Деятельность о. Поликарпа распространялась на весь Корейский полуостров. Его паства проживала во многих городах, таких как Пхеньян, Хопучин, Кайсю, Каругай, Кёхе, Ресин и другие — всего в семнадцати. В основном эти общины состояли из русских; корейцев же, по данным архимандрита Поликарпа, насчитывалось около 150 человек. По этой причине богослужения и проповеди совершались на церковнославянском и русском языках и только ектении — на корейском³⁰.

Архимандрит Поликарп окормлял православных верующих Корейского полуострова до середины 1949 г., когда его миссионерская деятельность была прервана незаконным арестом и высылкой за пределы Южной Кореи³¹.

После окончания Второй мировой войны южнокорейские власти и американская оккупационная администрация в течение нескольких лет вели борьбу за овладение Русской Православной Миссией в Сеуле, пытаясь вывести ее из-под юрисдикции Московской Патриархии. Не имея возможности сделать это каким-либо законным путем, власти Южной Кореи незаконно выслали из страны архимандрита Поликарпа, отказавшегося выйти из подчинения Московского Патриархата и передать Миссию в юрисдикцию митрополита Феофила (Пашковского, 1874—1950) — главы так называемого «американского раскола».

В середине декабря 1948 г. архимандрит Поликарп был арестован и находился в тюрьме Кемукван до конца года. Выйдя из тюрьмы, он жил подаянием, но, несмотря на это, он принял все меры, чтобы вернуть Миссию через суд, так как имел для этого все законные основания. Однако 18 июня 1948 г. он снова был задержан. В отделении полиции архимандрита Поликарпа допросили и заявили, что поскольку стало известно о принятии его в советское гражданство, то он подлежит высылке по распоряжению южнокорейских властей. 29 июня в сопровождении полицейских архимандрита Поликарпа и его мать доставили к 38-й параллели и предложили идти. Через не-

сколько часов они достигли северокорейского пограничного пункта, где их доставили к офицеру. Здесь архимандриту Поликарпу была оказана необходимая материальная и медицинская помощь³². Так власти Южной Кореи незаконно изгнали главу Русской Православной Миссии архимандрита Поликарпа, отказавшегося передать ее в юрисдикцию раскольничьего митрополита Феофила.

Американская митрополия недолго простирала свою власть над Корейской Миссией. Ее подчинение Японской епархии³³ создало непреодолимые трудности. После Второй мировой войны борьба за политическое влияние в Корее завершилась окончательным уходом японцев. После освобождения от многолетнего гнета корейцы считали совершенно неприемлемой любую зависимость от Японии. Поэтому подчинение Японской епархии, даже формальное, стало для Корейской Миссии невозможным. Это и было причиной того, что съезд корейских православных христиан, состоявшийся 25 декабря 1955 г., принял решение присоединиться к Константинопольскому Патриарху в лице Греческой архиепископии в Америке³⁴.

С середины 1950-х гг. основную тяжесть приходской деятельности в Сеуле нес священник-кореец Борис Мун, отдавший миссионерскому делу 21 год своей жизни. И только спустя два десятилетия Православная Миссия в Южной Корее активизировала свою деятельность благодаря трудам новых пастырей, прибывших сюда из Греции. 1970 г. стал важной вехой в жизни православных корейцев: решением патриарха Константинопольского Афинагора и Синода Константинопольской Церкви была учреждена специальная митрополичья кафедра, которая объединила под своим управлением православные приходы в Южной Корее, Японии, Сингапуре, Гонконге, Индии, Индонезии, Новой Зеландии и на Филиппинах. В настоящее время Корейская Православная Миссия находится под омофором митрополита Новозеландского Дионисия (Константинопольский Патриархат).

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. работниками Православной Миссии в Южной Корее являлись два священника: настоятель-грек архимандрит Сотирис Трмпас и молодой клирик-кореец отец Даниил На. В их ведении находились три православных общины, расположенные в самых густонаселенных центрах страны: в Сеуле, Пусане и Инчхоне. В миссионерском центре Сеула имеется храм в честь Успения Богородицы³⁵.

Главное направление работы Православной Миссии в Корее — евангельская проповедь среди корейцев-нехристиан. Эта задача осуществляется двумя путями — укреплением и подготовкой кадров, способных вести такую проповедь и в ее непосредственном проведении во всех тех местах, где она может быть услышана. Одним из основных препятствий для работы иностранных миссионеров в Корее по-прежнему является языковой

барьер. За последнее время эта проблема успешно решается — кадры проповедников готовятся непосредственно из числа самих корейцев. Этой работой руководят о. Даниил На и секретарь Миссии — Савва Ли.

Решен вопрос об издании религиозной литературы на корейском языке. Уже в течение ряда лет в Сеуле выходит еженедельник «Ио Бо». В Греции в синодальном издательстве при «Апостолики Диакония»³⁶ христианин-кореец Николай Пак с конца 1970-х гг. занимался переводом богослужебных и богословских книг на свой родной язык. В 1968 г. для маленьких православных корейцев было построено здание воскресной школы, которую посещает около 500 детей. В распоряжении молодежи имеется православный летний лагерь «Фавор», где юноши и девушки, а также и дети проводят свои каникулы.

В конце 1970-х гг. глава Православной Миссии в Сеуле — архимандрит Сотирios Трампас представил своему правящему архиерею — митрополиту Новозеландскому, экзарху Индии, Кореи и Японии Дионисию, доклад о проделанной им двухлетней работе в период 1977—1978 гг. Из представленного доклада видно, что Православная Миссия обращала большое внимание на издательское дело: на корейском языке были изданы Литургия св. Иоанна Златоуста, молитвенник, календарь праздников, толкование «Символа веры» и содержания молитв, краткие поучения о таинствах, а также катихизические издания для детей и молодежи. Особая забота была уделена проповеди и духовному окормлению прихожан. Наконец, следует отметить и открытие в Сеуле храма святителя Николая, освящение которого 24 сентября 1978 г. совершил митрополит Новозеландский Дионисий³⁷.

1982 г. был отмечен двумя новыми событиями в жизни корейских христиан. Был освящен новый храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы во втором по величине городе страны — Пусане, а также начала работу духовная семинария в Сеуле; ее первыми воспитанниками стали 12 человек. Лучшие из них могут продолжать образование на богословском факультете Афинского университета.

Работа духовной семинарии в Сеуле проходит в тесном контакте с Ассоциацией православной молодежи Кореи. Активисты этой организации проводят тематические встречи, лекции, ведут работу с детьми. Одна из главных задач Ассоциации — проведение миссионерских рейдов в школах, институтах, домах престарелых, приютах и на предприятиях. Ассоциация православной молодежи Кореи является членом международной молодежной православной организации Синдесмос. На проходящих каждые три года Ассамблеях Синдесмоса молодые христиане из Южной Кореи имеют возможность встречаться не только с православной молодежью Запада, но и с представи-

телями православных духовных школ из стран Восточной Европы и нашей страны.

Наряду с положительными моментами в жизни Миссии остаются еще целый ряд нерешенных проблем. К ним можно отнести трудное финансовое положение, недостаток духовенства, из-за чего литургия регулярно совершается только в Сеуле, а в других приходах не чаще чем раз в месяц, и многое другое. Миссия также занимается и социальной работой. Жизненный уровень многих православных христиан Южной Кореи относительно невысок. Поэтому при миссионерском центре функционирует «Общество любви к бедным» и «Касса стипендий для нуждающихся студентов». Основным бюджет Миссии складывается из добровольных взносов верующих, перечислений из фондов «Апостольской диаконии» и частных пожертвований через Общество корейско-греческой дружбы.

В настоящее время труды архимандрита Сотириса разделяют священники из Греции и Америки. В разных уголках страны служат православные корейцы: пять священников и один диакон³⁸. Православная Миссия регулярно организует богословские семинары. Один из таких семинаров проводился с января по апрель 1990 г. Был прочитан курс лекций по проблемам христианской жизни, ежедневно проводились теоретические и практические занятия. В семинаре участвовало много молодежи. По окончании его приняли крещение еще 16 корейцев. Миссионеры часто проповедают в учебных заведениях, среди работающей молодежи. О популярности Православия в Корее говорит уже тот факт, что во время Олимпийских игр в Сеуле (1988) на центральном стадионе была сооружена православная часовня³⁹.

Корейская Православная Миссия поддерживает братские контакты с Поместными Православными и другими христианскими Церквами. Весьма символично, что в 1990 г. верующие Кореи собрали 1,5 млн долларов для выпуска значительного тиража Библии на русском языке в рамках проекта гуманитарной помощи нашей стране⁴⁰. Можно предполагать, что определенная лепта в этой сумме принадлежит и православной общине.

В марте того же 1990 г., во время заседаний Всемирной конференции Всемирного Совета Церквей «Справедливость, мир и целостность творения», проходившей в Сеуле, Корейская Православная Миссия гостеприимно встречала у себя представителей Матери — Русской Православной Церкви, участников этой конференции. А в 1992/93 учебном году в стенах С.-Петербургской Духовной Академии начали стажировку два православных студента из Южной Кореи — священник Иустин (Канг Те Янг) и чтец Владимир (Юнг Кил Ли).

Таков далеко не полный обзор современного положения Православной Церкви в Корее, находящейся ныне в юрисдик-

ции братского Константинопольского Патриархата, но своим возникновением обязанной самоотверженной и бескорыстной деятельности миссионеров Русской Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Летом 1988 г. в Сеуле были проведены Олимпийские игры. (*Прим. авт.*).
- ² Гарин Н. По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову. СПб. 1904. С. 122—124.
- ³ Там же. С. 177—178.
- ⁴ См.: Архангелов С. А. Наши заграничные миссии. СПб. 1899. С. 109.
- ⁵ Там же. С. 110.
- ⁶ Там же. С. 111.
- ⁷ См. Брук С. И. Население мира. М. 1981. С. 472.
- ⁸ Там же. С. 469. В городе Алма-Ата имеется корейский драматический театр (*Прим. авт.*)
- ⁹ См.: «Церковный вестник», 1898, № 27. С. 931—932.
- ¹⁰ См.: Архангелов С. А. Указ. соч. 114.
- ¹¹ Амвросий, архимандрит. Духовная миссия среди русских корейцев. — «Церковный вестник». 1898, № 29. С. 991.
- ¹² Шмидт П. Ю. Страна утреннего спокойствия. СПб. 1903. С. 93—94.
- ¹³ Гарин Н. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁴ Там же. С. 95.
- ¹⁵ Там же. С. 100.
- ¹⁶ См.: Прохоренко Ф. Русская Духовная миссия в Корее. — «Вера и разум», 1907, № 1, С. 30.
- ¹⁷ Там же. С. 31.
- ¹⁸ Шмидт П. Ю. Указ. соч. С. 93—94. Этот автор побывал в Корее в 1900 г. и на страницах своей книги он изложил краткую историю христианства в Корее (с. 92—93).
- ¹⁹ «Прибавления к церковным ведомостям», 1901, № 13—14. С. 504.
- ²⁰ См.: Брук С. И. Указ. соч. С. 470. Окончательный переход к национальному письму произошел лишь в 1949 г. в Северной Корее. В Южной Корее смешанное письмо употребляется до настоящего времени.
- ²¹ Подробнее о переводах Библии см.: Виноградов А., иеромонах. История Библии на Востоке. Китай, Корея, Япония, Бирма, Аннам, Сиам. Т. 1—2. СПб. 1889—1895.
- ²² Гарин Н. Указ. соч. С. 268—269. Любопытно описание похорон по местным религиозным традициям: с. 270—272.
- ²³ «Всеподданнейший отчет обер-прокурора Священного Синода» за 1900 год. СПб. 1900. С. 26.
- ²⁴ См.: Анисимов Л. Православная Миссия в Корее. — «Журнал Московской Патриархии». 1991, № 5. С. 57.
- ²⁵ Цит. по: Павел. архимандрит. Корейцы-христиане. М. 1905. С. 183—187.
- ²⁶ Спор о разграничении сфер влияния в Корее и был одной из главных причин русско-японской войны. (*Прим. авт.*)
- ²⁷ См.: Бувеский А. С. Православная Церковь за границей. — «Журнал Московской Патриархии», 1950, № 10. С. 31.
- ²⁸ Анисимов Л. Указ. соч. С. 58.
- ²⁹ Там же. С. 58.
- ³⁰ Там же. С. 58.
- ³¹ См.: Бувеский А. С. Указ. соч. С. 31. (После возвращения в Советский Союз архимандрит Поликарп был рукоположен во епископа Пензенского и Саранского). (*Прим. авт.*)
- ³² «Известия», 21 июля 1949. № 170.
- ³³ В декабре 1948 г. корейский православный священник Ким Ли Хан, приверженец раскольников митрополита Феофила (Пашковского) с по-

мощью полиции занял храм Миссии. Ранее, движимый желанием самому стать начальником Корейской Миссии, он отправился в Токио за поддержкой представителя Американской митрополии епископа Вениамина (Басалыги) и был «учрежден» в этой должности (См.: Анисимов Л. Указ. соч. С. 59).

³⁴ См.: Анисимов Л. Указ. соч. С. 59.

³⁵ Данные приводятся по: «Имерологион тис Экклисиас тас Элладос». Афины. 1983.

³⁶ «Апостолики Диакония» — «Апостольское служение» — организация при Св. Синоде Элладской Церкви. Занимается издательской деятельностью, миссионерской работой, школьной катихизацией. Поддерживает православные миссии за границей. (Прим. авт.)

³⁷ См.: «Эпискепис», 1 марта 1979, № 205.

³⁸ См.: Анисимов Л. Указ. соч. С. 59.

³⁹ Там же. С. 60.

⁴⁰ «Комсомольская правда», 20 декабря 1990, № 290.

Н. В. Григорьева

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ХРИСТИАНСТВА В СТРАНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО АРЕАЛА: ХРИСТИАНСТВО И ТРАДИЦИОННЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ ВО ВЬЕТНАМЕ

Обращение к религиозной ситуации во Вьетнаме в связи с изучением деятельности православных русских миссионеров на Дальнем Востоке оправдано, на наш взгляд, необходимостью рассмотрения общей проблемы — проблемы взаимодействия христианства, религии Запада, с традиционными религиозными системами народов Востока. Анализ условий распространения и утверждения христианства во Вьетнаме — правда, в ином, не православном, а католическом вероисповедальном направлении, — представляет в этом смысле определенный методологический интерес, способствует выявлению специфических особенностей вьетнамского религиозного комплекса по сравнению с религиозными системами других народов Дальневосточного ареала¹.

Расположенный вдоль морских побережий, меж двух очагов древнейших цивилизаций — индийской и китайской, имея достаточно сильную собственную культурную традицию, Вьетнам на протяжении всей своей истории был открыт для самых активных культурных контактов как ни одна другая страна региона. Одним из результатов этих контактов явилось образование

сложноструктурированного религиозного комплекса, характерного как для традиционного, так и для нового Вьетнама.

Характеризуя религиозную ситуацию во Вьетнаме, авторы научных, популярных и справочных изданий обычно оперируют сочетанием элементов «религиозного синкретизма», под которым понимают сочетание элементов «трех религий» (вьетн. tam giáo, кит. san jiao): буддизма, даосизма и конфуцианства. Такой подход был привнесен в мировую вьетнамистику французскими синологами, обратившимися в XIX в. к изучению культуры Вьетнама. В ряде случаев в качестве особой составляющей традиционного религиозного комплекса исследователи выделяют повсеместно распространенный во Вьетнаме культ предков. Некоторые авторы называют этот культ «настоящей», «подлинной» религией вьетнамцев. В качестве отдельных структурных компонент иногда выделяют также культ духов — покровителей общины, культ духа Домашнего очага, духа Земли и другие более мелкие культы и верования.

В литературе по новому Вьетнаму, как правило, отмечается, что во Вьетнаме получило достаточно широкое распространение христианство. Если же обратиться к количественным характеристикам, то оказывается, что в различные периоды, после второй половины XVI в. — времени появления первых миссионеров и первых незначительных успехов в христианизации страны, численность христиан во Вьетнаме составляла от 3 до 10 % от общей численности населения. В СРВ в настоящее время насчитывается 3—4 млн христиан, что составляет 5,8 % от населения страны или 6,6 % от общей численности вьетов (кинй) — основного этноса страны².

Сохранение столь значительного процента приверженцев относительно новой для Вьетнама «западной» религии без активной поддержки ее извне (т. е. при отсутствии открытой миссионерской деятельности) свидетельствует, несомненно, о стабильности положения христианства в сложившемся в стране религиозном комплексе, о его достаточно широкой социальной базе и существенной роли в жизни общества. В связи с этим представляется интересным выяснить: 1) в силу каких причин христианство смогло утвердиться во Вьетнаме при том, что не нашло большого числа своих последователей в других странах региона (во всех, за исключением Филиппин); 2) действие каких факторов не допустило полной христианизации страны; 3) каково место этой составляющей в комплексе всех религиозных систем, распространенных среди вьетнамцев Вьетнама.

Анализ условий первоначального распространения христианства во Вьетнаме показывает, что в XVI—XVII вв. успеху миссионерской деятельности по христианизации страны во многом способствовали особенности внутривосточной ситуации во Вьетнаме того времени.

В начале XVI в. со всей очевидностью проявились признаки слабости правящей во Вьетнаме с начала XV в. императорской династии Ле. Внутренние противоречия общественного строя привели к повсеместным крестьянским восстаниям и постоянным конфликтам между феодальными группировками. В результате страна оказалась поделенной на части, управляемые правителями новых династий (Мак, Нгуен, Чинь) при формальном сохранении императорского титула за представителями рода Ле. Таким образом, основные положения официально принятой в это время во Вьетнаме конфуцианской доктрины были поставлены под сомнение самой жизнью: сын Неба низведен с престола, но не лишен «мандата на царство», власть узурпирована; страна поделена между группами феодалов и погружена в хаос.

Буддизм, к XVI в. значительно потесненный конфуцианством³, особенно на официальном уровне, но не утративший своего влияния в народных массах, уже не во всех случаях мог удовлетворить человека, ищущего пути и веры в мире непостоянства и страданий. Будучи религией индивидуального спасения, построенный на туманных, атеистических по своему характеру абстракциях, буддизм не давал практических рекомендаций для ориентации в сложной общественно-политической обстановке того времени. Что касается других распространенных среди вьетнамцев религиозных верований и культов, то они, реализуя свои функции в иных сферах жизни и на иных уровнях общественного сознания, не были ориентированы на решение проблем социальной жизни, и в этом смысле не представляли конкуренции для новой развитой религиозной системы.

Христианство же в описанной ситуации предлагало свой, новый способ видения и объяснения мира, гораздо более устраивающий часть населения как с интеллектуальной, так и с эмоциональной точки зрения. Центральные идеи христианства — единого и всемогущего бога, всеобщего покаяния и искупления — воспринимались в тех условиях многими, кому довелось слушать проповеди западных миссионеров, как наиболее оправданные и естественные пути спасения общества, государства и отдельной личности. Монотеистические, богооткровенные христианские идеи были прежде всего своевременны.

Помимо всего, христианство представляло собой новую, еще не изведенную возможность, которая как таковая, независимо от своего содержания, вселяла надежду и давала ощущение психологического комфорта. В поликонфессиональном и веротерпимом вьетнамском обществе такой взгляд на вещи представлялся вполне естественным.

К сказанному следует добавить, что время от времени новая вера на какой-то период могла получать особое покровительство со стороны правящих в различных частях страны домов, которые в целях укрепления своих позиций были заинтересованы в политических и экономических контактах с Западом.

Таковы были исторические условия первоначального распространения христианства во Вьетнаме. Вторая группа причин, обусловивших возможность частичной христианизации этой страны, заключалась в особенностях структуры религиозного комплекса в традиционном Вьетнаме. Дело в том, что этот комплекс никогда не имел в своем составе какой-либо одной доминантной религиозной составляющей, которая, как, например, буддизм хиньяны в Бирме, Камбодже, Лаосе и Таиланде, охватывала бы собой все сферы жизни и социальные слои общества и за счет этого исключала бы возможность относительно широкого распространения новой религии. Во Вьетнаме, как и в Китае, основа структуры религиозного комплекса — «три религии» состояли между собой в «неслиянном единстве» — «то, что рекомендуется конфуцианством, жестко осуждается даосизмом и не принимается в буддизме»⁴. Вполне очевидно, что система с подобной структурной «рыхлостью» могла противостоять натиску новой религии гораздо менее эффективно.

Если же сравнивать возможности в христианизации Вьетнама и Китая, — стран, имевших, казалось бы, практически идентичные по своему составу религиозные комплексы, нельзя не вспомнить выводов П. В. Познера о характере вьетнамского неоконфуцианства, являвшегося в рассматриваемый период официальной государственной идеологией, и его отличиях от китайского: «...если в Китае неоконфуцианство стало следствием синтеза конфуцианства ханьского толка и китайского варианта буддизма школы созерцания, то во Вьетнаме оно явилось результатом синтеза уже сложившегося чжусианства с национальным вариантом буддизма школы созерцания, и, следовательно, можно говорить о том, что вьетнамский вариант неоконфуцианства характеризовался значительно большим «процентным содержанием» буддизма по сравнению с китайским»⁵. Именно благодаря этому вьетнамская религиозная система, «впитавшая в себя, как и в Китае, все религиозно-философские учения своего региона, оказалась более «открытой» или более «демократичной», чем китайская»⁶, что значительно облегчило восприятие Вьетнамом традиций европейской культуры.

Разнородность составляющих традиционного вьетнамского религиозного комплекса, как уже отмечалось выше, была крайне благоприятна для утверждения христианства. С другой стороны, присутствие в составе этого комплекса таких развитых систем, как буддизм и конфуцианство, препятствовало более широкому распространению «западной» веры и полной христианизации страны, как это произошло с Филиппинами, где католицизм наложился на стадиально более ранние формы религиозных верований.

Приверженность национальным религиозным традициям в XVI—XVIII вв. во Вьетнаме воспринималась все-таки большинством как единственно возможная форма организации

жизни общества и личности и в силу этого символизировала собой для многих также и этническую принадлежность. Серьезным препятствием в деле христианизации страны стал культ предков, в отправлении которого вьетнамцы (в т. ч. и принявшие христианство) были наиболее последовательны.

Отношение большинства нации к «нетрадиционным» формам религиозной жизни обусловило положение христианских общин во вьетнамском обществе: есть все основания для того, чтобы квалифицировать их как этноконфессиональную общность. Этноконфессиональная специфика проявляется в характере расселения христиан по территории страны (как правило, они живут компактными группами, населяя христианские кварталы городов, деревень и даже целые провинции), в некоторых особенностях бытовой и соционормативной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под Дальневосточным ареалом мы будем понимать страны Юго-Восточной и Восточной Азии.

² Среди национальных меньшинств, составляющих, по современным данным, 12 % населения СРВ и преимущественно приверженных собственным верованиям и культам, христианство распространения не получило.

³ До XV в. буддизм школы созерцания (вьетн. *thiền*) занимал во Вьетнаме достаточно сильные позиции и имел статус государственной религии.

⁴ Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. С. 112.

⁵ Новая история Вьетнама. М., 1980. С. 608.

⁶ Там же. С. 610.

О. В. Шаталов

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МИССИОЛОГИИ

Сразу хочется оговориться, что тема, вынесенная в заголовок данной статьи, носит в какой-то мере искусственный характер, хотя бы только потому, что миссиологии как специальной научной дисциплины, изучающей сам ход, особенности, методы, структуру организации миссионерского движения, не существует в нашей стране вовсе.

Вместе с тем она не более искусственна, чем то большое количество самых разнообразных: научных, научно-популярных и даже несколько не научных и уж совсем не популярных работ, которые посвящены доказательству ставшего особенно излюбленным в нашей историографии тезиса о том, что проповедническая деятельность христианских миссий на Востоке, впрочем

не только там, почти всегда с неизбежностью предшествовала военно-политической и торгово-экономической экспансии.

Результаты такого рода отношения к предмету изучения нам хорошо известны. Не став одним из самостоятельных и плодотворных направлений исследовательской работы наших ученых, большая научная проблема быстро выродилась в скалярный набор самых хрестоматийных и никого не впечатляющих сведений насчет того, что в деятельности той или иной миссии было хорошего или плохого. «Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна. Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир» (Послание Иакова 3: 17—18).

Так сказано в Священном Писании. И в справедливости этого мы убеждаемся всякий раз, когда видим, насколько полнее и всестороннее она изучалась в России в XIX — начале XX вв. и продолжает изучаться сейчас в западных странах.

Миссионерская тематика была существенным направлением издательской деятельности таких журналов, как «Китайский Благовестник», «Миссионер», «Миссионерское обозрение», «Православный Благовестник», «Православный собеседник» и других. Капитальные же труды иеромонаха Николая (Адоратского), С. А. Архангелова, митрополита Московского Макария (Булгакова), иеромонаха Алексия (Виноградова), А. Можаровского и многих других авторов, печатавшихся в этих изданиях, стали заметной вехой в изучении истории миссионерского движения России на Востоке, в том числе и в Китае.

Причем, в отличие от вышеприведенных суждений наших современников, для дореволюционной историографии определяющей основой большинства исследований стала точка зрения иеромонаха Николая (Адоратского), видевшего глубокий смысл и значение в самом факте существования православной общины в многомиллионном Китае.

«Существование в Китае православия и православной миссии, — писал он, — имеет более глубокий (можно сказать, провиденциальный) смысл и значение, чем пребывание в нем других языческих и христианских конфессиональностей, сильных по числу своих адептов».

Одним из проявлений этого он считал долговременный и стабильный характер деятельности Миссии и объяснял его следующим образом: «Своим исключительным положением в резиденции китайского богдыхана российская миссия была обязана, главным образом, тем основным принципам православия, какими руководствовалась и каких держалась в отношениях своих к правительству Срединной империи и его подданным. Имея ближайшею своею задачею пастырский надзор за потомством албазинцев, православная миссия... держалась всегда указанных ей границ нравственно-религиозной почвы, не вмешивалась

в политику, не увлекалась меркантильными целями и, бескорыстно благодетельствуя своим пасомым, учила их послушанию Св. Церкви и повиновению властям. Воздавая таким образом «Кесарева Кесареви и Божия Богови», российская миссия, с ведома китайского правительства, могла получить от своего обязанность служить посредницей при дипломатических и торговых сношениях России с Китаем, которые велись отдельно и самостоятельно от миссии. И в этом направлении ей удалось выполнить в истории выдающуюся роль»¹.

Но разве не такую же замечательную была деятельность русских православных миссионеров в Америке, Корее, Японии, на Ближнем Востоке, в ряде других стран и городов, таких как Афины, Константинополь, Рим, не говоря уже о собственных пределах Российской империи?

Многие исследователи полагают, что стабильность положения русских миссий при пекинском дворе достигалась в значительной мере за счет небрежения православными священниками своих проповеднических обязанностей. Их деятельность являлась почти исключительно дипломатической и научно-литературной, чем миссионерской, — считала, например, Ж. Бредон. С ней, в общем-то, солидарным оказался и советский исследователь П. Е. Скачков, вернувший в нашу науку определенную преемственность в выборе предмета изучения, когда, работая над «Очерками истории русского китаеведения», посвятил целые главы своей работы именно данному сюжету.

Как кажется, проблема не может ставиться и тем более решаться столь категоричным образом, поскольку очевидно, что на всем протяжении своего пребывания в Китае русские священники в равной мере «укрепляли дипломатическое и церковное представительство в Пекине»².

Это была со стороны православных священников «фабианская» тактика по необходимости осторожного и медленного проникновения в Китай. И если на первых порах их деятельности она не приносила желаемого результата, то причины ее неудач меньше всего стоило бы искать в абсолютной противоположности христианской и китайской морали, в подрывающем сам дух христианской пропаганды «обмирщении» религиозных миссий, которым была придана задача служения политическим и экономическим интересам западноевропейских стран и России на Дальнем Востоке, как считал француз А. Юлар³, или в едва ли не консервативности и даже «простодушии» русских архимандритов, которые «не желали смешивать себя с политиками»⁴, по заверению английского исследователя Э. Паркера.

Проводившийся Россией курс на искусственное сдерживание политических амбиций в отношении Китая, вкупе с осторожным и сдержанным поведением русских священников, принесли ей наибольший успех среди других европейских держав. По словам того же Э. Паркера, «русские православные миссионеры

никогда, ни разу не подвергались никаким преследованиям, и если таковые были часто направляемы против католических и протестантских миссионеров, то это нужно приписать только неразумному усердию миссионеров в деле проповеди»⁵.

Такая тактика русского духовенства в Китае вполне согласовывалась с линией, намеченной еще Петром I в письме к А. А. Виниусу от 1689 г.: «пишешь, ваша милость, что в Пекине построили христиане церковь нашего закона, и многие из китайцев крестились. И то дело изрядно; только для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобеть попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось то в Еспании (т. е. Японии — *О. Ш.*)»⁶.

В этом смысле трудно было бы не согласиться с профессором Станфордского университета М. Мэнколом, полагавшим, что институциональная система, созданная Нерчинским и Кяхтинским договорами, целиком покоилась на отстаиваемой передовой общественной мыслью Европы, начиная с XVII в. и вплоть до Венского конгресса 1815 г., теории «естественного права наций»⁷.

В ближайшей перспективе она не могла привести, правда, к тем впечатляющим и ярким успехам в плане проповеди христианства, которые мы наблюдаем у западноевропейских миссионеров, но зато целиком компенсировала эту неудачу устойчивостью политических контактов и глубиной научного изучения Китая. «Зависело это и от того, между прочим, — писал русский исследователь П. И. Савваитов, — что правительство русское, отправляя в Китай духовные миссии, всегда имело две цели: поддержание православия между албазинцами и изучение Китая во всех отношениях. И только старания Франции и Англии, направленные к обеспечению свободы миссионерской проповеди для своих подданных, вынудили и наше министерство иностранных дел добиться таких же прав для своих русских подданных»⁸.

При этом многие дореволюционные русские исследователи полагали, что только православию даровано судьбою создать со временем в Китае собственную национальную церковь, так как, по словам иеромонаха Сергия (Страгородского), «везде оно (т. е. Православие — *О. Ш.*) будет верой национальной, потому что никому не принадлежит в частности, не носит ничьих цветов или знаков... Как дар неба, а не человеческого разума, оно выше мира и не определяется им, а наоборот собою хочет переродить мир. Следовательно, и здесь, на Востоке, Православие может войти, и со временем, конечно, войдет также полно, без перемены и без остатка, в национальное сознание, как оно могло войти в Европе, и так же станет истинно китайской и ис-

тинно японской верой, как в Европе оно стало верой греческой, русской и пр.; — пусть только ничем не возмущается его первобытная чистота. Самая национальная исключительность Востока может послужить со временем в пользу Православия: она даст возможность Востоку глубже пережить Христианство внутри себя, она откроет путь к более естественному и более непосредственному сроднению с Христианством восточной души»⁹.

Выходя теперь из узких рамок историографического обзора, хотелось бы задаться вопросом о перспективности миссиологии как особой научной дисциплины в нашей стране. Ее перспективность обеспечивается постоянным исследовательским интересом, который проявляется в отношении истории миссионерского движения (без риска ошибиться) с самого начала XVIII в. Вторым обстоятельством, говорящим в пользу целесообразности развития и будущности данного направления, является наличие огромных архивных и библиотечных фондов, касающихся напрямую предмета настоящего сообщения. Правда, на данный момент наша информированность об этих фондах далеко не полная, так как богатейшие архивные коллекции, рассеянные по городам и странам, в полном объеме еще не выявлены и потому не стали объектом исследовательской работы отечественных ученых.

В самом деле, в случае все с той же Пекинской Православной Миссией мы оперируем архивными материалами Москвы и Ленинграда (и это, конечно, объективно оправданно, ведь именно в этих двух городах сосредоточено большинство относящихся к истории Миссии документов), гораздо реже архивами Благовещенска, Иркутска, Казани, Кяхты. Хотя и можно предположить наличие интересующего нас материала в архивохранилищах Владимира, Калуги, Киева, Нижнего Новгорода, Ярославля и других городов страны. Почти ничего нам не известно о материалах, сохранившихся даже после всех сокрушительных чисток, в архивных собраниях Московской Патриархии. И, наконец, полный пробел в отношении китайских и других заграничных архивов. В результате мы лишены почти полностью возможности реконструировать историю Миссии в последний период ее существования после октября 1917 г. Хотя имеются ошутимые лакуны и по более ранним этапам.

Последним соображением, говорящим в пользу такого рода возможности, является наличие в условиях нашей страны квалифицированных специалистов, стабильно, из года в год разрабатывающих проблемы истории миссионерского движения.

Теперь о задачах миссиологии. Первая среди них — организационная. Советское востоковедение, безусловно, очень многое сделало для систематического и целенаправленного изучения научно-исследовательского направления в деятельности той или иной Миссии. Теперь настает пора, когда будет оправданным отказ от превращения миссионерской тематики в своеобразный исследовательский домен одних только востоковедов. Ибо для

комплексного и наиболее полного изучения данной тематики потребуются соединенные усилия богословов, историков церкви, специалистов по русской истории, искусствоведов, представителей точных и естественных наук, ну и, конечно же, востоковедов, уже внесших и в дальнейшем способных внести в миссиологию свою весомую лепту.

Для того чтобы координировать их совместные действия, облегчить выработку программы и выявление исследовательских приоритетов в данной проблематике, потребуется, по всей видимости, в самое ближайшее время создание постоянно действующего миссиологического семинара, а в дальнейшем на его основе и особого центра по типу тех, что уже давно существуют в Бельгии, Ватикане, Великобритании, Испании, Франции и других странах.

С открытием же в высших учебных заведениях богословских факультетов можно было обеспечить преподавание миссиологии как специальной учебной дисциплины, организовать преподавание соответствующих языков, возобновить ориентированную на перевод богословской литературы деятельность и т. д. Коллективными усилиями можно было, наконец, приступить к написанию фундаментальных работ, посвященных истории той или иной миссии, осуществить публикацию памятников в специально созданной для этой цели редакционно-издательской серии.

Все последующие задачи вытекают из этой первой. Одна из них сопряжена с обогащением источниковой базы для комплексных миссиологических исследований. Другая связана с практическим, условно назовем его «просветительским», направлением в деятельности, которое, впрочем, является в большей степени прерогативой Церкви и свою жизнеспособность на данном поприще ей предстоит доказать, что совсем не исключено, в самом ближайшем будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования.—Странник. 1887. Апрель. С. 622, 626—627.

² Dennett T. Americans in Eastern Asia: a critical study of United States' policy in the Far East in the 19th century. N. Y., 1963. P. 255.

³ Ular A. Un Empire Russo—Chinois. P., 1903. P. 141—142.

⁴ Parker Ed. China and religion. L., 1905. P. 238.

⁵ Паркер Э. Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. Пер. с англ. СПб., 1903. С. 537.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого: В 12-ти тт. СПб.-М., 1887. Т. 1 (1688—1701). С. 253—254.

⁷ Mancall M. Russia and China: Their diplomatic relations to 1728. Cambridge (Mass.), 1971. P. 269. (Harvard East Asian series; 61).

⁸ Савваитов П. И. По вопросу об учреждении первой православной епископии в Китае. Б. м., б. г. С. 3.

⁹ Иеромонах Сергей (Страгородский). Христианская проповедь в Китае и Японии.—Русский вестник. 1893. Т. 224. Февраль. С. 26—27.

АВТОРЫ СТАТЕЙ

Архимандрит Августин (Никитин) (р. 1946). В 1969 г. окончил физический факультет ЛГУ, в 1974 г.— Ленинградскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В настоящее время — доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии, преподает историю западных исповеданий и историю Древних Восточных Церквей. Автор статей по истории церковных связей России со странами Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Боголюбов Михаил Николаевич (р. 1918). Окончил филологический факультет ЛГУ по кафедре иранской филологии (1941). Доктор филологических наук. Профессор. Действительный член Российской Академии наук. Декан восточного факультета СПбГУ (с 1960 г.), и. о. заведующего кафедрой истории Древнего Востока. Читает курсы по современным и древним иранским языкам.

Волохова Алена Алексеевна (р. 1934). Окончила Институт восточных языков при МГУ. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник. Работает в Дипломатической Академии МИД Российской Федерации. Специалист в области новой и новейшей истории Китая, внешней политики Китая и КНР.

Григорьева Нина Валерьевна (р. 1964). Окончила восточный факультет ЛГУ (1987). Старший лаборант кафедры китайской филологии восточного факультета СПбГУ. Сфера научных интересов: этнография Юго-Восточной Азии.

Доронин Борис Григорьевич (р. 1928). Окончил восточный факультет ЛГУ (1952). Кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории стран Дальнего Востока СПбГУ. Читает курсы по истории Китая, историографии, источниковедению, этнографии Китая, государственному строю КНР. Автор работ по историографии, источниковедению и истории Китая периода Цин.

Ипатова Аида Семеновна (р. 1933). Окончила Институт восточных языков при МГУ. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник. Зам. руководителя центра «Россия—Китай» Института Дальнего Востока РАН. Специалист в области новой и новейшей истории Китая и истории российско-китайских отношений

Кепинг (Святина) Ольга Викторовна (1900—1992). Сестра последнего начальника Пекинской Духовной Миссии — архиепископа Виктора. Доклад, написанный О. В. Кепинг, был прочитан на научной сессии и подготовлен

к печати ее дочерью, доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН К. Б. Кепинг.

Кычанов Евгений Иванович (р. 1932). Окончил восточный факультет ЛГУ (1955). Доктор исторических наук. Профессор. Заместитель директора по науке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Автор большого числа работ по истории Китая и Центральной Азии.

Нестерова Елена Владимировна (р. 1956). Кандидат искусствоведения. Старший преподаватель Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Читает курсы по истории искусства. Сфера научных интересов: русско-китайские и русско-французские художественные связи в XIX в.

Новгородская Наталия Юрьевна (р. 1958). Окончила исторический факультет МГУ. Кандидат исторических наук. Работает в Институте Дальнего Востока РАН, в центре «Россия—Китай». Специалист в области истории Китая нового времени и истории российско-китайских отношений.

Пан Татьяна Александровна (р. 1955). Окончила восточный факультет ЛГУ (1978). Младший научный сотрудник группы Дальневосточной текстологии Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Сфера научных интересов: маньчжурская филология, публикация маньчжурских текстов, история маньчжуроведения в России.

Решетов Александр Михайлович (р. 1932). Окончил восточный факультет ЛГУ (1956). Кандидат исторических наук. Ведущий научный сотрудник. Работает в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого. Автор публикаций по этнографии Восточной Азии и общей этнографии.

Самойлов Николай Анатольевич (р. 1955). Окончил восточный факультет ЛГУ (1977). Кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета СПбГУ. Читает курсы по истории Китая, истории религиозных, философских и идеологических учений стран Азии, а также курс «Россия и Восток». Автор работ по новой истории Китая, истории китайской общественной мысли и русско-китайских связей.

Саркисова Галина Ивановна (р. 1954). Окончила исторический факультет МГУ. Кандидат исторических наук. Работает научным сотрудником центра «Россия—Китай» в Институте Дальнего Востока РАН. Специалист в области отечественной истории и российско-китайских отношений.

Тихвинский Сергей Леонидович (р. 1918). Высшее образование получил в ЛГУ и Московском институте востоковедения. Действительный член Российской Академии наук. Председатель Национального комитета российских историков. Председатель Научного совета РАН «История международных отношений и внешняя политика России». Почетный председатель Ассоциации российских китаеведов РАН. Основные труды посвящены проблемам новой и новейшей истории Китая и истории международных отношений на Дальнем Востоке. В 1943—1950 гг. находился на дипломатической работе в Китае.

Чигринский Михаил Фалькович (р. 1927). Окончил исторический факультет ЛГУ (1951). Действительный член Русского географического общества. Автор работ по истории и этнографии Тайваня и истории отечественного востоковедения.

Хохлов Александр Николаевич (р. 1929). Окончил Московский институт востоковедения. Кандидат исторических наук. Работает старшим научным сотрудником в Институте востоковедения РАН. Специалист в области новой истории Китая, российско-китайских отношений и истории отечественного китаеведения.

Шаталов Олег Викторович (р. 1958). Окончил исторический факультет Воронежского университета (1981). Кандидат исторических наук. Доцент кафедры всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена. Читает курс новой и новейшей истории стран Азии и Африки. Сфера научных интересов: история китаеведения.

НАЧАЛЬНИКИ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

Первая миссия (1716—1728). Архимандрит Илларион (Лежайский). Скончался в Пекине в 1717 г.

Вторая миссия (1729—1735). Архимандрит Антоний (Платковский).

Третья миссия (1736—1745). Архимандрит Илларион (Трусов). Скончался в Пекине в 1741 г.

Четвертая миссия (1745—1755). Архимандрит Гервасий (Линцевский).

Пятая миссия (1755—1771). Архимандрит Амвросий (Юматов). Скончался в Пекине в 1771 г.

Шестая миссия (1771—1781). Архимандрит Николай (Цвет).

Седьмая миссия (1781—1794). Архимандрит Иоаким (Шишковский).

Восьмая миссия (1794—1807). Архимандрит Софроний (Грибовский).

Девятая миссия (1807—1821). Архимандрит Иакинф (Бичурин).

Десятая миссия (1821—1830). Архимандрит Петр (Каменский).

Одиннадцатая миссия (1830—1840). Иеромонах (в дальнейшем архимандрит) Вениамин (Морачевич).

Двенадцатая миссия (1840—1849). Архимандрит Поликарп (Тугаринов).

Тринадцатая миссия (1850—1858). Архимандрит Палладий (Кафаров).

Четырнадцатая миссия (1858—1864). Архимандрит Гурий (Карпов).

Пятнадцатая миссия (1865—1878). Архимандрит Палладий (Кафаров).

Шестнадцатая миссия (1879—1883). Архимандрит Флавиан (Городецкий).

Семнадцатая миссия (1884—1896). Архимандрит Амфилохий (Лутовинов).

Восемнадцатая миссия (1896—1931). Архимандрит Иннокентий (Фигуровский). В 1902 г. возведен в сан епископа Переяславского, впоследствии митрополит Пекинский и Китайский.

Девятнадцатая миссия (1931—1933). Архиепископ Симон (Виноградов).

Двадцатая миссия (1933—1956). Епископ Виктор (Святин). В 1937 г. возведен в сан архиепископа.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Боголюбов М. Н.</i> Предисловие	5
<i>Новгородская Н. Ю.</i> Роль и место Российской Духовной Миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII—XVIII в.)	9
<i>Саркисова Г. И.</i> Из истории 5-й Духовной Миссии в Пекине	17
<i>Волохова А. А.</i> Российская Духовная Миссия в Китае в XVIII в.: оценка американского историка	27
<i>Кычанов Е. И.</i> Владимир Васильевич Горский (1819—1847)	31
<i>Архимандрит Августин (Никитин)</i> С.-Петербургская Духовная Академия и Русская Духовная Миссия в Пекине: архимандрит Гурий (Карпов) (1814—1882)	37
<i>Самойлов Н. А.</i> Пекинская Духовная Миссия во второй половине XIX в.	47
<i>Чигринский М. Ф.</i> Иеромонах Алексей (Виноградов) в Оптиной пустыни	54
<i>Хохлов А. Н.</i> Стажеры и стипендиаты при Пекинской Духовной Миссии	62
<i>Ипатов А. С.</i> Празднование 250-летия Российской Духовной Миссии в Китае (1935)	74
<i>Тихвинский С. Л.</i> Начальник 20-й миссии — Владыка Виктор (воспоминания Генерального консула СССР в Пекине)	84
<i>Кепинг О. В.</i> Последний начальник Российской Духовной Миссии в Китае — архиепископ Виктор: жизненный путь	91
<i>Доронин Б. Г.</i> История империи Цин в трудах членов Российской Духовной Миссии (XVIII — середина XIX в.)	99
<i>Решетов А. М.</i> Значение трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине для этнографии	106
<i>Пан Т. А.</i> Изучение маньчжурского языка в Пекинской Духовной Миссии	119
<i>Нестерова Е. В.</i> Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства (новые архивные материалы)	127
<i>Архимандрит Августин (Никитин).</i> Русская Православная Миссия в Корее	133
<i>Григорьева Н. В.</i> К вопросу о восприятии христианства в странах Дальневосточного ареала: христианство и традиционный религиозный синкретизм во Вьетнаме	147
<i>Шаталов О. В.</i> К вопросу о развитии отечественной миссиологии	151
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Авторы статей	157
Начальники Российской Духовной Миссии в Пекине	159

103

103
103
103

103
103
103

103
103
103

103
103
103

103
103
103

103
103
103

103
103
103

103
103
103

103
103
103

103
103
103